
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Журнал
социально-политических и экономических исследований

Том 1 (2)
2007

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КAVKAZA

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции Азербайджанской Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®

Швеция

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 1218

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета (Баку) Тел/факс: (994 – 12) 497 12 22 E-mail: elis@tdb.baku.az
Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ	Ответственный секретарь (Баку) Тел.: (994 – 12) 596 11 73 E-mail: alkeng@gmail.com
Азер САФАРОВ	Представитель журнала в России (Москва) Тел.: (7 – 495) 937 77 27 E-mail: azersafarov@ibamoscow.ru
Нодар ХАДУРИ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (995 32) 99 59 67 E-mail: undp@parliament.ge
Кямил АГАДЖАН	Представитель журнала в Турции (Анкара) Тел.: (312) 491 60 97 E-mail: kagacan@yahoo.com

Редакционная коллегия

Назим МУЗАФФАРЛИ (ИМАНОВ)	Главный редактор (Азербайджан) Тел.: (994 – 12) 499 11 74 E-mail: n_imanov@email.com
Арчил ГЕГЕШИДЗЕ	Заместитель главного редактора (Грузия) Тел.: (99 – 593) 31 77 29 E-mail: gegeshidze@gfsis.org
Акиф АБДУЛЛАЕВ	Заместитель главного редактора (Азербайджан) Тел.: (994 – 12) 596 11 73 E-mail: akif@tdb.az

Члены редколлегии:

Мустафа АЙДЫН	Профессор Анкарского университета (Турция)
Заза АЛЕКСИДЗЕ	Доктор исторических наук, профессор, Член-корреспондент Национальной академии наук Грузии, руководитель научного отделения Института рукописей имени Корнели Кекелидзе (Грузия)
Ирина БАБИЧ	Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (Россия)
Дуглас БЛУМ	Профессор, заведующий кафедрой политических наук Провиденс колледжа (США)
Джеймс ВЕРЧ	Профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе, директор программы международных и региональных исследований (США)
Парвин ДАРАБАДИ	Доктор исторических наук, профессор Бакинского государственного университета (Азербайджан)
Стефен ДЖОНС	Профессор, эксперт по исследованиям России и Евразии колледжа Монт Холуоки (США)
Станислав ЖУКОВ	Доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)
Рауф КАРАГЕЗОВ	Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Сванте КОРНЕЛ	Профессор, директор по исследованиям Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Гасан КУЛИЕВ	Профессор, заведующий отделом Института философии Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан)
Эльмир КУЛИЕВ	Директор Департамента геокультуры Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Ведущий специалист отдела политики и международных отношений Кентского университета Кентербери; ведущий специалист по евразийским проблемам в военной области в рамках программы «Евразийские исследования» Фонда Джеймстауна, Вашингтон (Великобритания)
Акира МАЦУНАГА	Доктор, эксперт по Центральной Азии и Кавказу, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Роин МЕТРЕВЕЛИ	Доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, президент Национального комитета грузинских историков, член Президиума Национальной академии наук Грузии (Грузия)
Фуад МУРШУДЛИ	Кандидат экономических наук, советник президента Международного Банка Азербайджана (Азербайджан)
Владимир ПАПАВА	Профессор, Член-корреспондент Академии наук Грузии, ведущий сотрудник Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Александр РОНДЕЛИ	Профессор, президент Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Мехди САНАИ	Профессор Тегеранского университета, директор центра по изучению России (Иран)
Фредерик СТАРР	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель директора Института стратегических исследований Кавказа, ответственный секретарь журнала социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» (Азербайджан)
Мурад ЭСЕНОВ	Доктор политических наук, главный редактор журнала социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция)
Алла ЯЗЬКОВА	Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Средиземноморье-Черноморье» Института Европы Российской академии наук (Россия)

Материалы, публикуемые в журнале, не обязательно отражают точку зрения Редакционного совета и Редколлегии

Адрес редакции:

КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
AZ1009, Баку, Азербайджан
ул. Аловсата Гулиева, 98
ВЕБ САЙТ: www.ca-c.org

© «Кавказ & Глобализация», 2007

© CA&CC Press®, 2007

© Институт стратегических исследований Кавказа, 2007

**«КАВКАЗ
&
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»**

Журнал
социально-политических и экономических исследований
Том 1 (2), 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ**ГЕОПОЛИТИКА**

КАВКАЗ: МЕЖДУ «МОЛОТОМ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ И «НАКОВАЛЬНЕЙ» ЭТНОПОЛИТИКИ	<i>Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ</i>	6
АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	<i>Намиг АЛИЕВ</i>	19
ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И РЕСПУБЛИК КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА	<i>Джудди ИЛЛЕС</i>	26

ГЕОЭКОНОМИКА

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА	<i>Лео ЧИКАВА</i>	31
О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭТНОКОНФЛИКТОВ	<i>Паата ЛЕИАШВИЛИ</i>	37
НЕФТЬ И ГАЗ В БАССЕЙНЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	<i>Богуслав ЛИТЕРА</i>	46
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ПЕРЕХОДНАЯ КУЛЬТУРА В ГРУЗИИ	<i>Майкл Д. КЕННЕДИ, Элизабет ИГЕН</i>	61

ГЕОКУЛЬТУРА

ЭТНИЧЕСКИЕ МИФЫ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЙ: АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ	<i>Фарид ШАФИЕВ</i>	66
ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ПРОЦЕСС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ	<i>Фуад АЛИЕВ</i>	81
«ИСЛАМСКИЙ ПРОРЫВ»: МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКАХ ИДЕОЛОГИИ	<i>Ренат БЕККИН</i>	92

ГЕОИСТОРИЯ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XX ВЕКА	<i>Ирада БАГИРОВА</i>	102
АЗЕРБАЙДЖАН И ГРУЗИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ (1918—1921 ГГ.): ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЕННОЙ СФЕРЕ	<i>Заур ГАСЫМОВ</i>	113
ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ (АБХАЗЫ И АДЫГИ)	<i>Гудиса ВАРДАНИЯ</i>	121
КАВКАЗ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ (К 200-ЛЕТИЮ ЗАХВАТА БАКУ РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ)	<i>Айдын АСЛАНОВ</i>	134

ГЕОПОЛИТИКА**Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ**

*Доцент Академии государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики
(Баку, Азербайджан).*

**КАВКАЗ:
МЕЖДУ «МОЛОТОМ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ И
«НАКОВАЛЬНОЙ» ЭТНОПОЛИТИКИ****Р е з ю м е**

В статье представлен анализ современных этнополитических процессов на Кавказе в контексте глобализации. Рассматриваются две основные составляющие проблемы: влияние глобализации на собственно этнические процессы и на формы их политической институционализации. Кро-

ме того, исследуются усилившиеся в XXI веке противоположные глобальные тенденции: с одной стороны, тяготение к этнической консолидации и этнополитической мобилизации, с другой — к межэтнической интеграции и поиску новых форм глобальной общности.

В в е д е н и е

С конца 1980-х годов этнополитические проблемы активно дискутируют во многих странах мира: не только ученые и журналисты, но и рядовые граждане пишут книги, статьи и эссе, высказывая свое личное мнение по этим жгучим, сотрясающим мировой организм проблемам. К числу последних относятся распад ряда государств, в том числе гигантской советской империи, этнические войны и этноцид, миллионные потоки этнических беженцев и вынужденных переселенцев, а также многие другие.

Менее очевидной для восприятия, но не менее трудной — как для научного познания, так и массового сознания — оказалась проблематика, связанная с глобализацией:

бесконечные «за» и «против», сомнения в «естественности» процесса, непредсказуемость последствий и т.д.

На самом деле две обозначенные группы проблем тесно взаимосвязаны, и не только потому, что обладают «общим диффузным полем», но и по той причине, что на пути их научного осмысления существуют общие трудности: сильный фон эмотивных помех, смешение разнопорядковых аспектов исследуемых вопросов, подмена видовых особенностей объектов абстрактными конструкциями и т.п. Преодоление указанных трудностей при анализе связки «глобализация — этнизация» представляется особенно важным применительно к такому «богатому» на конфликты региону, каким является Кавказ. Приходится искать и находить ответы на ряд сложных вопросов, а именно:

- как могут протекать в одном пространственно-временном поле диаметрально противоположные в своей основе процессы — глобализация и этнизация общественной жизни;
- возможен ли — в принципе — для народов Кавказа переход от доминирования этнополитических императивов к преобладанию универсальных глобальных ценностей;
- и, наконец, что же в перспективе может принести Кавказу глобализация — мир, демократию и процветание или новый кровавый передел границ, территорий, ресурсов, рождение государств-карликов и политических мутантов?

Глобализация и этнизация — две стороны одной медали?

Рассматривая этнополитическую ситуацию на постсоветском пространстве (особенно на Кавказе), многие исследователи позволяют себе ограничиваться простой констатацией фактов, которая, как известно, непродуктивна в научном плане. В самом деле, в чем научная польза констатации того, что на Кавказе распад Советского Союза привел к интенсификации отложенных, законсервированных в течение многих десятилетий национально-этнических проблем¹, или же принятия «субъективной» в своей основе идеи о решающей роли в этом процессе российских радикалов (во главе с Б.Н. Ельциным), поддержавших национал-сепаратистов в других республиках?²

Ведь не привел же распад СССР к жестоким этнополитическим конфликтам в Прибалтике, хотя и там имеется немало «зон напряженности». Например, в Литве — г. Игналина (населен преимущественно русскими) и Шальчининкайский район (преимущественно поляками); на северо-востоке Эстонии — Нарвский район (русские). В Латвии таким фактором этнополитической напряженности является почти 50%-е русскоязычное население.

К сожалению, при объяснении подобных парадоксов этнополитики большинство исследователей предпочитает достаточно простой путь, ограничиваясь утверждениями, что народы постсоветских государств обладают разным уровнем культуры и различаются ментальностью³, что корни современных национальных проблем лежат в истории вза-

¹ См.: *Лысенко В.Н.* Этнополитические конфликты в посткоммунистическом пространстве // *Этнополис*, 1995, № 5. С. 56—70.

² См.: *Чеико С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 1996.

³ См.: *Постсоветское пространство: этнополитические проблемы (по материалам обсуждения за «круглым столом» «Куда идет Россия?»)* // *Социологические исследования*, 1997, № 1. С. 34—55; № 2. С. 77—94.

имоотношений этносов⁴ или связаны с борьбой за перераспределение собственности и экономических ресурсов⁵, что здесь замешаны геополитические «игры» великих держав⁶ и т.д. Американский исследователь Фиона Хилл отмечает: «Очень интересно сравнить Кавказ с Балтией, где велись или ведутся те же дискуссии, которые ведутся на Кавказе — об интеграции в Европу, сотрудничестве с НАТО и т.д. Страны Балтии успешно решили эти вопросы, потому что действовали совместно. Они смогли сформулировать общие цели, хотя часто это было нелегко. Эти страны сильно отличаются друг от друга, каждая из них обладает своей уникальной историей, хотя некоторые аспекты их прошлого крайне похожи. На Кавказе все происходит по-другому. Не существует общей повестки дня, которая могла бы способствовать совместному развитию закавказских республик. Ключевой вопрос — отсутствие взаимодействия между ними»⁷.

В научной литературе есть также работы, в которых корни этнополитической ситуации на Кавказе «сводятся» к примату цивилизационных особенностей, имманентно присущих народам региона, в своей совокупности создающих даже особую «цивилизацию»⁸, которая детерминируется в том числе архаичными формами этносоциальной среды: патриархальными, клановыми, местническими, тейповыми и т.д.

Более того, в западной политической науке, выступающей к тому же интеллектуальной основой европейской и международной интеграции, углубление этнополитических противоречий на Кавказе, а также тенденции к дроблению уже существующих государств зачастую представляются лишь как анахронизмы, пережитки докапиталистического либо тоталитарного прошлого. Ф. Фукуяма пишет: «Это экономические силы поощрили национализм путем смены классовых барьеров национальными и создали в этом процессе централизованные и лингвистически однородные сущности. Те же самые экономические силы поощряют сегодня устранение национальных барьеров путем создания единого мирового рынка. И тот факт, что окончательная политическая нейтрализация национализма может не произойти при жизни нашего поколения или следующего, не отменяет перспективы, что она когда-нибудь случится»⁹. В политическом плане такая позиция достаточно корректна, в прогностическом — рациональна, однако в научно-прикладном отношении и она не в полной мере проясняет суть протекающих на Кавказе процессов.

По нашему мнению, природа и ход этнополитических процессов не могут быть объяснены только «из самих себя», являться «самопричиной» собственного существования. Для построения эффективной научной модели генезиса этнополитических процессов необходим внешний посыл, детерминанта более высокого порядка, «незримо» инициирующая эти феномены и скоррелированная с их текущими и конечными результатами.

В качестве такой универсальной причины может выступать глобализация, понимаемая как исторический процесс «постижения» человечеством своей родовой сущности, сложный процесс самодвижения в форме «скручивания», «сворачивания» мира (по П. Тейяр де Шардену). Согласно Тейяр де Шардену, народы достигли такой степени взаимозависимости, при которой урегулирование международных конфликтов путем

⁴ См.: *Панарин Э.Д.* Национальные проблемы на постсоветской территории. Санкт-Петербург, 2001. С. 20—24.

⁵ См.: *Козн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Дмитрий Булавин, 2007. С. 102—103.

⁶ Данный аспект вообще составляет отдельную тему, хорошо сформулированную в названии статьи И. Бермана, вице-президента Совета по внешней политике США: «Центральная Азия и Кавказ: новое поле боя» («The Washington Quarterly», США) // *ИноСМИ.Ru*, 25 марта 2005.

⁷ Как разрешить конфликты на Кавказе? // *Washington ProFile*, 29 November 2004.

⁸ См.: *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация // *Научная мысль Кавказа*, 1995, № 1. С. 50—62.

⁹ *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, Ермак, 2004 [http://www.nietzsche.ru/look/fukuama.php?r=6].

«перекраивания» границ должно уйти в прошлое. Один из основоположников глобального эволюционизма предвидел перерастание «феномена человека» в «феномен человечества», которое в конечном счете сделает реальным преодоление всех «перегородок» между людьми¹⁰.

Можно предположить (хотя эту идею еще следует основательно проработать как теоретически, так и эмпирически), что отдельные аспекты и формы протоглобализации наблюдались на протяжении всей истории: великие империи Древнего мира и Средневековья, а также глобальные колониальные державы Нового времени могут послужить тому иллюстрацией. Кстати, большинство исследователей США относят начало процесса глобализации к эпохе великих географических открытий, для вящего символизма ведут отсчет от 1492 года, а историки Эмили Эриксон и Питер Бирман на основании анализа данных за период с 1601 по 1833 год пришли к выводу, что указанное явление возникло благодаря деятельности бесчестных торговцев и моряков из Ист-Индской торговой компании¹¹.

В этом плане XX век — начало XXI можно охарактеризовать и как эпоху противоборства различных глобалистских проектов развития: либертариистского и коммунистического, колониального и цивилизационного, многополярного и однополярного. При этом нежизнеспособность какого-либо одного типа мироустройства (например, коммунистического) еще не свидетельствует, что альтернативный вариант (либертариистский) одержал «полную и окончательную победу» и представляет собой единственно возможный. Как справедливо отмечает Чарльз Хэнди, конец коммунизма вовсе не означает, что капитализм в его современной форме — единственно правильный путь¹². Понятийную специфичность глобализации подчеркивает и А.И. Уткин: «Термин «глобализация» является метафорой, придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма»¹³. И действительно, значительное политическое «покраснение» Латинской Америки ставит под серьезное сомнение общепринятую точку зрения, сводящуюся к тому, что на современном отрезке мировой истории окончательно победила рыночно-либеральная модель развития общественных отношений.

Глобализация — как движение к усилению всемирной взаимосвязанности на основе коммуникационного сближения, слияния национальных экономик, появления новых международных форм инфраструктуры — в свою очередь неизбежно порождает взаимоисключающие тенденции. На XVIII Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки о проблемах глобализации были рассмотрены ее *противоречия*: соотношение глобализации с вестернизацией и модернизацией; противоречивые соотношения глобализационных процессов с национальными суверенитетом и интересами; противоречия идентичности и глобализации; противоречия между ростом национального самосознания и развитием ряда небольших этносов, с одной стороны, и отсутствием у них адекватных представительных (национально-государственных) организаций в той стране, в которой они находятся, и в мире, с другой; противоречия национально-этнических отношений и сознания в эпоху глобализма; противоречия между глобализацией и миграцией; возрастание угроз национализма и сепаратизма в условиях глобального развития¹⁴.

Естественно, этот ряд можно продолжить, однако, на наш взгляд, все нынешние противоречия глобализации так или иначе «вписываются» в рамки одной из четырех обозначенных ниже проблем:

¹⁰ См.: Де Шарден П.Т. Феномен человека. М., 1987; *Он же*. Божественная среда. М.: АСТ, 2003.

¹¹ См.: Шесть веков глобализации // Washington Profile, Вып. 84 (310), 23 июля 2003 [www.washprofile.org].

¹² См.: Хэнди Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире. В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 163—184.

¹³ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 9.

¹⁴ См.: Ирхин Ю.В. XVIII Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки о проблемах глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. М., 2001, № 3. С. 36—44.

1. Вызовы и угрозы, порождаемые глобализацией (международные терроризм и преступность, наркотрафик, торговля людьми и т.д.), по своим масштабам и последствиям уже во многом «перекрывающие» уникальные возможности развития, предоставляемые глобализацией.
2. Неопределенность взаимоотношений между национальными государствами и квазигосударственными образованиями, между этносами и наднациональными структурами.
3. Однополюсность мира и постепенное становление факторов ее отрицания. Например, устои складывающейся англосаксонской планетарной гегемонии исподволь «подтачиваются» другими глобальными тенденциями: уменьшением в мире доли людей, для которых английский язык является родным (в настоящее время 7%), в то время как на китайском языке говорят уже более 20% обитателей планеты; неуклонным уменьшением удельного веса христианского населения, а также увеличением доли мусульманского и т.д.
4. «Элитарный» характер глобализации, усиливающий неравенство между различными регионами мира в части обладания материальными благами: богатые страны становятся богаче, бедные — еще беднее.

Анализ противоречий глобализации показывает, что она обостряет:

- *проблемы развития* — отношения между богатым Севером и бедным Югом;
- *проблемы мира* — отношения между демократическим Западом и авторитарно-тоталитарным Востоком.

Не случайно некоторые аналитики подчеркивают, что вместо «нового мирового порядка» человечество рискует получить «новый мировой беспорядок»¹⁵.

Таким образом, глобализацию можно охарактеризовать как геоисторический процесс, охватывающий с разной степенью интенсивности многообразные стороны общественной жизни, различные регионы мира, соответствующим и придающий им — в зависимости от параметров их «качественного» состояния — разные импульсы и векторы развития. В данном контексте современные этнополитические процессы можно рассматривать под двумя основными углами зрения: во-первых, влияния глобализации на собственно этнические процессы; во-вторых, ее воздействия на формы их политической институционализации.

Имеются все основания полагать, что XXI век пройдет под знаком усиления двух противоположных глобальных тенденций: с одной стороны, разъединительной, проявляющейся в получивших широкое распространение процессах этнической консолидации и этнополитической мобилизации; с другой — объединительной, выражающейся в межэтнической интеграции и внедрении новых форм глобальной общности.

Эти тенденции проявляют себя как две стороны одного процесса глобализации, однако в различных регионах (государствах) мира может и будет превалировать либо первая, либо вторая. Для значительного числа народов евразийского и африканского континентов, которые по уровню социально-экономического развития не превысили «пороговых» показателей индустриальной эпохи, глобализация оказалась (и останется в ближайшие десятилетия) «катализатором» характерных для классического капитализма процессов «пробуждения национальной жизни», складывания этнонаций и национальных государств.

---

¹⁵ Globalization and Antiglobalization: Dynamics of Change in the New World Order / Ed. by H. Veltmeyer. Aldershot, Hants, UK; Burlington, VT: Ashgate, 2005; *Блинов А.С.* Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М.: МАКС Пресс, 2003.

С этой точки зрения распад СССР оказался, по сути, отказом от исторически несостоятельной глобалистской модели и со всей неизбежностью привел в действие механизмы адаптации регионального развития к иной модели. В странах Балтии, где нации к тому времени уже сложились исторически¹⁶, сформировались национальные государства и конституционные традиции, а дезинтеграция СССР лишь открыла дорогу к восстановлению прежде утраченного суверенитета. Именно поэтому там возобладал конституционно-политический, гражданский национализм, которому присущи социальные, даже демократические черты.

В тех же регионах и странах, где формирование этнонационального единства и национально-государственного устройства (в целом — процессы этнополитического становления) еще не было завершено, оказалась востребованной глобальная тенденция к этнической активизации. Соответственно, в действие вступил другой защитно-адаптационный механизм — этнонационализм, основанный на политике этнического доминирования, защите от реального или надуманного инонационального господства. В своих крайних, радикальных формах этот механизм адаптации приводит на первый взгляд к своей полной противоположности: национально-государственное строительство попадает в русло этнократии и национального империализма, по своей природе изначально не признающих наднациональные интеграционные тенденции, отторгающих все инонациональное и т.д. Тем не менее, как уже отмечалось, противоречивость — внутреннее свойство глобализации, которая (как геоисторический процесс) проявляет себя не в виде однолинейного поступательного потока, а скорее в качестве математической синусоиды, в разных точках которой находятся народы и регионы мира.

Глобализация и этнизация, рассматриваемые как противоположные полюсы единого исторического процесса превращения планеты в «глобальную деревню» (М. Мак-Люэн)¹⁷, характеризуются внутренне сложной диалектикой взаимопереходов одной в другую. В «глобальной деревне», в которой ничего нельзя скрыть и все ответственно за все, само существование классических многонациональных государств со всеми атрибутами этнополитики (экономическая потребность в границах, этничность как статус и т.п.) вызывает к жизни объективную общественно-историческую потребность в их «преодолении», то есть в планетарном униформизме. С другой стороны, глобализация содержит в себе и огромный потенциал саморазрушения — она ускоряет мощные этномиграционные потоки, вследствие чего возрастает этническая мозаичность большинства стран мира — даже тех, которые ранее были относительно гомогенными. В результате в таких государствах на передний план выходит ряд этнополитических проблем:

- обостряются взаимоотношения между «титულными» и «нетитулными» народами, а также между так называемым «Центром» и этническими регионами, анклавами;
- усиливается этнический редукционизм, рассматривающий все процессы политического, социально-экономического и культурного развития сквозь призму этнонациональной идентификации;
- усугубляются этнонационализм и этнорегионализм;
- актуализируются права и статус этнических меньшинств;

¹⁶ У восточнобалтийских племен — литов, жемайте, жмуди, ливов, эстов и других — еще в Средние века начался этнотрансформационный процесс «переплавки» в литовцев, латышей и эстонцев в рамках существовавшего тогда европейского квазигосударственного объединения — Священной Римской империи. Известное высказывание «не нация создала государство, а государство породило нацию» подтверждается историей становления и прибалтийских наций (см.: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1980 г. Санкт-Петербург, 1998. С. 68).

¹⁷ См.: *Мак-Люэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.

- происходит «смещение» акцента с политико-гражданской идентификации людей в сторону этнической и т.д.

Более того, в результате этнической миграции даже возникает реальная угроза сукцессии¹⁸. Это уже характерно для ряда стран Европы, а также Российской Федерации (по некоторым данным, количество китайских мигрантов достигает на Дальнем Востоке 50% от численности местных жителей)¹⁹. Важную роль в относительно быстром изменении баланса в этнической структуре населения государств и регионов (что, в свою очередь, может вызвать к жизни новые этнополитические угрозы) играют и все более глобализирующиеся демографические процессы основных этносов этих территорий.

Возрастание значимости этнополитического компонента общественной жизни может привести — уже в обозримом будущем — к недопустимо глубокой фрагментации практически всех полиэтнических государств, разрушению существующей системы международных отношений, бесчисленным этнополитическим войнам и конфликтам с высокой вероятностью их перерастания в межгосударственные, даже в региональные. В мире звучат тревожные прогнозы о «распаде мирового единства», о «взорванной этничности», о том, что «в эпоху глобализации агрессивность этнонациональных меньшинств будет возрастать из-за незащищенности их самобытности и перспектив»²⁰.

Еще один важный аспект проблемы — ослабление, вызванное влиянием глобализации, роли национальных государств, основы которых подрываются по ряду направлений: формирование транснациональной экономики и утрата бывшего экономического значения национальных границ; «сужение» пределов государственной независимости в силу добровольной передачи некоторыми странами части своих суверенных прав наднациональным институтам; развитие информационно-коммуникационных технологий, для которых межгосударственные рубежи не являются ограничительным фактором («мир без информационных границ»); усиление транснациональной миграции; углубление плюрализма культур и этничностей.

Тем самым современные тенденции к глобализации, согласно мнению ряда западных исследователей (И. Фергюсон, Р. Мансбах и др.), подрывают государства и саму систему государств²¹. Образно говоря, «нация делается неуместна, хотя она еще и существует. Чем ближе мы подходим к глобальному интегральному целому, тем ближе мы к концу географии (т.е. государственно-национального деления мира)»²².

В то же время исторические перспективы национальных государств еще достаточно устойчивы. «Пока преждевременно списывать со счетов национальные государства как основные субъекты международных отношений. Именно они формируют мегаобщество, исходя из своих целей и интересов»²³. Степень подверженности той или иной страны негативному воздействию глобализации зависит от многих разнопорядковых факторов. На наш взгляд, правы исследователи, считающие, что «чем менее достаточным является государство, тем более вероятно, что оно распадется на составные части или окажется неспособным адаптироваться к транснациональным переменам. Внешние и внутренние вызовы это проверка стойкости государств»²⁴.

¹⁸ Естественнаучный термин, используемый в теории антропогенеза Л.Н. Гумилева для обозначения процесса экстремально быстрой смены этнического состава территории.

¹⁹ См.: *Regent T.* Проблемы регулирования миграционных процессов // *Миграция*, 1997, № 4; *Панарин С.* Безопасность и этническая миграция в России // *Pro et Contra*, 1998, Т. 3, № 4; *Миграционная ситуация в странах СНГ*. М., 1999.

²⁰ *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. Санкт-Петербург: Питер, 2004. С. 239—240.

²¹ См.: *Уткин А.И.* Геоструктура XXI века // *Независимая газета*, 1 сентября 2000.

²² *O'Brien R.* *Global Financial Integration. The End of Geography*. L.: Pinter Publishers, 1992. P. 5 (цит. по: *Иванов Н.* Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // *Мировая экономика и международные отношения*, 2000, № 3. С. 12).

²³ *Кувалдин В.Б.* Глобализация — светлое будущее человечества? // *Независимая газета-Сценарии*, 11 октября 2000.

²⁴ *Waltz K.N.* *Globalization and American Power* // *The National Interest*, Spring 2000, Vol. 59.

Кавказ: из «царства этнополитики» в «царство глобализации»?

Для Кавказа эта дилемма имеет стратегическое значение. При решении в практической плоскости конкретных проблем политикам региона чуть ли не ежедневно приходится сталкиваться с выбором приоритета: делать ли акцент на декларируемые на международном уровне универсальные ценности либо на этнополитические лозунги — так сказать, для «внутренней аудитории».

В целом для Кавказа доминантность этнополитических формул развития далеко не случайна. К причинам, наряду с вышеуказанными, можно отнести природно-географическую детерминацию полиэтнической структуры населения, слабость экономической составляющей этносоциального развития, отсутствие (до XIX—XX вв.) исторически устойчивых централизованных государств или сильных наднациональных территориально-государственных образований и др.

В русле изложенных суждений можно заключить, что этнополитические процессы на Кавказе (наверное, и в большинстве государств Центральной Евразии) с внутренней необходимостью должны были пройти — и в настоящее время проходят — определенные стадии (промежуточные этапы) и «дозреть» до заданной мировым сообществом планки социально-экономического и политического развития. Такое стадийное этнополитическое развитие, как мы считаем, встраивается в предлагаемое глобализацией «социально сжатое время». Поэтому можно считать объективно закономерным эволюционирование в регионе этнонационализма (пока доминантного) в плебисцитарный национализм, предоставляющий демократические инструменты достижения межэтнического компромисса и межэтнической кооперации.

Таким образом, не следует «смешивать» два совершенно разных по своей природе процесса: с одной стороны, образования и консолидации современных наций и этносов на Кавказе (и сопряженные с этим политические феномены), с другой — утверждения этнической исключительности путем применения насилия, этнических чисток, депортаций, аннексий и т.д.

«Перекрестным полем» для обеих тенденций являются этнополитическое самоопределение и его формы. Необходимо особо подчеркнуть, что абсолютизация национального государства (как единственно возможной формы государственности) не просто ошибочна с научной точки зрения, а представляет собой опасную политическую позицию, реализация которой граничит с преступлением против человечества. При обосновании такого подхода исследователи и политики часто ссылаются на то, что в мире насчитывается до 5 тыс. этносов, проживающих на территории примерно 200 стран. В потенциале это означает наличие на планете 5 тыс. различных этнических культур, менталитетов, образов жизни, поведенческих установок. Совершенно очевидно, что не все народы могут обладать собственным государством: в ином случае современный миропорядок был бы полностью разрушен из-за невообразимой фрагментации. Исключительно опасно стремление некоторых народов иметь более одной страны.

Можно смело утверждать, что этот вопрос (довольно болезненный для многих этносов, «опоздавших» с созданием государства) имеет ключевое значение для понимания всей системы этнополитических и межгосударственных отношений на Кавказе. Прежде всего, вне зависимости от политических, этнических и эмоциональных пристрастий, следует признать, что, пока существуют нации, национальное развитие и в целом национальная проблематика, вопрос о самоопределении в той или иной форме тоже будет существовать. Другое дело, что национальное самоопределение, как справедливо пишет Дональд Горвиц (США), это «проблема, а не решение... Есть много доводов против акцента на нацио-

нальное самоопределение и за принятие концепций взаимного компромисса»²⁵. В развитие его аргументации можно сформулировать еще несколько обоснований «против».

- *Во-первых*, тезис о самоопределении нации или небольшого этноса в полиэтничном государстве²⁶ вовсе не обязательно должен «схватываться обручами» этнического экстремизма, сепаратизма или сецессии. Существует множество других, цивилизованных форм реализации самоопределения: признание прав на внутреннее самоопределение, культурную национальную автономию, свободное развитие духовных ценностей и языка, соблюдение обычаев, историко-религиозных традиций и т.д.

Стремление к национальному самоопределению нецивилизованными методами таит в себе величайшую угрозу стабильности и процветанию. Как отмечает Г. Готтлиб (США), решение проблемы сепаратизма посредством дробления существующих государств является тупиковым путем, поскольку повлечет за собой растущую нестабильность²⁷. К сожалению, совершенно очевидно, что на Кавказе «лозунги» отказа от сепаратизма и перехода к цивилизованным политическим формам этнополитики (различные типы региональной автономии, политико-административная децентрализация и т.д.) пока не востребованы. Анализируя причины подобной ситуации, исследователь (помимо раскрытия политико-экономических и этносоциальных факторов) неминуемо вторгается в сложную область политической и этнической психологии — в сферу зарождения враждебных этнических установок, предубеждений и страхов²⁸.

- *Во-вторых*, на территориях кавказских стран имеется немало значительных по численности внутренних этнических меньшинств, обладающих так называемой «внешней статусностью»: речь идет о меньшинствах, одновременно являющихся «титულными» в соседнем государстве. К ним можно отнести армян в Нагорном Карабахе (Азербайджан) и Самцхе-Джавахетии (Грузия), азербайджанцев — в Квемо-Картли (Грузия) и — с известной долей условности — осетин в Южной Осетии (Грузия). У руководителей подобных стран зачастую возникают опасения (обоснованные или беспочвенные) по поводу того, что международные акторы, геополитические центры силы или же «государство-покровитель», в котором данный этнос является титульным, могут встать на «защиту» этнического меньшинства либо использовать его в своей агрессивной политике и (как крайний вариант) аннексировать населяемую им территорию.

Естественно, государство с подобным «этнопотенциалом» должно принимать упреждающие меры — с учетом интересов национальной безопасности и состояния региональных отношений. В тех случаях, когда указанные действия не способствуют достижению поставленных целей или заинтересованность внешних акторов превалирует над нормами международного права (пресловутые «двойные стандарты»), малые этносы действительно могут обратиться за помощью извне.

²⁵ Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение (цит. по: Тишков В.А. Вступительная статья. Бюллетень № 4 Международного проекта «Урегулирование этнических конфликтов в постсоветских государствах». М., 1995. С. 16).

²⁶ Большинство государств мира (около 90%) являются полиэтничными. Этнически однородными (мононациональными) считаются лишь те страны, в которых этнонациональные меньшинства составляют менее 5% численности населения. Таких государств во всем мире насчитывается не более 20.

²⁷ См.: Gottlieb G. Nations against State. A New Approach to Ethnic Conflicts and the Decline of Sovereignty. New York, 1993. P. 53 (цит. по: Макарычев А.С. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования [www.prof.msu.ru/publ/book/round3.htm - 55k -]).

²⁸ Например, Д. Горовиц выделяет несколько подобных этнопсихологических состояний: страх подчинения, страх исчезновения и поглощения, тревожность и предрассудки как мотивация враждебности (см.: Горовиц Д. Теория межэтнических конфликтов // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: УРАО, 2000. С. 232—233).

Тем самым первоначальные подозрения центральных властей относительно «нелояльности» этнической группы к государству оказываются обоснованными. В результате срабатывает механизм так называемого «самосбывающегося пророчества», соперничающие государства находят в «странах-воротах»²⁹ поддержку среди зараженного сепаратистскими идеями этнического меньшинства (меньшинств).

- *В-третьих*, практический опыт многочисленных конфликтных зон на Кавказе (Нагорный Карабах, Абхазия, Осетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) демонстрирует активное использование этничности, лозунгов «освобождения нации», агрессивной защиты ее прав и т.п. в качестве средств продвижения собственных статусных интересов элиты данного меньшинства³⁰, часто переплетенных с интересами местных мафиозно-криминальных групп и различных кланов. Т. де Ваал отмечает: «Два важных фактора препятствуют восстановлению Кавказа. Первый из них — сложившаяся система власти местных картелей или «феодалов». Они заинтересованы в достижении только локальных и краткосрочных целей, например в поддержании своей власти на местном уровне. Они могут понимать, что в долгосрочной перспективе региональная кооперация может быть более выгодной для них, но текущие проблемы занимают все их внимание. Второй фактор — Карабахский конфликт»³¹.

В такой обстановке даже минимальное удовлетворение требований, касающихся развития языка и культуры того или иного этноса, а также открытия национальных университетов, становится лишь прологом к эскалации указанных «запросов». В результате этнические элиты (намеренно или нет) заводят процесс в тупик, исключая любые варианты его развития, кроме крайне радикальных.

- Наконец, следует затронуть еще один важный вопрос. В политической литературе и массовом сознании широко распространено пагубное заблуждение о тождественности процессов образования наций-этносов и национальных государств. Безусловно, это близкие, взаимозависимые и взаимодополняющие явления, но в современном мире они уже могут и должны быть разграничены. Под прямым влиянием глобализации ускоренно меняются исторические типы и социокультурной (нация, этнос), и политической (национальное государство) общности людей. Российский исследователь Р.Г. Абдуллатипов констатирует: «Нация-государство в XIX и даже в XX веке — это чаще господство одной нации и растворение всех других во имя ее огосударствления... Нация-государство в XXI веке — это солидарное, равноправное и равнодостоящее объединение этнонаций в единую политическую общность, с общей социально-политической судьбой»³².

Вопрос в том, возможна ли такая перспектива на Кавказе?

Глобализация на Кавказе — надежды или страхи?

К сожалению, в политической науке и практической политике уже давно сложился пессимистический подход, согласно которому «этнически плюральные общества не

²⁹ Подразумеваются небольшие государства с выгодным географическим положением и переходной по функциям и структуре экономикой; термин введен американским ученым С. Коэном (США).

³⁰ См.: Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии, 1998, № 3. С. 3—27.

³¹ Как разрешить конфликты на Кавказе?

³² Абдуллатипов Р.Г. Указ. соч. С. 104—105.

создают питательную среду для демократии»³³, а поскольку согласно общепринятой точке зрения войны невозможны лишь между современными демократиями, то понятно, почему нет дефицита негативных сценариев, касающихся развития событий на Кавказе³⁴. Приходится также признать, что глобализация может в значительной степени реанимировать застарелые этнополитические проблемы и даже стимулировать новые. В данном контексте необходимо иметь в виду опасность активации трех вероятных угроз.

1. **Угроза эффекта «домино».** Известно, что в так называемые «мирные периоды» замороженные и латентные межэтнические противоречия не исчезают, а продолжают накапливать разрушительный потенциал. Поэтому хрупкое состояние «ни войны, ни мира», имеющее место на Кавказе, может быть «взорвано» разными способами, но прежде всего любой — более или менее последовательной — новой попыткой «государствления» этносов. Причем взаимозависимость происходящих в кавказских странах этнополитических процессов настолько высока, что эскалация этнического конфликта, начавшись в одной республике, неизбежно вызовет цепную реакцию (эффект «домино») и в других частях региона; более того, даже в тех его государствах, на территориях которых инициировать такую эскалацию довольно трудно — в фактически моноэтнической Армении или же в Азербайджане, где этнополитическая ситуация находится под достаточно жестким контролем.

Пределы вовлеченности данных стран в «соседние» очаги этнической напряженности практически не обозначены. Причинами вовлеченности могут стать самые разные факторы: геополитические, экономические, ресурсные. В постсоветский период главными среди них оказались, по мнению Б. Коппитерса, политизация и секьюритизация этнических отношений, а также то, что явное возведение этнических вопросов внутригосударственных и межгосударственных отношений в регионе в ранг проблем безопасности способствовало невозможности компромиссного регулирования межэтнических противоречий³⁵.

2. **Угроза эффекта «матрешки»**, который неизбежно дополнит рассыпающееся «домино» кавказских стран и государственных образований, создавая все новые витки и уровни этнополитической активности. Для Грузии — самой уязвимой в этнополитическом отношении республики Южного Кавказа — эта угроза может вообще оказаться смертельной. В случае реального успеха попытки создать государство в основных очагах сепаратизма — в Абхазии и Южной Осетии — с ирредентистскими требованиями могут выступить и армяне в южной части Центральной Грузии (5,7% всего населения страны), и азербайджанцы в южной и юго-восточной областях Центральной Грузии (6,5%), а также аварцы в Кварельском районе и чеченцы-кистинцы в селах Ахметского района³⁶. При таком сценарии ослабление центральной власти осложнит ситуацию в Аджарии и Минг-

³³ Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, 1972. P. 186 (цит. по: Дробизева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России, 2001, № 2. С. 173).

³⁴ В плане методологии и сценарного оформления глобальных перспектив большой интерес представляют исследования Центра по исследованию глобализации Университета Джорджа Вашингтона [<http://gstudynet.com/gwscg>]; Группы по глобальным сценариям [<http://www.gsg.org>]; Центра стратегических и международных исследований [<http://www.globalization101.org>]; Глобальной политической программы Фонда Карнеги «За международный мир» [www.carnegieendowment.org/programs/global].

³⁵ См.: Coppieters B. The Politicization and Securitization of Ethnicity: The Case of the Southern Caucasus // Civil War, 2001, Vol. 4, No. 4. P. 75, 91 (цит. по: Эйвазов Дж. Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской республики. Баку: Нурлан, 2004. С. 319).

³⁶ Данные по: Полиэтническая Грузия: XX век. Тб.: Фонд «Открытое общество — Грузия», 2004. С. 361—362.

релии, что лишь дополнит картину бесконечной фрагментации республики. Вместе с тем можно предположить, что «парад этногосударственных суверенитетов» и на этом не остановится, так как каждое «новообразованное государство» неизбежно столкнется — в силу несовпадения административных и этнических границ — с новыми этнополитическими коллизиями, борьбой теперь уже «государственного» этноса с очередными внешними и внутренними противниками. Скажем, последовательная реализация принципа самоопределения для той же Абхазии чревата ее расколом минимум на два субрегиона — Гудаутский (мусульманский) и Очамчирский (христианский), а то и более, если учесть территории компактного проживания армян (например, в Гагрском и Гульрипшском районах), мингрелов и грузин (Гальский район), сванов (Кодорское ущелье), не говоря уже о проблеме беженцев-грузин.

3. **Угроза «большого взрыва», или «большой кавказской войны»** вполне может стать жестокой реальностью (в случае реализации вышеуказанных угроз). Многие эксперты предупреждают о возможности возникновения «пяти Карабахов» на Кавказе, его «ливанизации», «балканизации», о тотальной войне «всех против всех» и т.д. Некоторые из этих гипотез носят явно надуманный характер (например, что Кавказ станет очагом новой мировой войны), но значительная их часть построена на экстраполяции реально происходящих сегодня в регионе процессов. В частности, сама возможность (достаточно гипотетическая) достижения «независимости» Чечни или «воссоединения» Осетии — мощный стимулятор военно-политической перекройки этнополитического пространства Кавказа, в которую будут втянуты не только все семь северокавказских автономий России, но и государства Центрального Кавказа, а также Турция, Иран и, возможно, другие акторы.

Могут ли народы Кавказа выбраться из трясины внутренних раздоров и взаимной подозрительности? Однозначно ответить трудно, но думается, позитивные перспективы регионального развития достижимы через участие в глобальных проектах: экономических, культурных, коммуникационных, энергетических и т.д. Они позволят остановить процесс дальнейшей фрагментации региона; реально, относительно безболезненно и эффективно реинтегрировать его. С другой стороны, имеется богатая практика западных демократических стран, полиэтничных и мультикультурных в своей основе. К примеру, лозунг «Кабинет должен выглядеть как Америка», реализуемый администрациями США с 1990-х годов, предполагает создание властной модели, которая должна отражать плюралистический характер населения, не принося в жертву компетентность.

В условиях, сложившихся на Кавказе, возможности достижения подобного баланса власти и этничности, рассредоточения властных полномочий на основе принципов полиэтничной демократии пока представляются малореальными. Однако, анализируя этнополитические процессы в контексте глобализации, нельзя сосредотачиваться на конфликтосодержащих факторах и процессах (в том числе праве на самоопределение). Как с теоретической, так и с практической (особенно) точек зрения намного продуктивнее сфокусироваться на изучении путей упреждения этих процессов и — как альтернативе — на формировании новых транснациональных мультиэтнических образований. Такой подход будет понятен, если учесть, что глобализация «плетет» коммуникационную «паутину» взаимозависимостей и взаимопроникновения не только и не столько между национальными государствами, сколько поверх существующих между народами границ и барьеров, объединяя тем самым различные этнические идентичности в глобальную общность на новом цивилизационном уровне. Отметим лишь, что во многих футурологических сценариях будущего этносов ясно просматривается ослабление факторов-детерминантов формирования наций, их характерных признаков и, соответ-

ственно, деактуализация принципа этнического самоопределения, особенно экстремальных форм его реализации.

Вызовы и потребности глобализации уже сегодня ставят практически все народы (как сформировавшие собственные государства, так и остальные) перед дилеммой: либо сохранение этнической идентичности в ее исторической данности, либо поиски новой формулы гармонизации этносоциального содержания. В обозримом будущем необходимость такого выбора еще более ожесточится: современные тенденции мирового развития указывают, что в конечном счете именно от него будут зависеть исторические судьбы народов, их органичная «вплетенность» в глобальную цивилизацию.

Анализируя взаимосвязь между этнополитическими процессами на Кавказе и глобализацией, необходимо иметь в виду, что последняя все еще недостаточно полно охватывает регион. В рейтинге стран мира по подверженности глобализации, составленном компанией А.Т. Кернау совместно с Фондом Карнеги «За международный мир», ни одно государство Кавказа пока не фигурирует даже в числе аутсайдеров³⁷. В этом плане уместно сослаться на мнение Ф. Старра (США): главное состоит в том, чтобы государства, на территории которых существуют конфликты, не потеряли себя в процессе глобализации, и только после того, как на Кавказе будут устранены конфликты, будет заложена основа настоящей глобализации³⁸.

Очевидно, что и в этом отношении глобализация, с одной стороны, предоставляет уникальные возможности для реальной самоорганизации национальной жизни этносов на принципах гражданской солидарности и социального партнерства, с другой — ведет к санации политических и этнических мифологем в ходе реализации народами собственных действительных (а не мнимых) этнополитических и этнокультурных потребностей.

З а к л ю ч е н и е

Безусловно, некоторые тенденции, характерные для современного мира, сегодня пока «не стыкуются» со сложившейся на Кавказе этнополитической ситуацией, а также со стратегическими целями основных акторов этой «игровой площадки» (З. Бжезинский), более того, вступают с ними в противоречие. То же можно сказать о ряде конкретных соображений автора. Фундаментальной причиной этого является то, что существует объективное противоречие между растущей этнической регионализацией и обусловливаемой глобализацией потребностью в политической и экономической интеграции.

К сожалению, приходится также признать пока еще незначительную вероятность компромисса парадигм оппонирующих сторон, причем не только по вопросу о праве на национальное самоопределение, но и по ряду других, не менее злободневных этнополитических проблем. Гипертрофированные формы этнизации политики привели к ситуации, когда минимум требований одной конфликтующей стороны намного превосходит максимум уступок другой. Хуже того, эти вопросы с чудовищной безответственностью переведены в плоскость вооруженной борьбы, при которой «критика оружием» очень легко заменила «оружие критики».

Поэтому если в соответствии с требованиями времени, выраженными в категориях глобализации, не активировать в регионе крупные интеграционные проекты, не осуще-

³⁷ В исследовании учитывались данные по 62 странам мира, в которых проживает 88% населения земного шара и сконцентрировано более 91% мировой экономики (см.: А.Т. Kearney/Foreign Policy Globalization Index 2006 [www.atkearney.com/main]).

³⁸ См.: *Старр Ф.* После того, как на Кавказе будут устранены существующие конфликты, будет заложена основа настоящей глобализации // Информационное агентство «Тренд», Азербайджан, 15 сентября 2006.

ствить повсеместный переход к мультикультурной модели этнической политики, то рано или поздно указанные противоречия вновь могут принять форму открытого межэтнического противостояния. Неоспоримо и то, что этнократические черты государственности (т.е. фактические и формальные привилегии титульных наций) могут быть существенно смягчены, если страны Кавказа изъявят готовность к решению этнополитических проблем согласно принципам концессиональной демократии. Думается, что в контексте глобализации и с учетом реалий региона, именно такой тип демократии позволит обеспечить наилучшую форму сохранения стабильного экономического и политического порядка, который должен базироваться, помимо прочего, и на упорядоченных национальных отношениях.

Таким образом, складывающаяся в XXI веке под влиянием глобализации неопределенность относительно старых форм государственности и национального развития, неизбежно будет порождать новый формат этнополитических процессов, соответственно и интенсификацию поиска альтернативных этнополитических формул. А это, по всей видимости, еще не раз будет возвращать мир, в частности страны Кавказа, к болезненным проблемам становления нового глобального порядка.

Намиг АЛИЕВ

*Доктор юридических наук
(Баку, Азербайджан).*

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Р е з ю м е

В статье рассматриваются международно-правовые аспекты армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. В преломлении к нему автор анализирует такие жгучие вопросы современного международного права,

как принцип территориальной целостности государств и право народов на самоопределение, дает ему оценку с точки зрения международного права и рассматривает различные государственно-правовые аспекты его урегулирования.

Предыстория конфликта

Конфликт, известный во всем мире как нагорно-карабахский, возник параллельно с развалом СССР. Благоприятные условия для него создали процессы, происходившие в Советском Союзе с середины 1980-х годов. В то же время сам конфликт, поощряемый

руководством СССР во главе с М. Горбачевым, послужил катализатором активизации центробежных сил, что привело к многочисленным межэтническим и территориальным противостояниям на постсоветском пространстве, трансформировав эволюционный распад СССР в революционный.

С самого начала событий в Нагорном Карабахе агрессивный курс Республики Армения в отношении соседней страны прикрывался термином «конфликт». Данное понятие и ныне используется в процессе мирного урегулирования, несмотря на наличие международных документов, в которых уже дана объективная политико-правовая оценка оккупации Республикой Арменией азербайджанских территорий. Отметим, что смысл термина «конфликт» содержит в себе некоторую «нейтральность» в отношении определения виновной стороны этого факта. Тем не менее мы используем в статье это понятие, дабы не быть изначально обвиненными в необъективности.

Активная фаза конфликта началась в феврале 1988 года, когда подстрекаемые Арменией сепаратистские силы Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР начали митинги, забастовки и другие акты неповиновения, имевшие целью выход из состава Азербайджана и присоединение к Армении. Здесь следует отметить, что правовое положение НКАО — в соответствии с Конституцией СССР и Конституцией Азербайджанской ССР — определялось законом «О Нагорно-Карабахской автономной области», принятым 16 июня 1981 года Верховным Советом Азербайджанской Республики по представлению Совета народных депутатов НКАО¹. 20 февраля 1988 года сессия Совета народных депутатов НКАО приняла решение «О ходатайстве депутатов Нагорно-Карабахской автономной области о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР»². В Республике Армении и на территории Нагорного Карабаха начались этнические чистки азербайджанцев и создание моноэтнических армянских зон³.

В результате первого этапа Верховный Совет Армянской ССР 1 декабря 1989 года принял постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха»; Президиум Верховного Совета СССР в постановлении от 10 января 1990 года «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых Верховным Советом Армянской ССР 1 декабря 1989 года и 9 января 1990 года» однозначно заключил, что «провозглашение воссоединения Армянской ССР и Нагорного Карабаха без согласия Азербайджанской ССР является прямым нарушением статьи 78 Конституции СССР»⁴. Азербайджанская Республика упразднила НКАО и распространила на эту территорию единое административно-территориальное деление⁵.

Все это стало результатом целенаправленной политики Республики Армения, Армянской церкви и диаспоры по отторжению, в том числе насильственному, нагорной части Карабаха от Азербайджанской Республики и присоединению ее к Армении. В новую фазу — в активные боевые действия — конфликт перерос в конце 1991 — начале 1992 года, когда СССР прекратил свое существование как субъект международного права и перед Республикой Арменией были устранены последние правовые и организационные препятствия (за исключением международно-правовых) для аннексии искомым территориям.

¹ См.: О Нагорно-Карабахской автономной области. Закон Азербайджанской ССР. Баку: Азернешр, 1987.

² См.: Нагорный Карабах: разум победит. Документы и материалы. Баку: Азернешр, 1989. С. 81—82.

³ См.: The Conflict over the Nagorno-Karabakh Region Dealt with by the OSCE Minsk Conference. Resolution 1416 (2005) of Parliamentary Assembly of Council of Europe [http://assembly.coe.int].

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1990, № 3, ст. 38.

⁵ См.: Об упразднении Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской Республики. Закон Азербайджанской Республики от 26 ноября 1991 года // Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики, 1991, № 24, ст. 448.

К середине 1994 года вооруженные силы Республики Армения, поддерживаемые незаконными вооруженными армянскими формированиями Нагорного Карабаха, оккупировали приграничные с Республикой Арменией районы Азербайджанской Республики, собственно территорию бывшей НКАО, а также другие прилегающие к ней районы Азербайджанской Республики, что в общей сложности составило около 20% всей территории Азербайджанской Республики. С этих территорий было изгнано все азербайджанское население, десятки тысяч были убиты и сотни тысяч ранены. Не будем говорить о разрушениях; отметим лишь, что в настоящее время территории, находящиеся под армянской оккупацией, но где не проживает армянское население, представляют собой пустыню — все стерто с лица земли. Это, кстати, весной 2005 года выявила Миссия ОБСЕ по установлению фактов.

На территории бывшей НКАО и других оккупированных районов Азербайджанской Республики создана так называемая «Нагорно-Карабахская Республика», сформированы органы и атрибуты власти, однако ни одно государство и ни одна международная организация мира не признали такого государства, как «НКР».

Международно-правовая оценка конфликта

В современном мире *возникновение новых государств — процесс и явление, не поощряемые мировым сообществом*, а потому далеко не часто встречающиеся в практике. Подобное имело место в первой половине 1990-х годов, когда Советский Союз развалился на 15 независимых государств, вместо Социалистической Федеративной Республики Югославии и Чехословацкой Социалистической Республики образовались новые страны, а также произошло объединение Германии. Несмотря на драматизм событий, сопровождавших эти процессы, в основе образования новых независимых государств лежал **правовой договор** (в той или иной легитимной форме), то есть соглашение о создании этих государств, которые были признаны мировым сообществом. Это позволило цивилизованным путем перейти от государственных образований, созданных силой оружия, путем насилия, завоевания и порабощения (СССР, СФРЮ, ЧССР), к независимым государствам, созданным на основе добровольного договора, а потому и признанным другими демократическими государствами.

В этот же период происходили и другие события. Националистические силы, используя демократические процессы на пространстве Южного Кавказа, под прикрытием демократических и национально-освободительных лозунгов, путем насилия, перекройки границ (т.е. нарушая принцип территориальной целостности и нерушимости границ) попытались создать новые государства (Нагорный Карабах в Азербайджане, Абхазию и Южную Осетию в Грузии, Приднестровье в Молдове, Чечню в России). Однако ни в одном из этих случаев мы не имеем дело с правовым договором, который был бы признан мировым сообществом. Причина очевидна: **современное мировое сообщество не рассматривает насилие в качестве способа или метода создания нового государства. Создание нового государства в современном демократическом мире возможно лишь при наличии правового договора, когда к добровольному согласию пересмотра границ приходят все заинтересованные стороны.** Договор не может иметь правовой силы, когда одну из сторон принуждают к изменению границ силой оружия; подобный договор является юридически ничтожным и рано или поздно будет нарушен и расторгнут. Кроме того, он постоянно будет являться потенциальным источником нестабильности в том или ином регионе. **Факт международного признания государства, созданного путем оккупации территорий другого государства, может быть расценен в мире как прецедент и повлечет за собой не-**

предсказуемые последствия для мирового сообщества. Не случайно, что ни одно из выше-названных образований не признано ни одним государством мира, в том числе Республикой Арменией.

Разрешение международного конфликта возможно лишь тогда, когда мировым сообществом дана его *объективная политико-правовая оценка*. Только на основе всестороннего, полного, исчерпывающего изучения причин и корней конфликта, оценки ситуации, сложившейся на момент выработки решения, возможно:

1. принятие сторонами (при участии посредников) справедливого решения;
2. юридически правильное и результативное применение общепризнанных международно-правовых норм;
3. обеспечение стабильного, долговременного, гарантированного мировым сообществом мира.

От имени мирового сообщества, как известно, призваны выступать такие авторитетные международные организации, как ООН, ОБСЕ, Европейский союз, Совет Европы, НАТО и др., прямыми обязанностями которых являются поддержание и восстановление мира и стабильности как во всем мире, так и в отдельных его частях, а также применение санкций к стране-агрессору.

Принятие Парламентской ассамблеей Совета Европы 25 января 2005 года резолюции 1416 (2005) «Конфликт в Нагорно-Карабахском регионе, решением которого занимается Минская конференция ОБСЕ» (докладчик Дэвид Аткинсон), в которой признается оккупация значительной части территории Азербайджана войсками Армении, а также подчеркивается, что «оккупация иностранной территории любым государством-членом представляет собой серьезное нарушение обязательств этого государства как члена Совета Европы»⁶, является хоть и запоздалым, но, можно надеяться, лишь первым шагом в этом направлении. Подобные документы, дающие политико-правовую оценку нагорно-карабахского конфликта, должны быть приняты и другими международными организациями, прежде всего ОБСЕ, в рамках которой осуществляется минский переговорный процесс.

Отсутствие объективной политико-правовой оценки не способствует прежде всего появлению у сторон конфликта доброй воли к его разрешению. Отсутствие такой оценки приводит (как это уже имело место) к затягиванию противостояния, созданию у определенных сил иллюзий, что подобным образом можно переступить через международно-правовые нормы, оккупировать международно признанную территорию суверенного государства и после всего совершенного добиться желаемых результатов в переговорном процессе. При этом следует напомнить, что Азербайджанская Республика и Республика Армения подписали Хельсинкский заключительный акт, признав, таким образом, в соответствии со своими Конституциями:

1. высшую юридическую силу норм данного акта как во внутренних, так и во внешних правоотношениях;
2. принципы нерушимости границ и территориальной целостности государств⁷.

Только объективная позиция мирового сообщества может позволить вывести вооруженные силы из зоны конфликта и разрешить его мирным путем, без вооруженного давления, на основе принципов международного права.

⁶ См.: [<http://assembly.coe.int>].

⁷ См.: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975) [<http://www1.umn.edu/humanrts/russian/osce/basics/Roscebase.html>].

Международно-правовой потенциал разрешения конфликта

В связи с необходимостью разрешения конфликта все чаще возникают вопросы о *форме государственного устройства*. Доктрина конституционного и международного права достаточно консервативна в своих дефинициях. Поэтому на протяжении многих десятилетий ученые пытались поместить в рамки понятий «конфедерация», «федерация» и «унитарное государство» все образцы существующих на практике государственных образований. В то же время политический и правовой анализ эмпирики позволяет убедиться, что в чистом виде эти категории практически не существуют: их элементы настолько взаимовнедрены, что можно говорить о создании некоторых гибридных форм. Например, в мире существуют общепризнанные федеративные государства, субъектам которых тем не менее предоставлена возможность заключать международно-правовые договоры (земли Австрии, территориальные субъекты Боснии и Герцеговины).

Индуктивные методы исследования данных проблем обуславливают определенные дефинитивные обобщения. На наш взгляд, исследуя имеющееся разнообразие способов построения внутрисубъектных отношений, можно прийти к выводу, что в зависимости от существующих взаимоотношений государства и его составных частей сегодня различаются нижеследующие обобщенные формы государственного устройства: конфедерация, федерация, унитарное региональное государство и унитарное государство со специальным автономным статусом для некоторых определенных территорий. При этом, как нам представляется, «слепой» подход к традиционным концепциям, определениям и классификациям зачастую приводит к обратному эффекту. Попытка втиснуть существующие реалии в дефинитивные рамки может привести к упрощению, даже еще хуже — к искажению имеющегося разнообразия в действующих Конституциях, а при разрешении конфликтов — превратиться в помеху и заблокировать их разрешение. Поэтому *при урегулировании этнотерриториального либо этнополитического конфликта следует иметь в виду доктринальные концепции и дефиниции конституционного и международного права, рассматривать существующие в мире конституционные и международно-правовые реалии и быть готовым к принятию нестандартных, неординарных решений, позволяющих разрешить конкретный конфликт*.

Несколько слов о *праве народов на самоопределение*, так нещадно эксплуатируемом армянскими политиками. Следует отметить, что Азербайджан, опираясь на нормы международного права, с самого начала категорически исключает возможность применения принципа «самоопределения народов» к проблеме Нагорного Карабаха по целому ряду достаточно хорошо известных аргументов.

- *Во-первых*, Нагорный Карабах — это территориальный регион Азербайджана. Азербайджанская Республика — как суверенное государство — есть результат выражения воли и самоопределения всего азербайджанского народа (в том числе и этнических армян), проживающего на всей территории Азербайджанской Республики, а не его части. Часть народа не может принимать решений, имеющих судьбоносное значение для всего народа. В соответствии с резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года «Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным и этническим, религиозным и языковым меньшинствам», **принцип самоопределения народов не является правом национальных меньшинств**: международное сообщество не нашло возможным и необходимым отразить данный принцип в указанном документе⁸.

⁸ См.: [<http://www.un.org/russian/document/gadocs/convres1990.htm>].

- *Во-вторых*, страны Европы, США и Канада, подписав в 1975 году Хельсинкский заключительный акт, связали предусмотренный в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» от 24 октября 1970 года принцип равноправия и самоопределения народов с принципом территориальной целостности государств. В этом документе говорится, что эффективное применение принципа равноправия и самоопределения народов «имеет первостепенное значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства». Принцип самоопределения может найти применение только в контексте принципа территориальной целостности государства. Декларация провозглашает, что «любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава»⁹. Именно поэтому в Заключительном акте этот принцип был поставлен на восьмое место (из десяти) и назван «принципом равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой»¹⁰.
- *В-третьих*, Нагорный Карабах — регион Азербайджана, где до осуществленной армянами этнической чистки проживали две общины: армянская и азербайджанская. Именно они представляют собой население Нагорного Карабаха, но отнюдь не «народ». «Народ» — категория политическая, и народами в данном контексте являются «армяне» и «азербайджанцы», уже реализовавшие свое право на самоопределение в рамках Республики Армении и Азербайджанской Республики соответственно. Термин «народ» никак не применим к населению Нагорного Карабаха Азербайджанской Республики.
- *В-четвертых*, даже если допустить невозможное и предположить, что население Нагорного Карабаха, состоящее из армян и азербайджанцев, является «народом», который имеет право на самоопределение, то это вовсе не означает, что Нагорный Карабах должен выйти из состава Азербайджанской Республики. В соответствии с пятым разделом «Декларации о принципах международного права» 1970 года, отстаивание принципа самоопределения неравнозначно поощрению отделения и дробления стран. В данном документе четко зафиксировано, что принцип самоопределения может и должен найти свое решение в рамках принципа нерушимости границ и принципа территориальной целостности государств; этот принцип «не должен толковаться как санкционирующий или поощряющий любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств... Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны»¹¹.
- И наконец, *в-пятых*, ни теории, ни практике международного и конституционного права не известны случаи многократной реализации права народов на самоопределение. Если предположить невозможное и допустить, что на практике подобный прецедент будет создан, то с необходимостью как-то решить вопрос самоопределения армянского народа столкнутся многие государства мира, в том числе Россия, США, Франция, Турция, Канада, Австралия, Иран, Грузия, Узбекистан, Кыргызстан, Украина, Испания, Голландия, Болгария, Ливан, Сирия.

⁹ См.: [<http://www.terralegis.org/terra/act/b252html>].

¹⁰ См.: [<http://www.terralegis.org/terra/act/b252html>].

¹¹ См.: [<http://www.terralegis.org/terra/act/b252html>].

«Возможность признания независимости «НКР». Некоторые политические силы пытаются представить целый ряд оснований, якобы достаточных для признания независимости «НКР» и ее выхода из состава Азербайджанской Республики. Основным доводом в этом вопросе является тезис о том, что «НКР», по мнению ее создателей, «более демократическое образование», чем Азербайджанская Республика, и этим «демократам» необходимы большие «свобода и независимость».

Не будем даже сопоставлять демократическую ситуацию в Азербайджанской Республике и вышедшем из ее подчинения регионе Нагорного Карабаха, просто посмотрим, насколько «демократична» самопровозглашенная «НКР».

Юристам, дипломатам, политологам, историкам и многим другим специалистам хорошо известно, что понятие «государство» включает в себя три основных компонента: суверенную власть, население и определенную территорию. Следовательно, чтобы признать так называемую «НКР» способной и достойной существовать в качестве самостоятельного демократического государства, мировому сообществу необходимо убедиться в наличии у нее всех этих трех компонентов. Абстрагировавшись от воли Азербайджанской Республики и ее народа по данному вопросу, попробуем разобраться с каждым из этих компонентов.

- *Во-первых, суверенная власть.* Безусловно, ее источником должен быть народ. Выше мы уже отмечали, что население Нагорного Карабаха не является народом. Суверенная власть должна быть независимой. Нам представляется, что ни один уважающий себя политический деятель, юрист, дипломат, политолог или историк не возьмется доказывать независимость или суверенитет власти так называемой «НКР», хотя бы имея в виду наличие в ее жизни Республики Армении.
- *Во-вторых, население.* Кто населяет «НКР» сегодня? С начала оккупации азербайджанских территорий Республикой Арменией бывшую НКАО под угрозой оружия покинули все этнические азербайджанцы, составлявшие на тот период примерно одну треть ее жителей (более 60 тыс. чел.). Кроме того, в силу нежелания принимать участие в боевых действиях и беззакониях на территории Нагорного Карабаха его покинула и часть населения армянской национальности (примерно 25—30 тыс. чел.). Если учесть факты незаконного заселения оккупированных Республикой Арменией азербайджанских территорий, то население так называемой «НКР» ныне составляет примерно 100 тыс. чел. Вышеперечисленное, безусловно, не укладывается в рамки демократических процессов. Как быть при «признании независимости НКР» с населением Нагорного Карабаха азербайджанской национальности? Как быть с их правами?
- *В-третьих, территория.* Какую территорию следует иметь в виду при определении территории «НКР»? Бывшую территорию бывшей Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР? Или всю территорию, оккупированную вооруженными силами Республики Армения, включающую помимо территории бывшей НКАО еще семь административных районов Азербайджана? Если только территорию бывшей НКАО, то как быть с правами изгнанной отсюда части населения? Если территорию «НКАО + 7 административных районов», то как быть с правами более 700 тыс. азербайджанских граждан, изгнанных со своих земель во имя безопасности 100 тыс. армян? Вряд ли какой-либо «демократ» в состоянии ответить на эти вопросы.

З а к л ю ч е н и е

Заведующий отделом межнациональных отношений Московского института политического и военного анализа С. Маркедонов говорит применительно к нагорно-кара-

бахскому конфликту следующее: «...не нужно подключать историю к современным конфликтам. История? Давайте мы ее историкам оставим, и пусть они в архивах копаются. Посудите, нельзя апеллируя к прошлому, выстраивать будущее. Честно говоря, историзация конфликта — это не лучший путь его преодоления»¹².

Но если уж и использовать историю, то не выборочно, не вырывая ее отдельные страницы из общей книги судеб народов, а на основе унифицированного объективно-научного подхода ко всему спектру исторических фактов и явлений.

К сожалению, об этом часто забывают, когда речь идет о сфальсифицированном «геноциде армян 1915 года». Откровенно говоря, диву даешься, как легко, при необходимости, нас уводят от истории, исторического опыта. Как можно строить будущее без учета прошлого? Как можно построить долговременный мир на земле Нагорного Карабаха, на Южном Кавказе без учета исторических ошибок? Именно слабая память позволяла конфликтам возникать вновь и вновь. Именно построение мира без учета истории делало его недолговременным. Очевидно, кому-то это было нужно. Сейчас историю пытаются повторить. Строить мир необходимо с учетом истории и исторических ошибок. Мир на Южном Кавказе должен быть построен таким образом, чтобы никто не извлек дивидендов из произошедшего (лишь уроки), иначе через определенный исторический промежуток времени кому-то захочется повторить это и захватить еще немного земли. Если кто-то будет думать, что силой оружия можно решать свои проблемы (в том числе территориальные), то мира, долговременного мира, на земле и в нашем регионе не будет.

¹² См.: Карабахский конфликт: взгляд извне // Зеркало, 13 августа 2005. С. 10.

Джуди ИЛЛЕС

*Студентка Марианополис-колледжа
по специальности теория коммерции
(Монреаль, Канада).*

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И РЕСПУБЛИК КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Резюме

В статье рассматривается энергетическая политика Соединенных Штатов по отношению к Азербайджану на фоне повышения напряженности между США и РФ после внезап-

ного отказа России от продолжения реализации энергетического проекта «Сахалин-2» с компанией «Шелл» в сентябре 2006 года. Автор рекомендует Вашингтону придерживаться превен-

тивной политики, с помощью которой Белый дом сможет в перспективе обеспечить свои энергетические интересы в регионе. Подобная политика предполагает налаживание союзнических связей с такими странами Каспийского региона, как Азербайджан и Туркменистан, помогая им укреплять политическую независимость и содействуя их

властям в сооружении трубопроводов и создании региональной инфраструктуры газоснабжения. В статье также обсуждается роль Соединенных Штатов в оказании помощи всем странам, участвующим в защите нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан от террористических угроз и социальных потрясений в Азербайджане, Грузии и Турции.

Внезапный отказ России от продолжения реализации энергетического проекта «Сахалин-2» с компанией «Шелл» в сентябре 2006 года вызвал в международном сообществе значительную озабоченность относительно дальнейшего курса энергетической политики РФ. Даунинг-стрит выразила беспокойство в связи с отказом Москвы от проекта, рассматривая это как форму давления на «Шелл», с тем чтобы добиться от нее продажи России 25% своих акций в предприятии¹. Следующей мишенью стала американская фирма «Эксон-Мобил»: власти России заявили, что не дадут разрешение на развитие работ по проекту «Сахалин-1» из-за нарушений природоохранного законодательства и возникших проблем с окружающей средой. Многие полагают, что дипломатический скандал неизбежен, и видят в последних мерах Кремля попытку «вернуть контроль над национальными природными ресурсами, отняв его у западных нефтяных компаний»². Как же Соединенным Штатам реагировать на попытки России использовать энергоресурсы (а в чем-то и злоупотреблять ими) в качестве инструмента политики? Большинство критиков российской политики возражают против мысли о санкциях, однако согласны в том, что Вашингтон должен проявить твердость и противостоять усиливающемуся давлению Москвы, базирующемуся на государственном контроле над нефтегазовыми запасами. Чтобы обеспечить в будущем свои энергетические интересы, США следует прибегнуть к превентивной политике и развивать союзнические связи с такими республиками Каспийского региона, как Азербайджан и Туркменистан, способствуя укреплению их политической системы и оказывая правительствам этих государств содействие в строительстве трубопроводов и в создании региональной инфраструктуры газоснабжения. В данной работе мы сосредоточимся на ситуации с Азербайджаном в качестве примера того, как Соединенным Штатам целесообразнее строить отношения с Россией, создавая ей противовесы.

Прежде всего следует отметить, что нефтяные ресурсы стран Кавказа могут оказаться полезными для США лишь в том случае, если Белый дом обеспечит этим республикам возможность действовать в качестве стабильных и независимых политических образований. Президент Дж. Буш отзывался об Азербайджане как об «исламском государстве современного типа, способном удовлетворять нужды своих граждан и понимающем... смысл демократии»³. Тем не менее подобная оценка не помешала Вашингтону после весьма спорных парламентских выборов, состоявшихся в 2005 году, призвать Азербайджан к политическим реформам. Призыв был обращен к президенту республики И. Алиеву, официально продолжившему курс своего отца. По утверждениям «Транспэрэнси интернэшнл», Азербайджан представляет собой «одну из наиболее коррумпир-

¹ См.: *Maclister T.* Environmentalists Back Putin over Shell's Energy Permit // *The Guardian*, 26 September 2006 [<http://gaurdian.co.uk/oil/story/0,,188026,100.html>], 26 September 2006.

² *Ibidem*.

³ Цит. по: *Stakelbeck F.W. Jr.* Azerbaijan: A New Muslim Ally for the U.S.? // *FrontPage*, 22 May 2006 [<http://www.frontpagemag.com/Articles/ReadArticle.asp?ID=22529>], 6 October 2006.

рованных в мире стран»⁴. Несмотря на подобное положение дел, Баку проявил себя верным союзником Вашингтона даже в условиях нарастающей напряженности в отношениях между США и мусульманским (шиитским) Ираном — соседом Азербайджана. Однако последние опросы общественного мнения дают основания предположить рост антиамериканских настроений в Азербайджане. Лучший ответ на это со стороны Соединенных Штатов — нейтрализовать данную тенденцию, содействуя росту безопасности, стабильности и благосостояния этой прикаспийской республики, что особенно важно в то время, когда с ростом нефтяных доходов в стране возникает риск «голландской болезни»⁵. Результат этого феномена — значительное повышение курса национальной валюты Азербайджана (маната) — может существенно повлиять на экспорт и импорт, что, в свою очередь, пагубно отразится на всех видах экономической деятельности, не связанных с добычей нефти⁶.

Еще одна серьезная проблема — наличие в стране 800 тыс. беженцев как результат войны с Арменией из-за Нагорного Карабаха в начале 1990-х⁷. Детали этого регионального конфликта чрезвычайно важны с точки зрения возможной дестабилизации положения в стране, но заняли бы слишком много места, чтобы останавливаться на них в данной работе. Однако нельзя не отметить, что Россия и Соединенные Штаты успешно сотрудничали в ходе переговоров по достижению мира в регионе. Этот фактор подчеркивает важность политического присутствия России в регионе и ее участия в поддержании стабильности. Поэтому действия Вашингтона не должны подрывать влияния Москвы, напротив, ее нужно привлекать к инициативам Белого дома в военной и гуманитарной сферах.

Что касается гуманитарных реформ, то США, в соответствии с «Актом о поддержке свободы» (1992 г.), должны были в 2006 финансовом году предоставить Азербайджану около «48 млн долл. в качестве гуманитарной помощи, содействия демократизации и реализации реформ»⁸. Кроме того, Соединенные Штаты выполнили в этой стране ряд так называемых «малых проектов» по реконструкции, цель которых — улучшить условия в школах, больницах и детских домах. В 2006 году завершена национальная программа вакцинации детей, финансируемая из доходов, полученных Министерством сельского хозяйства США от продажи в Азербайджан 10 800 т пшеницы⁹. Соединенным Штатам необходимо и в дальнейшем осуществлять аналогичные гуманитарные инициативы, а также сохранять в регионе свой Корпус мира.

Наряду со сказанным выше, для обеспечения безопасности в долгосрочной перспективе Соединенным Штатам необходимо побудить руководство Баку продолжить реформы. Азербайджан продемонстрировал готовность к сотрудничеству в данной области, присоединившись к Инициативе прозрачности добывающих отраслей (EITI) — «антикоррупционной схеме», инициированной Тони Блэром¹⁰. Азербайджан — член этой инициативы, однако ее эффективность ограничивается тем обстоятельством, что в рамках EITI контролируется лишь поступление доходов от нефти, но не то, как правительство тратит эти доходы. И все же, независимо от слабостей этой программы, США следует

⁴ Too Much of a Good Thing // Economist, 17 August 2006 [http://www.economist.com/world/europe/displaystory.cfm?story_id=E1_SSJGQPQ], 5 October 2006.

⁵ Ibidem.

⁶ См.: Dutch Disease (Investopedia) / Ed. by Cory Wagner and Cory Janssen. В кн.: Investopedia.com's Financial Dictionary, 27 October 2006 [<http://www.investopedia.com/terms/d/dutchdisease.asp>], 27 October 2006.

⁷ См.: Too Much of a Good Thing.

⁸ Background Note: Azerbaijan. U.S. State Department, July 2006 [<http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/2909.htm>], 5 October 2006.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Too Much of a Good Thing.

поощрить участие в ней Азербайджана и пересмотреть акценты своих «программ демократизации»¹¹: вместо того чтобы делать столь сильный упор на «выборах и мониторинге выборов» в регионе, целесообразно переключить внимание на «информационный обмен» и поощрять Баку к формированию более открытого общества с независимыми СМИ и широким доступом к Интернету¹².

Далее, Соединенные Штаты должны оказывать помощь всем сторонам, участвующим в обеспечении защиты трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан от террористических угроз и беспорядков в Азербайджане, Грузии и Турции. Эта магистраль стоимостью в 3 млрд долл. «протянулась на тысячу миль» и позволяет экспортировать «1 млн баррелей сырой нефти в день»¹³. Ее появление знаменует начало новой главы в геополитической борьбе за энергетические ресурсы: она построена, минуя РФ и Иран, проходит через Кавказ, заканчиваясь терминалом в порту Джейхан на средиземноморском побережье Турции. Этот нефтепровод «может способствовать поставкам нефти в США», однако ему угрожают и международный терроризм, и нестабильность в сельских районах¹⁴.

Иран — игрок, более других заинтересованный в перекрытии этого нефтяного потока, в то время как у России есть возможность создавать косвенные угрозы безопасности нефтепровода на территории Грузии. Президент РФ В. Путин решительно выступал против строительства трассы Баку — Тбилиси — Джейхан, в которой он видит очередное покушение со стороны Соединенных Штатов в отношении монополии Москвы на Каспии. Российско-американское соперничество в регионе восходит к началу 1990-х годов. Первоначально военное присутствие Вашингтона в таких республиках, как Кыргызстан и Узбекистан, ограничивалось антитеррористическими операциями, и в этом качестве Москва с ним мирилась. Однако США продолжали расширять свое присутствие в регионе и после завершения крупных военных операций, стремились всячески укрепить отношения с новыми независимыми государствами. Соединенные Штаты получили от правительств Кыргызстана и Узбекистана разрешение оставаться на их территориях на неопределенный срок.

Угрозы нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан исходят от различных террористических групп. Так, Рабочая партия Курдистана (РПК), боевое крыло курдского движения за независимость, уже провела ряд подрывных акций против трубопроводов. К тому же поблизости от районов, по которым проходит нефтепровод, заявляют о себе различные воинствующие исламистские группировки: Исламская партия Восточного Туркестана, Исламское движение Узбекистана, чеченские сепаратисты, «Хизб-ут-тахрир аль-ислами»¹⁵. С 2002 года вооруженные силы США оказывают помощь Грузии в защите ее границ, объектов инфраструктуры и нефтепроводов¹⁶. Сегодня то же происходит и в Азербайджане. Однако одной лишь военной поддержки со стороны США недостаточно. Ключевая роль принадлежит тем бедным сельским районам, по территории которых проходит нефтепровод. Многие представители этих территорий в свое время получили работу на строительстве магистрали, а ныне рассчитывают, что она принесет столь необходимые «социальные и экономические улучшения»¹⁷. Как они поведут себя по отношению к

¹¹ *Shaffer B.* U.S. Policy toward the Caspian Region: Recommendations for the Bush Administration. Policy Brief. Cambridge: Caspian Studies Program, July 2001 [http://bcasia.ksg.harvard.edu/publication.cfm?program=CORE&ctype=paper&item_id=109], 7 October 2006.

¹² *Ibidem.*

¹³ *Ismailzade F.* A Strategic Approach to Pipeline Security. The Institute for the Analysis of Global Security, 15 November 2004 [http://www.iags.org/n1115043.htm], 27 October 2006.

¹⁴ *Klare M. T.* Blood and Oil. New York: Metropolitan Books, 2004. P. 152—159.

¹⁵ См.: *Luft G.* Baku — Tbilisi — Ceyhan Pipeline: Not Yet Finished and Already Threatened. The Institute for the Analysis of Global Security, 4 November 2004 [http://www.iags.org/n1104041.htm], 27 October 2006.

¹⁶ См.: *Klare M. T.* *Op. cit.*

¹⁷ *Ismailzade F.* *Op. cit.*

нефтепроводу, будет зависеть от того, улучшится ли жизнь местного населения после ввода в эксплуатацию нефтепровода.

Таким образом, можно сделать вывод, что укрепление отношений США с Азербайджаном и нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан — перспективное решение, позволяющее Соединенным Штатам ослабить зависимость от российской компании «Газпром». При этом Вашингтону важно избегать открытого соперничества с Москвой. Белому дому необходимо сосредоточиться на поддержании стабильности в Азербайджане и защите магистрали Баку — Тбилиси — Джейхан. И хотя стратегия обеспечения интересов США в сфере энергетики временами будет совпадать со стратегией контртеррористических усилий, не следует создавать впечатления империалистической политики и не задевать чувств этого редкого в мусульманском мире союзника США.

ГЕОЭКОНОМИКА**Лео ЧИКАВА**

Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Грузии, заслуженный деятель науки, президент Академии экономических наук Грузии, ректор Университета имени П. Гугушвили (Тбилиси, Грузия).

**ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА****Резюме**

Демографическое развитие в странах Южного Кавказа (Азербайджане, Армении и Грузии) характеризуется как общими закономерностями, так и специфическими особенностями. Едиными для этих государств являются ухудшение демографического развития и возникновение негативных тенденций в воспроизводстве населения. Вместе с тем обращают на себя внимание различия в «демографическом поведении» этих стран и контрасты в их основных демографических

показателях. Это обусловлено прежде всего неодновременным переходом государств Южного Кавказа с традиционного типа воспроизводства населения на современный, а также религиозными убеждениями, традициями, обычаями, нынешними социально-экономическими условиями и т.д. Весомый вклад в регулирование демографических процессов может внести реализация активной государственной демографической политики, разработанной с учетом особенностей региона и его стран.

Вступлени

Среди острых глобальных вопросов, беспокоящих сегодня человечество, демографическая проблема занимает одно из первых мест. В самом общем виде под демографи-

ческой проблемой подразумеваются сложности, связанные с перепроизводством населения в относительно слабо развитых регионах мира и с депопуляцией — в развитых государствах.

В этом контексте не представляет исключения и Южный Кавказ. Процесс воспроизводства населения в странах региона характеризуется как общими закономерностями, так и отдельными особенностями. Общая закономерность — ухудшение демографической обстановки и появление негативных тенденций в воспроизводстве населения. А из особенностей следует отметить несколько отличающееся в каждом государстве демографическое «поведение» и разнящийся уровень основных показателей в этой сфере. Такой вывод в значительной мере основан на научном анализе явлений и процессов, произошедших (и происходящих) в странах Южного Кавказа с 1990-х годов, а также на обобщении полученных результатов.

Рождаемость

Как известно, один из главных компонентов процесса воспроизводства населения — рождаемость. В расчете на 1 тыс. жителей в 1990 году она составляла в Азербайджане 26,3 чел., в Армении — 22,5, в Грузии — 17¹, а в 2006-м — 17, 13 и 12 соответственно².

Явно наблюдается не только сокращение рождаемости, но и выравнивание ее показателей по государствам, хотя разница между Азербайджаном, с одной стороны, Арменией и Грузией — с другой, пока остается существенной. Как мы уже отмечали, это можно объяснить в первую очередь одновременным переходом стран Южного Кавказа с традиционного типа воспроизводства населения на современный. Имеется в виду, что под влиянием значительного ряда относительно новых факторов (повышение уровня образования и занятости женщин, рост требований к интеллектуальному воспитанию детей и т.д.) «сужается спрос» на детей в семье, и в то же время, благодаря применению более совершенных противозачаточных средств, внутрисемейное регулирование рождаемости достигается сравнительно легко. В Грузии демографический переход на современный тип воспроизводства населения (или его утверждение) начался почти на 100 лет раньше, чем в Азербайджане. Об этом свидетельствует и отличающееся от грузинского этноса репродуктивное поведение проживающих в Грузии азербайджанцев. По данным департамента статистики Министерства экономического развития Грузии, общий коэффициент рождаемости в 2004 году составлял у грузин 11,5 промилле, у азербайджанцев — 16,1³.

В такой контрастности показателей рождаемости по этническим группам значительную роль играет и религиозный фактор. Как выясняется, по сравнению с православием, ислам убедительнее внушает потенциальной матери, что искусственное прекращение беременности — большой грех, поэтому от него следует воздерживаться.

Весьма важный демографический показатель — суммарный коэффициент рождаемости (количество детей в расчете на одну женщину на всем протяжении фертильного возраста). Тенденция к его уменьшению — сопутствующая закономерность развития человеческой цивилизации. В этом отношении Южный Кавказ не является исключением. Тем не менее и данные показатели дифференцированы по странам. Согласно материалам функционирующего в Вашингтоне (США) Бюро населения мира (2006 г.), суммарный

¹ См.: Содружество Независимых Государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997. С. 14.

² Использованные в статье новейшие (2006 г.) демографические данные взяты из: World Population Data Sheet. 2006 Population Reference Bureau.

³ См.: Цуладзе Г., Маглаперидзе Н., Вадачкория А. Демографический ежегодник Грузии — 2004. Тбилиси, 2005. С. 177.

коэффициент рождаемости в Азербайджане равен 2,0 (или 200 детей в расчете на 100 женщин), в Армении — 1,7, в Грузии — 1,4, тогда как даже для простого воспроизводства населения этот показатель должен составлять 2,1 (в среднем — 210 детей в расчете на 100 женщин). Таким образом, если судить по нынешним темпам, то ни одна республика Южного Кавказа не в силах обеспечить в перспективе расширенное воспроизводство населения, хотя в этом отношении положение в Армении и в Азербайджане (особенно) несколько лучше, нежели в Грузии.

Снижение суммарного коэффициента рождаемости характерно не только для государств Южного Кавказа. Средний по развитым регионам мира суммарный коэффициент не превышает 1,6, а в отдельных странах он и того меньше. Например, в Южной Корее и на Тайване этот показатель составляет 1,1; в Украине, Беларуси и Словении — 1,2; в Японии, Германии, России, Италии, Литве, Латвии, Болгарии, Румынии, Греции, Молдове и Словакии — 1,3.

Социологическими исследованиями установлено, что в развивающихся государствах довольно большая часть женщин имеет намного больше детей, чем хотели бы. Например, в Кении женщины репродуктивного возраста желали бы иметь в среднем 4,2 ребенка, фактически имеют 6,5. Это указывает на то, что в данной стране еще не утвердился современный тип воспроизводства населения, вследствие чего не осуществляется внутрисемейное регулирование рождаемости (не используются контрацептивы).

По соотношению между желаемым и реальным числом детей, в Грузии и Армении наблюдается совершенно иная картина. Например, в Грузии — по сравнению с желаемым средним количеством детей в семье — фактически их почти на одного ребенка меньше (например, семья хотела бы иметь троих детей, но не собирается иметь больше одного или двоих). Основной причиной тому респонденты называют тяжелые социальные условия. Не менее тревожно и резкое сокращение даже желаемого количества детей в семье, то есть значительно уменьшилась потребность в детях.

По данным социологических исследований, в начале 1980-х годов в грузинских семьях желаемого числа детей было достаточно для хотя и незначительного, но все же расширенного воспроизводства населения. Однако реально ожидаемое количество детей не обеспечивало даже простого воспроизводства. А сегодня его не обеспечивает не только ожидаемое, но и желаемое количество детей, что требует глубокого научного изучения проблемы и реализации эффективных мероприятий.

Смертность

Наряду с рождаемостью темпы воспроизводства населения определяются и уровнем смертности. По мере развития человечества последний показатель существенно улучшился, то есть снизился. Это обусловлено преодолением массовых эпидемий, разработкой новейших совершенных медикаментов, улучшением медицинского обслуживания и рядом других достижений. Тем не менее, по данным 2006 года, он еще остается высоким — в среднем в мире равен 9%, но в Армении — 10,6%, в Грузии — 11,8%. В этом плане среди государств Южного Кавказа исключение составляет лишь Азербайджан (5,5%), что, видимо, обусловлено неполным учетом.

В отличие от общего коэффициента, показатель смертности малолетних детей (количество младенцев, умерших в возрасте до одного года) носит более конкретный характер. Это, безусловно, очень важный параметр, который вполне справедливо называют одним из существенных индикаторов общественного развития в целом. В основном именно по его уровню судят о степени развития социальных систем, а также здравоохранения стран и регионов.

Что касается республик Южного Кавказа, то в этом плане (в расчете на 1 000 новорожденных в возрасте до одного года) в 2006 году в Азербайджане умерли 9, в Армении — 26, в Грузии — 25 детей.

Для интерпретации этих показателей (т.е. для определения того, высоки они или, напротив, низки) можно провести несколько сравнений. Так, в 2006 году из 1 000 новорожденных в возрасте до одного года в среднем в мире умерло 52 ребенка, в том числе в развивающихся государствах — 57, а в развитых — 6. Этот показатель наиболее высок в Африке (84%); далее следуют Азия (49%) и Латинская Америка (25%); сравнительно низкая детская смертность отмечена в Европе и в Северной Америке (7%). По отдельным странам наименьшая детская смертность наблюдалась в Сингапуре (2,1%), Швеции (2,4%), Японии (2,8%), Финляндии (3%), Франции (3,6%), Германии (3,9%) и т.д., что указывает на наличие огромных неиспользованных возможностей для улучшения положения в государствах Южного Кавказа.

Естественный прирост численности населения

Этот показатель зависит в первую очередь от соотношения между рождаемостью и смертностью. Когда первая стабильна и продолжительное время превышает вторую, то, как правило, гарантировано расширенное воспроизводство населения, и наоборот: если умирают больше, чем рождаются, то при иных равных условиях неизбежна депопуляция, то есть абсолютное сокращение численности населения. В связи с тем что с 1990-х годов в странах Южного Кавказа рождаемость резко упала, а общий коэффициент смертности почти не изменился, естественный прирост населения значительно уменьшился. По сравнению с 1990 годом в 2006-м в Азербайджане он сократился с 20,2 до 11 промилле, в Армении — с 16,3 до 4, а в Грузии не только прекратился прирост, но, в сущности, начался процесс депопуляции.

Для более полного осмысления демографической ситуации в республиках Южного Кавказа рассмотрим сведения по разным зонам и государствам мира. В настоящее время (по данным за 2006 г.) естественный прирост населения (в расчете на 1 000 чел.) составляет на всей планете в среднем 12 чел., достигая в развивающихся регионах 15, а в развитом мире — только 1 чел. Явная депопуляция отмечается в Германии, Болгарии, Румынии, Словакии, Литве, Латвии, Эстонии, России, Украине, Беларуси и Молдове.

Анализ естественного движения населения в этническом разрезе демонстрирует довольно резкую контрастность показателей. Так, по данным департамента статистики Министерства экономического развития Грузии, в 2004 году естественный прирост проживающих в стране азербайджанцев был равен 10,6 промилле, а грузинский и армянский этносы испытывали депопуляцию: их сокращение составило соответственно минус 0,3 и минус 0,1 промилле⁴. Однако это не означает, что прирост населения среди проживающих в Грузии азербайджанцев (где в 2005 г. их удельный вес составлял 5,4%), выше, чем на исторической родине: их репродуктивное поведение почти одинаково и в Грузии, и в Азербайджане. В чем же причина столь резкого различия в репродуктивном поведении грузин и азербайджанцев?

Наряду с тем, что они находятся на разных уровнях демографического развития (об этом уже было сказано выше), причину, по нашему мнению, следует искать в обычаях, религиозных представлениях и традициях. В отличие от других стран Южного Кавказа, в Грузии остро стоит проблема рождения не то что третьего и последующего ре-

⁴ См.: Цуладзе Г., Маглаперидзе Н., Вадачкория А. Указ. соч. С. 177.

бенка, но и второго. Например, в 2004 году в общем числе живорожденных детей удельный вес первого и второго ребенка составлял 88,5%, третьего и последующего — 11,5%, что указывает на увеличение количества малодетных семей. По данным социологического исследования, проведенного в 2003 году Институтом демографии и социологии Грузии, 1% респондентов считают одного ребенка желательным числом детей в семье, 20% — два, 52% — три и только 27% — больше трех детей. Еще тревожнее то, что в основном из-за тяжелых социальных условий (преимущественно среди беженцев из Абхазии и Цхинвальского региона) рождение первого ребенка, даже само бракосочетание нередко откладывается на неопределенное время, негативные последствия чего станут более наглядными в будущем — когда появившееся ныне поколение достигнет фертильного возраста.

Резкое снижение показателя бракосочетаний также указывает на негативные демографические тенденции, сложившиеся в государствах Южного Кавказа. По сравнению с 1990 годом, в 1996 году в Азербайджане количество бракосочетаний сократилось с 10,5 до 5,1 промилле, в Армении — с 8 до 3,8, в Грузии — с 6,7 до 3,6. Что же касается числа разводов, то этот показатель ниже одного промилле во всех государствах региона, что свидетельствует о сравнительной прочности семей.

По подсчетам Бюро населения мира, предположительные перспективы воспроизводства населения в странах Южного Кавказа таковы: по сравнению с 2006 годом, к 2050-му численность населения Азербайджана увеличится на 36,5% и достигнет 11,6 млн чел., в Армении — на 13% и составит 3,4 млн, а в Грузии уменьшится на 1,4 млн чел. и снизится до 3 млн чел. В результате этого соотношение государств региона по численности населения значительно изменится: удельный вес Азербайджана возрастет до 64,4%, Армении — до 18,9%, а Грузии — сократится до 16,7%, тогда как в 1960 году этот «расклад» выглядел следующим образом: Азербайджан — 39,2%, Армения — 18,6%, Грузия — 42,2%.

Репродукция населения и увеличение его численности не является панацеей. Данная проблема актуальна прежде всего для наций, испытывающих депопуляцию (или находящихся на ее грани), которым — хотя бы в весьма отдаленной перспективе — угрожает вымирание. Несмотря на это, перепроизводство населения (доведение его численности в республиках Южного Кавказа в целом, скажем, до 60 млн) не просто нежелательно, но и чревато не меньшими бедами, чем депопуляция. Необходимо стремиться к демографическому оптимуму. Имеется в виду такая численность населения, которая сделает возможными нормальную смену поколений, рациональное использование материальных средств производства, баланс трудовых ресурсов с рабочими местами, максимальную эффективность производства, полное удовлетворение разумных материальных и культурных потребностей всего общества и каждого его члена, свободное, всестороннее развитие личности. Мы подчеркиваем это, потому что больше значения следует придавать не количественной, а качественной стороне демографических процессов, имея в виду воспитание физически и духовно здоровых поколений, способных утвердить в регионе мир и всеобщее благосостояние.

Демографическое старение

Среди демографических процессов особого внимания заслуживает демографическое старение. Его вполне закономерно считают одной из главных дилемм современности. Эксперты ООН предлагают классификацию, построенную на основе трехступенчатой шкалы: если в общей численности населения удельный вес людей в возрасте 65 лет и стар-

ше ниже 4%, то оно считается молодым, от 4% до 7% — находящимся на грани старости, а выше 7% — постаревшим⁵.

По данным Бюро населения мира за 2006 год, Азербайджан сегодня находится на грани старения (7%), Армения (11%) и особенно Грузия (13%) — страны с демографически постаревшим населением. Этот процесс обусловлен воздействием двух слагаемых: уменьшением показателей рождаемости (старение снизу) и сравнительно высокой продолжительностью жизни (старение сверху).

Мы уже приводили данные, свидетельствующие о низком уровне рождаемости и его продолжающемся снижении в отдельных государствах. Что же касается ожидаемой средней продолжительности жизни, то в республиках Южного Кавказа она составляет 71—72 года, в относительно слаборазвитых странах мира в среднем не превышает 65 лет (в Южной Африке — 46). Наряду с высокой рождаемостью именно в значительной мере этим объясняется то, что развивающиеся регионы планеты демографически «моложе». В государствах данной группы удельный вес численности населения в возрасте 65 лет и старше составляет лишь 5%.

По странам Южного Кавказа довольно существенно различается доля молодой части населения (до 15 лет). В результате пока еще высокого уровня рождаемости этот показатель достаточно солидно выглядит в Азербайджане (24%) и Армении (22%), в Грузии он несколько скромнее — 19%.

Демографическое старение — закономерность современного общественного развития. По прогнозным данным, в обозримой перспективе большинство развитых государств мира окажутся демографически постаревшими (например, к 2050 г. удельный вес численности населения в возрасте 65 лет и старше в Германии и Бельгии достигнет 28%, в Австрии и Швейцарии — 30%, в Греции — 34%, в Испании — 37% и т.д.⁶), но богатыми (высокая пенсия, комфортные условия жизни и т.п.), а большая часть развивающихся стран — демографически молодыми, но бедными. Если говорить о республиках Южного Кавказа, то Армения и Грузия из этого контекста выпадают, поскольку они уже находятся на стадии демографической старости и довольно долго будут сравнительно бедными. По данным Всемирного банка, в 2005 году валовой национальный доход, конвертированный по паритету покупательной способности (ППС), составил в Армении 5 080 долл., в Азербайджане — 4 890, в Грузии — 3 270 долл.⁷ Несмотря на довольно существенный экономический рост, наблюдающийся в последние годы, страны региона еще не достигли среднемирового уровня подушевого ВВП (в 2006 г. он был равен 10 тыс. долл.). Согласно данным ЦРУ, в отмеченном году валовой внутренний продукт на душу населения, пересчитанный по ППС, в Азербайджане составил 7 300 долл., в Армении — 5 400, в Грузии — 3 800 долл.⁸

Что касается тенденций, сложившихся в государствах Южного Кавказа (прежде всего, в Грузии и Армении) в воспроизводстве населения, порождающих негативные социально-экономические последствия, отметим следующие аспекты:

- резкое увеличение социально-демографической нагрузки занятых трудоспособных граждан, что обуславливает напряженность в отношениях между поколениями, создавая почву для их противопоставления. Вместе с тем наблюдается негативная тенденция к постепенному сокращению удельного веса численности де-

⁵ См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 117.

⁶ См.: *Топилин А.* Демографическая ситуация в странах СНГ (к 10-летию образования Содружества). Население и общество. Информационный бюллетень центра демографии и экономики человека Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, апрель 2002, № 61.

⁷ См.: [<http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/GNIPC.pdf>].

⁸ См.: CIA — The World Factbook, Rank Order, GDP per capita (PPP) [<https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/rankorder/2004rank.html>].

тей до 15 лет и росту доли населения пенсионного возраста, что увеличивает социально-демографическую нагрузку на работающих;

- повышение уровня экономической нагрузки занятых. Это обусловлено не только систематическим ростом количества и доли пенсионеров среди населения в целом, но и тем, что так же неукоснительно повышаются их потребности (к тому же специфические), выражающиеся как в количественных, так и в качественных параметрах. Следует отметить, что медицинское обслуживание 75-летнего гражданина обходится почти в 10 раз дороже, нежели пациента в возрасте 40 лет. В силу этого специалисты считают старение населения дорогостоящим феноменом;
- интенсивная смертность в трудоспособном возрасте и расширение внешней миграции, приводящие к неполному использованию экономического потенциала стран и росту объема в них недопроизведенного валового внутреннего продукта.

Приостановлению и постепенному преодолению вышеуказанных и других (аналогичных) социально-экономических процессов, может весьма способствовать реализация научно разработанной активной государственной демографической политики, учитывающей особенности страны.

Паата ЛЕИАШВИЛИ

*Профессор Тбилисского государственного университета,
ведущий специалист аппарата парламента Грузии
(Тбилиси, Грузия).*

О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭТНОКОНФЛИКТОВ

Р е з ю м е

В статье показана важность исследования экономических факторов, способствовавших провоцированию и углублению постсоветских этноконфликтов, а также препятствовавших их урегулированию. Интердисциплинарный анализ на стыке конфликтологии и экономической теории может дать интересные результаты и помочь в разработке антиконфликт-

ной экономической политики. Автор приходит к выводу, что этноконфликты следует рассматривать не только как социальные катастрофы, но и — с позитивной точки зрения — как индикаторы дефектов существующего миропорядка, побуждающие общество к самосовершенствованию и указывающие на ориентиры дальнейшего развития.

В в е д е н и е

Интердисциплинарное исследование постсоветских противостояний с позиций конфликтологии и экономической науки весьма актуально и перспективно с точки зрения ожидаемых научных результатов, так как полученные теоретические выводы можно в дальнейшем использовать при разработке практических рекомендаций для воздействия на этноконфликты экономическими методами. В данном случае такое интердисциплинарное исследование может оказаться особенно плодотворным, потому что, к сожалению, многие эксперты уделяют «экономическим аспектам» этноконфликтов гораздо меньше внимания, нежели они того заслуживают.

Экономические факторы межнациональных противостояний

Как правило, бедные и находящиеся в экономическом кризисе страны гораздо чаще оказываются вовлеченными в этноконфликты, нежели государства, экономически преуспевающие. Сам по себе этот феномен указывает, что экономическая отсталость и ограниченность ресурсов способствуют (прямо или косвенно) возникновению этноконфликтов.

Можно сказать, что конфликты — специфическая форма проявления недостатков общественной жизни, своего рода «выхлопные клапаны» противоречий, накопившихся в мирной жизни (т.е. в бесконфликтной или предконфликтной ситуации) и не разрешенных ненасильственным путем. Поэтому всесторонний и глубокий анализ противоречий между экономическими интересами и ценностями в мирной жизни должен содержать и некоторый «конфликтогенный» компонент, то есть раскрывать их истинную (существующую и потенциальную) роль в возникновении и урегулировании тех противостояний, посредством которых упомянутые противоречия вроде бы и должны разрешиться. Правда, противостоящие стороны зачастую недостаточно четко осознают экономические факторы конфликтов — в силу сопровождающего конфликт эмоционального фона, а также потому, что начавшийся конфликт способен создавать новые причины обострения и распространения противоборства.

Так, при вспышке практически любого этноконфликта вполне обычны воспоминания об имевших место фактах, связанных с ущемлением национального достоинства, а также обострение этноцентризма и религиозного самосознания, желание восстановить «историческую справедливость». Под сильным эмоциональным воздействием этих причин происходит временная деформация и переосмысление сложившейся системы ценностей. На этой стадии связь этноконфликта с реальными причинами его возникновения как бы разрывается, поэтому общественное мнение часто неадекватно воспринимает внутреннюю логику происходящих процессов.

Разумеется, постсоветские межнациональные противостояния обусловлены не только экономическими факторами (так же, как и сама жизнь не сводится лишь к экономике). Причины возникновения конфликтов переплетены в сложный узел экономических, политических, культурных, социальных и исторических обстоятельств, которые порой очень сложно разграничить и вычлениить. Тем не менее углубленный анализ показывает, что экономические факторы имеют огромное значение в возникновении этноконфликтов, хотя внешне это не всегда очевидно, а посему не всегда четко осознается.

Некоторые эксперты отмечают, что главными причинами этноконфликтов являются не экономическая отсталость и дефицит ресурсов, а несправедливое их распределение, что ущемляет национальное достоинство и т.д. Ощущения поправленной справедливости и

ущемленного национального достоинства действительно имеют большое значение, однако они зависят не только от действий конфликтующих сторон, но и от того, как они понимают справедливость.

Имеются все основания предполагать, что сама интерпретация справедливости, национального достоинства и т.д. в немалой степени обусловлена тем, что выгодно для субъекта с экономической точки зрения, а что — нет. Иными словами, часто этническая идеология неосознанно приравнивает трактовку справедливости к экономически выгодным требованиям. Поэтому в интерпретации справедливости одни этносы исходят из исторической справедливости, другие — из фактически сложившейся реальности, третьи — из чувства национального превосходства, а некоторые — из религиозных мотивов. Но во всех случаях можно заметить, что после удовлетворения политических и юридических требований, выдвинутых сторонами, экономические ресурсы становятся для последних более доступными и в конечном счете эти требования экономически выгодны для них либо в близком, либо в отдаленном будущем. Экономическая составляющая этноконфликтов схожа с невидимой частью айсберга¹.

Например, в период зарождения грузино-абхазского конфликта абхазская сторона заявляла, что грузины действительно составляют в Абхазии большинство, но исторически эта земля принадлежит им (абхазам). Поэтому, утверждали они, несмотря на численное меньшинство, абхазы должны контролировать политическую власть и создать собственное государство. Соответственно, они сами должны распоряжаться жизненно важными ресурсами, следствием чего явится перераспределение последних в пользу абхазов и в ущерб грузинам (по их мнению, именно этого требует историческая справедливость). А в грузино-осетинском конфликте осетинская сторона придерживается диаметрально противоположного понимания справедливости. Осетины считают, что историческая принадлежность земли Самачабло не имеет значения: главное то, что сейчас они де-факто проживают на этой территории, потому она и должна принадлежать им. Другими словами, осетины верят, что защищают свою землю и свои жизненно важные ресурсы от внешних врагов (тем более что уже предпринималась попытка отменить статус автономии Южной Осетии).

В указанных конфликтах и абхазы, и осетины выступают с требованием защитить справедливость. И хотя их подходы к таковой диаметрально противоположны, в обоих случаях это *выгодное* понимание справедливости как с политической, так и с экономической точек зрения. Можно предположить, что такого рода «справедливые требования» и само толкование справедливости — проявления того самого «социального бессознательного», о котором писал Эрих Фромм². За патриотической аргументацией, в которую, возможно, искренне верят некоторые лидеры сепаратистов, реально стоят их провинциальные политические амбиции и неправильно понятые экономические интересы. Согласно общечеловеческим ценностям, такая «историческая справедливость» представляет собой, наоборот, проявление исторической несправедливости, неблагодарности и неразумия одновременно.

¹ Так называемые «бессознательные мотивы» играют огромную роль в структурировании потребностей и общества, и индивидов, в существенной степени определяя их поведение; поэтому человек не всегда знает об истинных причинах своих поступков. В данном случае имеет место «рационализация», что на языке психоаналитиков означает попытку личности найти морально более приемлемые для нее мотивацию и псевдорациональное объяснение своего поведения. Нередко подобную роль играет идеология сепаратизма.

² «Человек верит, что его мысли принадлежат ему, что они — продукт *его* мыслительной деятельности, тогда как в действительности они определяются объективными факторами, действующими за его спиной; в теории Фрейда эти объективные силы представляют собой психологические и биологические потребности, в теории Маркса они представляют собой социальные и экономические исторические силы, определяющие бытие индивида и, косвенно, его сознание...» (Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 343—344).

Особую роль в происхождении постсоветских этноконфликтов сыграли противоречия между экономическими интересами (особенно в регионах, которые следует относить к «сложным» с геополитической точки зрения). Политические силы, спровоцировавшие этноконфликты, стремились к контролю над нефтью, черноморскими портами, транскавказскими магистралями, евроазиатскими товаропотоками, рынками сбыта и инвестициями. Однако провоцирование ими конфликтов оказалось «успешным», потому что основывалось на реальном противоречии интересов (в том числе экономических) разных этносов, вызванном экономическим кризисом, падением уровня жизни, ожидаемой приватизацией, дифференциацией доходов, неодинаковым развитием регионов и желанием контролировать экономические ресурсы.

Как в экономической теории, так и в конфликтологии большое значение придается субъективному фактору. Например, ожидания субъектов способны провоцировать их на действия, которые сами становятся причиной ожидаемого явления. В частности, инфляционные ожидания могут обусловить инфляцию, поскольку они «помогают» «избавлению от денег», увеличению спроса на товары и, как следствие, провоцируют кумулятивный рост цен. По аналогичной схеме возможно развитие и этноконфликта. Ожидание враждебных действий со стороны другой этнической группы порождает агрессию с целью самозащиты, чем провоцирует определенные шаги, вызывающие ответную реакцию противоположной стороны, а это подталкивает акторов к еще более активным действиям. Происходит эскалация конфликта по «порочному кругу», логическим следствием чего является вооруженное столкновение и желание разрешить конфронтацию силовыми методами.

Замещение конфликтных ожиданий ожиданиями готовности к экономическому сотрудничеству может в корне изменить вектор развития отношений между этносами еще на стадии зарождения конфликта или ускорить процесс постконфликтной реабилитации; необходимо выработать методы подобной замены. Создание для населения полиэтнических регионов принципиально новых возможностей по достижению таких экономических целей, которые требуют сотрудничества сторон и недостижимы в условиях конфронтации, способно скорректировать систему предпочтений и ценностные приоритеты. Это может содействовать предупреждению потенциального конфликта или прекращению уже начавшегося.

Особенно полезными с данной точки зрения могут стать крупные совместные экономические проекты (возможно, при поддержке международных финансовых организаций). Экономическая эффективность подобных инвестиционных программ становится особенно очевидной, если рассматривать их как альтернативу огромным финансовым затратам, обусловленным продолжительной дислокацией в районах противостояний миротворческих сил и реабилитацией постконфликтных зон (не говоря об огромных человеческих жертвах и опасности международного распространения конфликтов).

Согласно «математической теории катастроф» любая развивающаяся система (в том числе социальная, экономическая и др.) начинает разрушаться, если в ней нет места «обратным связям»³. В условиях централизованной экономики и тоталитарного политического строя десятилетиями накапливались противоречия, которые не были разрешены именно из-за отсутствия «обратных связей».

Рыночная экономика и демократическое устройство общества обеспечивают наличие именно таких «обратных связей», тем самым редуцируя возможность возникновения этноконфликтов. И в той же степени, в какой централизованная экономика создала экономические предпосылки для этноконфликтов, в рыночную модель «встроен» большой

³ Следует отметить, что в свое время эта теория «предсказала» распад советской тоталитарной системы.

потенциал ослабления межэтнических противоречий, хотя с точки зрения зарождения этноконфликтов наиболее взрывоопасен период перехода от централизованной экономики к рыночной.

Одной из особенностей постсоветских этноконфликтов является то, что устойчивые национальная неприязнь и нетерпимость нигде не были непосредственными причинами возникновения вооруженных противостояний, однако переход к рыночной экономике породил процессы, вызывавшие к жизни конфликтные ситуации.

Согласно некоторым исследованиям, в условиях переходной экономики представители этнических меньшинств, как правило, больше страдают от безработицы, а представители этнического большинства чаще являются менеджерами или хозяевами фирм, и их доходы, соответственно, выше (если учитывать численность этих групп в общей массе населения). В контексте сказанного выше социальная напряженность в полиэтнических регионах легко трансформируется в конфликты, имеющие национальную подоплеку.

Возникновению в постсоветском периоде этноконфликтов способствовало и то, что в суверенных странах государственную собственность должны были приватизировать. Разумеется, результаты приватизации для различных этнических групп непосредственно зависят от того, какая из них контролирует власть в регионе (тем более, если в стране отсутствует традиция уважения закона). Это обостряет борьбу за политическую власть. Следовательно, за сепаратизмом и другими политическими требованиями стоят серьезные политико-экономические интересы противоборствующих сторон, создающие в данном случае типичную ситуацию олигополии, являющуюся предметом изучения экономической теории. Поэтому фундаментальные экономические интересы преломляются через призму политической, идеологической, а также религиозной мотивации и в такой замаскированной форме предстают в декларируемых требованиях фигурантов конфликта.

Большое влияние на течение конфликтных процессов оказывает теневая экономика: в «горячих» зонах, на которые не распространяется юрисдикция центральной власти, часто господствуют именно ее законы. Здесь население адаптируется к продолжительному экономическому кризису, а теневая экономика структурируется. Лица, главенствующие в теневых структурах, обретают огромную экономическую и политическую власть (как в конфликтных районах, так и за их пределами); они часто препятствуют урегулированию конфликтов, поскольку последние становятся для них источниками дохода. Сферы их интересов: торговля оружием, наркобизнес, контрабанда, похищение людей. При этом объемы финансово-экономических операций измеряются миллионами долларов. Выкристаллизовываются мощные экономические интересы, которые направлены на «консервацию» конфликта и маскируются патриотической риторикой.

Дискриминация национальных меньшинств сдерживает в полиэтнических регионах конкуренцию на рынке труда, уменьшает прибыль, препятствует эффективному использованию капитала, потому вытесняется с рынка. Это означает, что в целом рыночные принципы действуют против этнической дискриминации и способствуют гармонизации отношений между этносами. В связи с этим развитие рыночной экономики — превосходная профилактика этноконфликтов, поскольку порождает логику превентивной политики: «Мирное сосуществование должно быть экономически выгодным для всех конфликтующих сторон». Однако эта логика не сводится лишь к экономической выгоде. Активизация рыночных отношений способствует преодолению этноцентризма как одного из существенных факторов конфликтов: склонности воспринимать и оценивать все жизненно важные явления только сквозь призму традиций и ценностей своей этнической группы.

Степень этноцентризма зависит от интенсивности и масштабов отношений между представителями различных этнических групп. Там, где взаимодействие этносов ограничено, местные традиции и ценности, как правило, универсализируются. Активные же контакты с другими народностями способствуют лучшему пониманию не только собственной, но и «чужой» культуры. Высокая интенсивность экономических отношений помогает преодолеть чувство национальной исключительности (превосходства) и в конечном счете содействует сближению этносов.

Важную роль может сыграть правильно построенная инвестиционная политика, направленная на привлечение иностранного капитала. Как следствие, повышаются экономическая активность, уровень жизни, культура производства и взаимоотношений. Главное же заключается в том, что зарубежный капитал «кровно заинтересован» в стабильности региона и сам максимально способствует этому.

Предыстория постсоветских этноконфликтов

При анализе постсоветских этнических конфликтов многое становится яснее, если учитывать реалии недавнего прошлого, которые и создали предпосылки для таких противостояний. Без этого вполне вероятно, что глубинные причины этноконфликтов неадекватно отразятся в сознании⁴.

В советской империи государство обладало полномочиями на монопольное перераспределение жизненно важных ресурсов. Это были как производственные ресурсы, так и потребительские блага, услуги, в том числе общественные (здравоохранение, образование и др.), возможность участвовать в управлении, получать привилегии, иметь доступ к информации и т.д. В таких условиях сформировалась абсолютная зависимость индивида от системы власти. Вместе с тем количество и качество благ, которые получал гражданин, определялись не по результатам его личных усилий, а в первую очередь по принадлежности к той или иной статусной группе. Это обуславливалось тем, что общество состояло из определенных формальных и неформальных групп, различавшихся по количеству и качеству потенциальных благ, получаемых от государства.

Этническая группа — такая же статусная группа, как и любая другая. Ее статус был зафиксирован в основном в господствующих стереотипах общественного сознания, в официальной и неформальной идеологии, в традициях управления национальными автономиями. В таких условиях необходимо было официально зафиксировать этническую принадлежность индивида (в паспорте и в других документах). Это создавало принципиальную возможность для осуществления государством функций регулирования характера занятости, а также экономического и социального положения представителя той или иной этнической группы.

В советской империи национальные республики и автономные образования были созданы в соответствии с территориальным расселением коренных этнических групп. Согласно официальной доктрине, это было сделано с целью стимулирования их национального развития, в связи с чем данные образования приобрели особое положение относительно распоряжавшихся ресурсами структур власти, то есть они превратились в статусные группы, которые могли претендовать на благоприятное положение в сфере прав и привилегий.

---

⁴ А.Г. Осипов высказал по этому поводу интересные соображения, вкратце изложенные ниже (см.: *Осипов А.Г.* К вопросу о генезисе межэтнических конфликтов. В сб.: *Этнические конфликты в СССР. Причины, особенности, проблемы изучения.* М., 1991).

Советская система перераспределения ресурсов, естественно, порождала специфические «конкурентные» отношения между различными статусными группами. При тотальном дефиците жизненно важных ресурсов эта конкуренция приобретала исключительно острый, конфликтный характер. Когда статус — основное средство овладения ресурсами, то предметом конфликта становится не конкретный ресурс, а сам статус, в условиях централизованного распределения приобретающий первостепенное значение.

Как только тоталитарная система была децентрализована, активизировались статусные группы. Естественно, их активность направлялась в первую очередь на обретение нового статуса или на повышение существующего, поскольку тогда это было одним из основных средств борьбы за жизненно важные ресурсы. Вместе с тем следует отметить, что в условиях централизованного распределения дефицитных ресурсов и наличия «разностатусных» этнических групп попытку какой-либо из них повысить свой статус другая (конкурирующая) группа воспринимала как посягательство на ее статус, по крайней мере как попытку нарушить равновесие, в условиях империи искусственно поддерживавшееся административным диктатом и принуждением. Таким образом, действия второй статусной группы представляли собой реакцию на активизацию первой.

Приоритет групповых интересов, но не интересов личности (при этом конфликтующие стороны не обладали общими фундаментальными ценностями) обуславливали то, что предотвращение конфликтов на основе прямых переговоров и договоренностей оказалось исключительно сложным делом. Урегулирование противостояний зашло в тупик, то есть они оказались фактически «законсервированными». Появились благоприятные условия, для того чтобы наряду с действительно патриотическими силами возникли популистские движения с тоталитарно-фашистской «окраской». В их риторике акцент переносился уже на историческую или социальную справедливость либо на использование исторических шансов, касающихся создания собственной государственности.

Межнациональные противостояния в контексте переходной экономики

Особый интерес вызывает проблема воздействия политики экономических реформ на отношения между этносами. С одной стороны, сложности переходной экономики с различной силой «давят» на те или иные этнические группы населения, что способствует возникновению конфликтных ситуаций, с другой — этноконфликты обуславливают экономические последствия и влияют на ход реформ. В частности, они порождают огромные прямые и косвенные экономические потери, вызванные разрухой и параличом производства; становятся причинами перераспределения ресурсов и перегруппировки политических сил, что также негативно сказывается на экономике региона.

Анализ тесной связи между этноконфликтами и экономическими реформами приводит исследователя к двум важным выводам. Во-первых, стихийные экономические процессы или неправильная экономическая политика в полиэтнических регионах могут способствовать возникновению этноконфликтов. Во-вторых, существует принципиальная возможность целенаправленно воздействовать на конфликтные процессы экономическими методами.

Возникновению этноконфликтов способствуют (непосредственно или косвенно) некоторые экономические процессы переходного периода, среди которых можно выделить следующие:

- экономический спад, безработица и падение уровня жизни за черту прожиточного минимума;
- резкая дифференциация общества по уровню доходов;
- неодинаковое экономическое развитие регионов в условиях наличия ареалов, компактно населенных этническими меньшинствами;
- крупные масштабы теневой экономики (торговля оружием, наркобизнес, контрабанда);
- приватизация государственной собственности и перераспределение экономических ресурсов;
- ошибки в инвестиционной политике;
- разнонаправленность государственных экономических интересов стран, выступающих влиятельными акторами политических процессов регионального масштаба.

Аналогичным образом можно выделить процессы и факторы, способствующие урегулированию конфликтов:

- экономический прогресс, рост занятости и повышение уровня жизни;
- социально ориентированная экономическая политика;
- привлечение иностранного капитала;
- развитие малого бизнеса;
- сокращение масштабов теневой экономики;
- антимонопольная политика и расширение конкуренции;
- развитие межрегиональных экономических отношений;
- политика фискального федерализма, направленная на нивелирование уровней экономического развития регионов;
- реализация широкомасштабных экономических проектов, требующих совместного участия этнических групп и их сотрудничества;
- привлечение представителей всех этносов к управлению регионом демократическими методами, а также к принятию важных экономических решений;
- экономическая помощь конфликтным ареалам со стороны международных организаций, имеющая целью восстановление постконфликтных зон.

Разумеется, при выборе средств урегулирования конфликта нельзя ограничиваться лишь экономическими методами. На разных стадиях противостояния необходимы «медиаторские» процессы, использование миротворческих сил, изъятие у населения оружия и давление политическими способами. Вместе с тем правильное и своевременное использование экономических методов на тех или иных фазах конфликта может заместить конфликтные ожидания ожиданиями взаимовыгодного сотрудничества и тем самым предотвратить «вступление в действие» разрушительной силы конфликта, направляя энергию всех этносов, населяющих «горячую» зону, в русло экономической активности. Создание принципиально новых возможностей для экономической активности и реализации целей, достижимых лишь совместными усилиями, придает дополнительный импульс «оживлению» экономических интересов. Использование экономических методов (при их правильном сочетании с другими политическими инструментами) способно привести к действительно ощутимому эффекту.

Не исключено, что реализация во «взрывоопасных» регионах антиконфликтных профилактических мероприятий потребует существенных материальных затрат, в том числе на социальные программы, образование, культуру, усиление правоохранительных органов и т.д. Но если соотнести эти расходы и полученный от них эффект с возможными потерями от потенциальных этноконфликтов, то становится ясным, что затраты исключительно результативны не только с политической и гуманитарной, но и с сугубо экономической точек зрения. Эти средства можно рассматривать как инвестиции, имеющие целью не только получить прибыль, но и предотвратить возможные убытки.

Предотвращение конфликта реально, если до той критической временной точки, когда он начинает приобретать собственную инерцию, на его профилактику будет затрачена хотя бы малая часть того, что после эскалации противостояния принимает форму прямых и косвенных потерь. Предупреждение конфликтов обходится дешевле, нежели урегулирование уже вспыхнувших, поскольку для преодоления упомянутой инерции необходимы огромные дополнительные расходы. В то же время инерция мирного сосуществования способствует значительному снижению стоимости профилактических мероприятий.

Политика профилактики предусматривает изменение среды, провоцирующей конфликт. Фактически речь идет о том, что огромные финансовые ресурсы, затрачиваемые на вооружение, массовые убийства и разрушения, а затем — на восстановление уничтоженного, можно напрямую направить на ускорение экономического развития региона и на повышение уровня жизни его населения⁵. В случае их правильного и своевременного использования крупные «финансовые инъекции» во «взрывоопасные» полиэтнические зоны способны предотвратить конфликт и радикально улучшить межэтнические отношения. Однако принятию в нужное время верных решений препятствует то, что превентивные затраты необходимы сегодня, а их последствия дадут о себе знать в будущем. Более того, значительная часть результатов просто «невидима»: в этом контексте речь идет о несостоявшихся войнах и о несчастьях, которых удалось избежать.

З а к л ю ч е н и е

После окончания «холодной войны» этнические конфликты стали одной из важнейших проблем человечества. Ее решение (т.е. предотвращение, урегулирование межэтнических противостояний и ликвидация их последствий) невозможно «в одиночку» — лишь усилиями тех государств, на территориях которых вспыхивают конфликты. Здесь необходима широкомасштабная поддержка международного сообщества.

Все возрастающая интенсивность локальных этноконфликтов наводит на мысль, что следует заняться поиском хотя бы общих контуров какой-то более глобальной проблемы, проявлением которой они являются.

Но можно ли считать этноконфликты фрагментами противоречий планетарного масштаба, скажем, расхождениями между Севером и Югом или богатством и бедностью? Целесообразно ли оценивать этноконфликты (наряду с движениями антиглобалистов и «зеленых», даже с акциями международного терроризма) как спонтанную, не всегда осознанную и пока не организованную форму проявления борьбы за перераспределение дефицитных мировых ресурсов, за более разумное их использование?

---

⁵ Например, целесообразно подумать над тем, чтобы выделить в военных бюджетах стран-членов НАТО отдельную строку, то есть ввести специальный налог, а полученные средства направлять на создание фонда, призванного осуществлять своевременную диагностику, превенцию, мониторинг и урегулирование этноконфликтов, а также на ликвидацию их последствий.

Несомненно, чтобы получить ответы на эти вопросы, необходим глубокий и всесторонний экономический анализ проблемы, который на основе теоретических выводов позволит сформулировать рекомендации по антиконфликтной политике международных организаций, а также по политике реализации экономических реформ в полиэтнических зонах. Появится возможность разработать методы «интенсивной экономической терапии» этноконфликтов, а для «взрывоопасных» регионов — конфликто-превентивной экономической политики.

Вместе с тем важно учитывать, что этнические конфликты следует рассматривать не только как общественные катастрофы, которые необходимо ликвидировать, но и с позитивной точки зрения — как показатели недостатков существующего миропорядка. В этом плане анализ этноконфликтов побуждает общество к самосовершенствованию и указывает на ориентиры его дальнейшего развития.

С некоторой долей условности можно утверждать, что после конфликтов мир становится лучше, чем был до них, а человеческие жертвы и экономические потери — своего рода плата за совершенствование мироустройства, хотя она является слишком большой ценой прогресса, поскольку в современную эпоху последний достижим и без вооруженных конфликтов, на основе разума и сотрудничества. Для этого необходимо прежде всего изучить этноконфликты как явление. Если бы мы обладали научными знаниями, достаточными для выявления истинных причин возникновения, развития и завершения этнических противостояний, то вышеназванных потерь и жертв (как и самих конфликтов) было бы значительно меньше.

Богуслав ЛИТЕРА

*Старший научный сотрудник
Института истории Чешской академии наук
(Прага, Чешская республика).*

НЕФТЬ И ГАЗ В БАССЕЙНЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Резюме

После распада Советского Союза в 1991 году появились серьезные надежды на возможность добычи нефти и газа в Каспийском регионе, охватывающем территории пяти государств: России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана. Эти ожидания до некоторой степени подо-

гревали власти и коммерческие структуры самих этих стран, которые стремились усилить интерес западных компаний и привлечь инвестиции: руководители прикаспийских государств быстро поняли, что в экономическом отношении они зависят от добычи энергоносителей. Тогда Каспийский ре-

гион нередко рассматривали как возможного (в будущем) конкурента Ближнего Востока в качестве источника энергоресурсов. Вновь, с некоторыми вариациями, развернулась так называемая «большая игра», в рамках которой на протяжении XIX столетия Великобритания, Россия и Китай соперничали за влияние в Центральной Азии. На сей раз участники «игры» стреми-

лись получить доступ к энергоресурсам региона, а также контроль над их добычей и соответствующими транспортными маршрутами. В число соперничающих акторов вошли международные нефтедобывающие компании, государства региона, руководители европейских стран, ЕС и США. В последние годы большую активность проявляет и Китай.

Текущая ситуация на Каспии

В 1990-х годах первоначальная эйфория постепенно сменялась более трезвыми оценками объемов запасов, возможностей извлечения и проблем с транспортировкой добытых энергоресурсов на мировые рынки. Выяснилось, что полноценным конкурентом Ближнему Востоку Каспий так и не станет, но все же его запасов будет достаточно для снабжения не только соседних регионов, но и более отдаленных стран Европы и Азии. Эта оценка относится к Азербайджану и особенно Казахстану. К серьезным разведочным и изыскательским работам на их территориях приступили недавно, но они уже позволили обнаружить несколько важных нефтеносных площадей в северной части бассейна Каспийского моря и месторождений газа в южной его части. По объему запасов газовые месторождения Каспия вполне могут оказаться важнее месторождений нефти. Однако нефть легче транспортировать, а проекты по ее добыче сулят более быструю окупаемость, так что нынешняя инфраструктура в основном ориентирована именно на добычу нефти, пользующейся в настоящее время высоким спросом на мировых рынках. Поэтому основной прирост добычи энергоресурсов на Каспии в предстоящие 10 лет будет обеспечен главным образом за счет разработки залежей нефти.

Динамика добычи сырой нефти в странах Каспийского бассейна (без России и Ирана) после распада Советского Союза выглядела следующим образом:

Таблица 1

Добыча нефти в регионе
(млн т в год)

	1990	1995	2000	2004
Азербайджан	12,5	9,2	14,9	15,7
Казахстан	25,8	20,6	35,3	60,5
Туркменистан	5,7	4,1	7,4	10,1
Узбекистан	2,8	7,6	7,5	6,6
Источники: British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2001; 2005.				

После распада Советского Союза добыча нефти в большинстве стран на какое-то время снизилась. Но уже во второй половине 1990-х годов ситуация в этой сфере резко изменилась: добыча нефти стала расти быстрыми темпами. Безусловно, крупнейший производитель нефти — Казахстан, добывающий ежегодно 60 млн т.

Однако для понимания перспектив гораздо важнее оценки доказанных запасов (см. табл. 2).

Таблица 2

Нефтяные запасы региона (млрд т)

	2000	Отношение R/P, по годам	2004	Отношение R/P
Азербайджан	0,9	63,4	1,0	60,2
Казахстан	1,1	31,1	5,4	39,6
Туркменистан	0,1	10,2	0,1	7,4
Узбекистан	0,1	10,8	0,1	10,6

Источники: British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2001; 2005.

Достоверность оценок нефтяных запасов растет с каждым годом, а сами они повышаются в связи с обширными разведочными и изыскательскими работами, ведущими к обнаружению новых нефтеносных полей. Весьма важный показатель — отношение R/P, то есть величины доказанных запасов к объемам добычи: оно отражает, сколь долго еще запасы в той или иной стране позволят поддерживать текущий уровень добычи. В этом плане самое выгодное положение среди государств Центральной Азии занимает Казахстан, поскольку оценки его доказанных запасов весьма повысились даже с учетом высокой изменчивости доступных данных. По оценкам экспертов, запасы в российском секторе Каспийского моря составляют около 0,3 млрд баррелей нефти, в Иранском — 0,1 млрд баррелей, что не так много с учетом общих объемов нефтедобычи этих двух стран.

Ситуация с добычей газа несколько иная (см. табл. 3).

Таблица 3

Добыча природного газа в регионе
(млрд куб. м в год)

	1990	1995	2000	2004
Азербайджан	9,2	6,2	5,3	4,6
Казахстан	6,6	5,5	10,7	18,5
Туркменистан	81,9	30,1	43,8	54,6
Узбекистан	38,1	45,3	52,2	55,8

Источники: British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2001; 2005.

Объемы добычи голубого топлива относительно высоки лишь в Туркменистане и в Узбекистане. Последний, однако, почти весь добываемый газ потребляет сам. Аналогич-

ная картина наблюдается и в других странах. Таким образом, единственным значительным его экспортером является Туркменистан, внутреннее потребление которого составляет приблизительно 15 млрд куб. м. Поэтому Туркменистан способен экспортировать до 40 млрд куб. м, главным образом в Украину, Россию и Иран. Объемы добычи газа начинают резко расти и в Казахстане.

Как видно из таблицы 4, оценки доказанных запасов газа выглядят поистине многообещающими.

Таблица 4

**Запасы природного газа
в Каспийском регионе на конец 2004 года
(трлн куб. м)**

	Запасы	Отношение R/P, по годам
Азербайджан	1,37	Больше 100
Казахстан	3,00	Больше 100
Туркменистан	2,90	53,1
Узбекистан	1,86	33,3
<i>И с т о ч н и к:</i> British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2001; 2005.		

Перспективы

Перспективы добычи нефти в регионе во многом зависят от мировых цен. Затраты на добычу и транспортировку каспийской нефти к рынкам сбыта равны примерно 8—10 долл. за баррель. Это означает, что мировая цена должна быть не ниже 18 долл. за баррель. Если же она опустится ниже этого уровня, то дополнительные капиталовложения в добычу будут нерентабельны. Долгосрочные оценки исходили из предположения, что цена на нефть стабилизируется в пределах 22—27 долл. за баррель, однако в 2004 году средняя цена на нефть марки «Брент» составляла 38,27 долл. за баррель, а в последующие месяцы относительно устойчиво держалась на уровне около 60 долл. за баррель и выше. По оценкам, в 2015 году в регионе (без учета России) можно будет добывать почти 4 млн баррелей нефти в день, причем свыше 50% этих объемов — в Казахстане, еще 15—30% — в Азербайджане. Туркменистан, по этим прогнозам, не будет экспортировать нефть в сколько-нибудь заметных объемах, а Узбекистан, скорее всего, превратится в ее нетто-импортера¹.

Вот некоторые оценки Международного энергетического агентства, выполненные в начале нынешнего века. При условии, что инвестиции в добычу нефти удержатся по крайней мере на нынешнем уровне и будет создана необходимая инфраструктура, в 2010 году (по оптимистическому сценарию) Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан вместе смогут добывать 3,9 млн баррелей нефти в день (194 млн т в год). Согласно песси-

¹ См.: Smith R. Politics, Production Levels to Determine Caspian Area Energy Export Options // Oil and Gas Journal, 28 May 2001, Vol. 99, No. 22. P. 33—38.

мистическому сценарию, который предполагает некоторые проблемы с обнаружением новых нефтеносных площадей, добыча вырастет лишь до 2,7 млн баррелей в день (примерно 135 млн т в год). Это означает, что доля каспийского региона составит приблизительно 4% мировой добычи нефти, а доля Ближнего Востока, по оценкам, должна превысить 50%².

Согласно базовому сценарию, экспорт нефти из бассейна Каспийского моря должен увеличиться с 1,5 млн баррелей в день (75 млн т в год) в 2005 году до 2,5 млн баррелей в день (приблизительно 120 млн т в год) в 2010-м. Пика своих экспортных возможностей регион был бы способен достичь в 2015 году, когда совокупный объем экспорта всех его стран мог бы составить приблизительно 3 млн баррелей в день (150 млн т в год). Однако нынешние планы Казахстана по наращиванию добычи нефти кажутся чрезмерно амбициозными, и в конце концов реальный показатель может оказаться не столь высоким. В 2020 году, как ожидается, экспорт упадет до приблизительно 2,7 млн баррелей в день.

Учитывая, что в настоящее время объем добычи нефти в регионе целиком зависит от нескольких огромных нефтеносных полей и в ближайшем будущем ситуация не изменится, любая задержка с подготовкой и разработкой какого-то из этих месторождений может самым серьезным образом сказаться на совокупных объемах добычи. Если высокий уровень мировых цен на нефть сохранится надолго, то и привлекательность нефти этого региона возрастет. В этом случае пик нефтедобычи может наступить не в 2015 году, а уже в 2010-м. Только Казахстан планирует довести уровень добычи нефти в стране уже в 2015 году до 150 млн т³.

Приток каспийской нефти сам по себе не способен существенно повлиять на мировые цены, но в сочетании с совокупным объемом добычи в России его эффект может быть заметным. К 2010 году доля стран ОПЕК в мировом производстве нефти, вероятно, повысится, поскольку объемы добычи в ряде государств, не входящих в эту структуру (например, в странах побережья Северного моря), начнут падать и приток каспийской нефти, скорее всего, сможет лишь на 50% компенсировать это снижение.

В отличие от добычи нефти, рост добычи газа зависит в основном не от величины доступных запасов, а от потребностей рынка. Запасы голубого топлива в регионе относительно велики, а объемы добычи не достигнут пика до 2020 года. В предстоящие 10 лет экспорт газа из Туркменистана будет играть существенную роль не только на постсоветском пространстве (в Украине, России) и в Китае, но и в снабжении стран Европы, поскольку он может составить конкуренцию постоянно дорожающему российскому газу⁴. Экспортные возможности Казахстана за этот период несколько ослабнут, поскольку республика предполагает отказаться от импорта российского газа.

Одно из главных препятствий к полному использованию потенциала Каспийского региона — слабость инфраструктуры, сдерживающая экспорт. По оценкам, для создания в регионе всей инфраструктуры, необходимой для добычи и транспортировки нефти и газа, нужно инвестировать приблизительно 200 млрд долл. В то же время страны Каспийского региона вынуждены конкурировать между собой за прямые иностранные инвестиции (ПИИ). А для инвесторов благоприятный инвестиционный климат — и в стране инвестирования, и в транзитных странах — не менее важен, чем технические и геологические условия. В настоящее время лучшие условия зарубежным инвесторам предлагают Азербайджан и Казахстан.

² См.: *Smith R.* Op. cit. P. 37; *Caspian Oil and Gas: 1999 Update.* Paris: IEA, 1999. P. 3; *Caspian Energy Resources. Implications for the Arab Gulf.* Abu Dhabi: The Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2000. P. 133.

³ См.: *Alexander's Gas & Oil Connections*, 23 March 2006 [<http://www.gasnadoil.com/goc/nawes/ntc61245.htm>].

⁴ См.: *Woolen I.* Central Asian Gas Crucial to Future Russian Gas Supply // *Oil and Gas Journal*, 13 August 2001, Vol. 99, No. 33. P. 61—65.

В 1999 году ПИИ в энергетический сектор новых независимых государств Южного Кавказа и Центральной Азии составили 5 млрд долл., а по контрактам, подписанным на перспективу, должны превысить 60 млрд долл. Только Казахстан в 2004 году получил в виде ПИИ 8,4 млрд долл. Однако эксперты предупреждают, что для мелких инвесторов капиталовложения в страны региона со столь высокими политическими рисками и угрозами для безопасности могут быть весьма ненадежным бизнесом⁵.

Хотя потенциальная прибыль для иностранных инвесторов в регионе высока, столь же высоки и барьеры для успешных капиталовложений. Таких барьеров множество: от дефицита информации о местных компаниях и неэффективности государственной бюрократии в сочетании с неясно очерченными сферами компетенции административных органов до неразрешенных споров о собственности на нефтяные месторождения, расположенные на Каспийском шельфе или на отдаленных автономных территориях. Дополнительные проблемы возникают из-за слабости инфраструктуры транспорта и связи, вопиющей непоследовательности в политике властей, а также обуславливаются политической нестабильностью и этническими конфликтами.

Большинство зарубежных фирм действует сразу на нескольких месторождениях. В 1999 году в добыче нефти лидировал «Шеврон» (он добывал 88 тыс. барр. в день), за ним следовали «Эксон-Мобил» (68 тыс. барр. в день), «ЛУКойл» (64 тыс. барр. в день), «Бритиш петролеум» (33 тыс. барр. в день) и ряд других («Аджип», «Бритиш гэс», «Статойл»). В добыче газа лидировал «Аджип», за ним шли «Бритиш гэс», «Шеврон» и «ЛУКойл»⁶.

Нефте- и газопроводы

Система нефте- и газопроводов в регионе, за исключением Ирана, с самого начала предназначалась для обслуживания потребностей централизованного Советского Союза. Это означало, что главную роль играли маршруты в европейскую часть страны. После распада СССР трубопроводы из Каспийского региона стали пересекать территории ряда независимых государств, прежде всего России, и до недавнего времени страны Каспия не имели прямого выхода во внешний мир. Это историческое наследие сохраняется по сей день, и избавляются от него постепенно.

Самая большая проблема, с которой сталкиваются в регионе зарубежные инвесторы, — отсутствие необходимой инфраструктуры экспортных трубопроводов, позволяющих доставлять углеводороды на мировые рынки. Таким образом, строительство новых трубопроводов — задача номер один.

Главные нефтяные экспортные маршруты сегодня следующие.

- Нефтепровод Атырау — Самара. Эта магистраль, протяженностью 690 км, построена свыше 30 лет назад. В Самаре она соединяется с сетью нефтепроводов «Дружба». Ее пропускная способность — 10,3 млн т в год, ныне нефтепровод реконструируют, чтобы довести его пропускную способность до 15,4 млн т в год.

⁵ См.: *McCutcheon H., Osbon R.* Coming to Terms with Risk in Caspian Region // *Oil and Gas Journal*, 21 August 2000, Vol. 98, No. 34. P. 54; *Caspian Oil and Gas. The Supply Potential of Central Asia and Transcaucasia*. Paris: IEA, 1998. P. 35; *Caspian Oil and Gas: 1999 Update*. P. 6; *Adams T.* Caspian Oil Realities // *Briefing Paper RIIA*, September 2001, No. 23. P. 5; *Alexander's Gas & Oil Connections*, 10 May 2005 [<http://www.gasandoil.com/goc/news/ntc51936.htm>].

⁶ См.: *McCutcheon H., Osbon R.* Risk Management Financing Availability Key to Winning in Caspian Region // *Oil and Gas Journal*, 24 July 2000, Vol. 98, No. 30. P. 39, 42. Относительно отдельных контрактов и проектов см.: *Rybář J.* Kavkaz, Rusko a «nová velká hra» o kaspickou ropu. Praha: Eurolex Bohemia, 2005. P. 60—62, 67—69; *Neff A.* Caspian Nations Pursuit Oil Exports at Greatly Varying Paces // *Oil and Gas Journal*, 13 June 2005, Vol. 106, No. 22. P. 36.

- Трубопровод Тенгиз — Новороссийск (протяженность 1 900 км) в свое время построен Каспийским трубопроводным консорциумом. Стоимость строительства на первой стадии проекта (в 2001 г.) составила 2,4 млрд долл., пропускная способность — 28 млн т в год. На второй стадии реализации проекта она, по плану, достигнет 66 млн т.
- Нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, который лоббировали Соединенные Штаты, поскольку эта трасса не проходит ни по российской, ни по иранской территории. Ее протяженность — 1 764 км, пропускная способность — 50 млн т в год (может быть увеличена до 85 млн т). Стоимость строительства составила 3,6 млрд долл. Нефтепровод сдан в эксплуатацию в конце мая 2005 года, осенью того же года на Средиземном море начали заполнять нефтью танкеры.
- Проектируемый нефтепровод Казахстан — Китай протяженностью около 3 000 км и пропускной способностью примерно 20—40 млн т в год. Предварительное соглашение было заключено в 1997 году, но в дальнейшем работы приостановили. Вместо этого приступили к строительству новой трассы из Казахстана в Западный Китай. Этот трубопровод протяженностью 960 км и первоначальной пропускной способностью 10 млн т в декабре 2005 года соединил месторождение Кумколь, расположенное в центральном Казахстане, с ажиотажным китайским рынком⁷.
- Транскаспийский проект — трубопровод протяженностью 590 км. Как предполагается, он свяжет Актау на казахстанском побережье Каспия с Баку, где может соединиться с трассой Баку — Тбилиси — Джейхан. Работа над технико-экономическим обоснованием была завершена в конце 1990-х годов, но решение о начале строительства до сих пор не принято.

Что же касается экспорта газа из Прикаспия, то его главные направления таковы:

- Маршрут Средняя Азия — Центр, соединяющий Туркменистан с Россией и Европой через территории Узбекистана и Казахстана. В нем используется уже имеющаяся инфраструктура, созданная во времена Советского Союза. Его пропускная способность — 110 млрд куб. м в год. Он, в частности, обеспечил с 2002 года поставку в Украину в общей сложности до 50 млрд куб. м туркменского газа.
- Магистраль Туркменистан — Иран с пропускной способностью до 10 млрд куб. м в год. Сдана в эксплуатацию в декабре 1997-го. Несколько раз предлагалось увеличить ее мощность, однако потенциал данного газопровода ограничен, поскольку Тегеран — главный конкурент Ашхабада в экспорте газа.
- Трубопровод «Голубой поток», соединяющий южную часть России с Турцией, проложен по дну Черного моря. Поставки голубого топлива по этой магистрали (ее протяженность составляет 400 км) начались в декабре 2001 года, но реально по ней перекачивают лишь несколько миллиардов кубометров в год, хотя планировалось перекачивать 16 млрд куб. м ежегодно.
- Проектируемый Транскаспийский газопровод протяженностью 1 686 км, который должен соединить Туркменистан, Азербайджан, Грузию и Турцию. Предпроектные исследования по этому газопроводу (его стоимость оценивается в 3 млрд долл.) завершены, однако перспективы реализации проекта пока не ясны.

⁷ См.: *Dorian J.P.* Oil, Gas in FSU Central Asia, Northwestern China // *Oil and Gas Journal*, 10 September 2001, Vol. 99, No. 37. P. 21; *Wolowska H.* Caspian Oil and Gas: the Facts at the End of the Year 2000 // *Prace OSW/CES Studies*, 2001, No. 1. P. 49; *Smith R.* Op. cit. P. 38; *Trend*, 24 June 2005, No. 21. P. 19; *Roberts J.* Caspian Oil and Gas. How Far Have We Come and Where are We Going? В кн.: *Oil, Transition and Security in Central Asia* / Ed. by Sally N. Cummings. London — New York: RoutledgeCurzon, 2003. P. 153—154.

- Проектируемый газопровод Баку — Эрзерум, по которому газ предполагается транспортировать от азербайджанского месторождения Шах-Дениз в Турцию и далее — в Европу. Этот проект, предложенный «Бритиш петролеум», несколько раз откладывался из-за неопределенности в оценке перспектив добычи на данном месторождении и перенасыщенности турецкого рынка.
- Проектируемый трубопровод Туркменистан — Китай. Предусматриваемая протяженность — 8 000 км, стоимость строительства, по оценкам, — около 12 млрд долл. Пока завершены лишь предпроектные исследования, но проект был подтвержден китайско-туркменским соглашением о поставках голубого топлива, подписанным в апреле 2006⁸.

Ценовой спор между Россией и Украиной и кратковременные приостановки поставок газа в зимние месяцы 2005—2006 годов побудили Европейский союз уделять больше внимания безопасности импорта. Один из предложенных вариантов — проект «Набукко» одноименного консорциума пяти компаний из пяти стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Предполагается построить газопровод (3 400 км) с начальной пропускной способностью 4,5 млрд куб. м в год, которая со временем может возрасти до 25—30 млрд куб. м в год. По этой магистрали газ из республик Центральной Азии, Азербайджана и Ирана планируется перекачивать в Европу. Однако реализация проекта не начнется раньше следующего десятилетия⁹.

Суммарная пропускная способность всех нефтепроводов, по которым каспийская нефть доставляется в Россию, в 1998 году составляла 18,5 млн т в год, и эти магистрали уже тогда использовали почти на полную мощность. С тех пор объемы перекачиваемой нефти значительно возросли. Еще сложнее оказалась ситуация с поставками газа. Располагая фактическим контролем над экспортными трубопроводами, Москва имела возможность не допускать на прибыльные рынки газ республик Центральной Азии, способный заменить российское голубое топливо. Экспортные возможности Узбекистана и Туркменистана (особенно) ограничивались неплатежеспособностью постсоветских стран (главным образом — Украины). Азербайджан и другие страны даже импортировали газ РФ. Однако на рубеже столетий Москва и ее компания «Газпром» стали корректировать свои позиции. Причина в том, что «Газпром» хочет закупать в больших количествах туркменский и казахстанский газ, а также вновь утвердить контроль над энергетической инфраструктурой Южного Кавказа и Центральной Азии.

С 2010 года государства ЦА (вместе с Азербайджаном) намерены ежегодно экспортировать около 120 млн т нефти и 80 млрд куб. м газа. Пропускная способность ныне работающих трубопроводов недостаточна для перекачки нефти и газа в таких объемах. В связи с этим во второй половине 1990-х годов началось строительство новых трубопроводов и реконструкция действующих. Трассы большинства из них проходят через территории, подверженные кризисам, или пролегают в опасной близости от таких мест, что создает угрозу для безопасности этих магистралей. Другие возможные маршруты проходят через территорию Ирана, их использование сдерживают санкции со стороны США и общий политический курс Вашингтона по отношению к Тегерану. С другой стороны, Соединенные Штаты пытаются диверсифицировать экспортные маршруты из Центральной Азии, чтобы уменьшить зависимость стран этого региона от РФ.

Каспийская нефть способна успешно конкурировать с российской нефтью, так как ее качество выше (в российской высокое содержание серы), а добыча обходится дешевле. Нефтеперерабатывающие заводы Германии, Чехии и других стран проявляют большую заинтересованность в такой нефти. Наряду с государствами Европы потенциальным

⁸ См.: *Dorian J.P.* Op. cit. P. 26; *Wolowska H.* Op. cit. P. 49—50; *Smith R.* Op. cit. P. 38.

⁹ См.: Alexander's Gas & Oil Connections, 17 August 2005 [<http://gasandoil.com/goc/news/ntc53362.htm>].

рынком центральноазиатских энергоресурсов в среднесрочной, а также и в долгосрочной перспективе может стать Китай, который уже участвует в добыче нефти в Казахстане. Строительство нового внутрикитайского нефтепровода, соединяющего Северо-западный Китай с Шанхаем, поможет связать Центральную Азию с рынком КНР. В июле 2002 года было подписано соответствующее соглашение о строительстве трубопровода длиной 4 000 км и стоимостью 20 млрд долл. с консорциумом во главе с «Ройал Датч Шелл»¹⁰.

Крупнейшими потребителями газа из Азербайджана и республик Центральной Азии, вероятно, останутся постсоветские страны (Узбекистан, Украина). Немалую роль на этом рынке неизбежно будет играть и Россия. Перспективы наращивания объемов экспорта ее голубого топлива в Западную Европу (они могут достигать до 200 млрд куб. м в год) еще не вполне ясны. Поставки туркменского газа в РФ могли бы освободить ее собственный газ для экспорта в Европу. Однако в среднесрочной перспективе весьма многообещающие выглядят возможности поставок из этой республики ЦА в Западный Китай, что продемонстрировало соглашение о строительстве газопровода и поставках энергоресурсов, подписанное Ашхабадом и Пекином в 2006 году. Газ из Азербайджана будет поступать в Грузию, а в долгосрочной перспективе, возможно, и в Европу. К числу его покупателей могут также присоединиться другие соседние страны, особенно Турция, даже при том, что подобному развитию событий могут воспрепятствовать политические соображения. В случае Турции особенно сильной будет конкуренция российского газа¹¹.

Интересам РФ больше всего соответствует нынешняя система нефте- и газопроводов. Почти все страны Центральной Азии с известным недоверием относятся к намерениям России в целом, особенно в сфере энергоресурсов. Кроме того, в последние годы двусторонние отношения осложнялись множеством споров и конфликтов. Поэтому с начала 1990-х годов операторы каспийских нефтяных месторождений ищут альтернативные транспортные маршруты, которые позволят республикам ЦА ослабить зависимость от России. Но хотя рассматривались различные варианты, пока ни один проект не реализован. Главная причина — сложная обстановка с безопасностью в регионе. К тому же предпроектные работы требуют больших затрат времени и денег. Освоению трубопроводных маршрутов из Центральной Азии и Каспийского бассейна мешает и наличие в зоне пролегания возможных трасс очагов серьезных конфликтов. Свою роль играют и проблемы охраны окружающей среды¹².

Внутриполитическая нестабильность, проблемы с безопасностью и постоянная напряженность в отношениях между Пакистаном и Индией (как и ситуация в Афганистане) не позволяют считать юго-восточное направление разумным выбором для альтернативных трубопроводных маршрутов. То же относится и к проектам трубопроводов, проходящих по территории Ирана, поскольку Вашингтон уже неоднократно продлевал санкции против Тегерана. Маршруты, ведущие из Западного Казахстана или Туркменистана в Китай, не сопряжены с особыми рисками для безопасности, однако расстояния между месторождениями нефти и газа Каспийского бассейна и рынками Восточного или Юго-восточного Китая, Кореи и Японии слишком велики. Но, похоже, власти КНР все же решительно настроены на то, чтобы реализовать эту альтернативу¹³.

¹⁰ См.: *Hospodářské noviny*, 8 July 2002.

¹¹ См.: *Caspian Oil and Gas. The Supply Potential of Central Asia and Transcaucasia*. P. 92—93; *Shenoy B., Gulen G., Foss M.M.* Caspian Oil Export Choices Clouded by Geopolitics, *Project Economics // Oil and Gas Journal*, April 1999, Vol. 97, No. 16. P. 29—35; *Kaspická ropa a Slovensko // Trend*, 18 June 2001, No. 29. P. 8—9.

¹² См.: *Clark M.* The Bosphorus Bottleneck // *Petroleum Economist*, June 2004, Vol. 71, No. 6. P. 28—29.

¹³ См.: *Caspian Oil and Gas. The Supply Potential of Central Asia and Transcaucasia*. P. 133—144; *The Politics of Caspian Oil / Ed. by B. Gökay*. Houndmill: Palgrave Macmillan, 2001. P. 121—125; *The New Economy of Oil. Impact on Business. Geopolitics and Society / Ed. by J. Mitchell*. London: Earthscan Publications, 2001.

Среди маршрутов, проходящих по территории России, главным является трубопровод, построенный Каспийским трубопроводным консорциумом, объединившим ряд компаний Казахстана, США, России и других стран. По этой магистрали нефть с прикаспийского месторождения Тенгиз перекачивают в российский порт Новороссийск. Однако затем ее приходится перевозить на танкерах по перегруженным Черноморским проливам. Трубопровод Одесса — Броды обеспечит казахстанской нефти альтернативный маршрут через территорию Украины и далее — от г. Броды по нефтепроводу «Дружба» в Центральную Европу, хотя в настоящее время по трубопроводу Одесса — Броды компания «ТНК-БП» перекачивает небольшое количество нефти в реверсном режиме. Обсуждается возможность продлить эту магистраль до Гданьска (Польша), что позволит доставлять нефть из Центральной Азии практически всей Европе. Трубопровод Одесса — Броды — часть евразийского маршрута транспортировки нефти. Этот международный проект облегчит доставку в Европу каспийской нефти в обход России¹⁴.

Нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан связывает Азербайджан (через территорию Грузии) с турецким портом Джейхан на Средиземном море. Он построен консорциумом, возглавляемым компанией «Бритиш петролеум», для его сооружения пришлось решить ряд серьезных технических проблем. Однако экономическая целесообразность магистрали остается под вопросом, к тому же есть угрозы ущерба окружающей среде. По трубопроводу должна транспортироваться азербайджанская, возможно, также казахстанская и российская нефть (добываемая «ЛУКойлом» и «ТНК-БП»).

Наряду с этим Казахстан стремится уменьшить свою зависимость от поставок российской нефти в восточные области республики и с этой целью планирует построить внутренний нефтепровод, соединяющий западную часть страны с восточной. Это позволило бы Астане отказаться от дорогостоящих обменов нефтью с Москвой, из-за которых часть казахстанской нефти приходится экспортировать в Россию. Вместе с тем Казахстан вел переговоры с Турцией и Ираном о строительстве трубопроводов, которые должны были связать его с Европой. Но эти планы натолкнулись на сопротивление США. Белый дом пытается убедить президента РК Нурсултана Назарбаева использовать для экспорта казахстанской нефти магистраль Баку — Тбилиси — Джейхан¹⁵.

Что касается весьма ограниченного набора маршрутов экспорта газа, то лишь Ашхабад сегодня располагает некоторым выбором. Тегеран продолжает утверждать, что в свое время Вашингтон оказывал давление на ныне покойного президента Туркменистана С. Ниязова, чтобы заставить его направлять экспорт республик в западном направлении — не через Иран, а через Азербайджан и Грузию, хотя первый и предлагает намного более низкие тарифы за транзит. Самым важным из предлагаемых Туркменистану альтернативных вариантов оказался проект Транскаспийского трубопровода, ведущий в Турцию по территории Южного Кавказа, откуда впоследствии туркменский газ можно перекачивать в Европу. Планы по газопроводу Иран — Турция — Европа уже «сверстаны», но политические проблемы не позволяют приступить к их реализации. Однако трубопровод длиной 144 км, соединяющий месторождения западного Туркменистана с северным Ираном, был сооружен еще в 1997 году. Рассматриваются и маршруты в Пакистан (по территории Афганистана), но эти возможности в настоящий момент остаются чисто теоретическими.

Самые большие объемы своего газа Туркменистан экспортирует по российским трубопроводам в Украину и собственно в Россию, поскольку «Газпром» весьма заинтересо-

Р. 131—138. Относительно обсуждения потенциальных трубопроводов также см.: *Olcott M.B.* Pipelines and Pipe Dreams: Energy Development and Caspian Society // *Journal of International Affairs*, Fall 1999, Vol. 53, No. 1. P. 305—323; *Miles C.* The Caspian Pipeline Debate Continues: Why not Iran // *Journal of International Affairs*, Fall 1999, Vol. 53, No. 1. P. 325—346.

¹⁴ См.: *Trend*, 12 June 2002, No. 24. P. 6.

¹⁵ См.: *Alexander's Gas & Oil Connections*, 6 July 2005 [<http://www.gasandoil.com/goc/news/ntc52755.htm>].

ван в долгосрочных поставках голубого топлива Ашхабада. В долгосрочной перспективе (по крайней мере на ближайшие 10 лет) необходимо учитывать зависимость Туркменистана и других республик Центральной Азии от российских газопроводов, даже при том, что, как мы уже отмечали, Ашхабад и Пекин заключили соглашение об экспорте газа в КНР.

Узбекистан рассматривал планы строительства ряда новых газопроводов. Однако, согласно оценкам, в среднесрочной перспективе республика превратится в нетто-импортера газа. Только открытие новых газовых месторождений могло бы вселить надежды на будущий экспорт.

Энергетическая политика и стратегия в Каспийском регионе

Казахстан

Казахстан — самая большая по территории страна в ряду новых независимых государств Каспийского региона и вторая по численности населения республика Центральной Азии. В настоящее время добыча нефти в РК сконцентрирована на трех основных месторождениях: Тенгиз (консорциум во главе с «Шеврон Тексако»), Карачаганак («Бритиш гэс») и Кашаган («Аджип»). Ни одно государство региона, за исключением Азербайджана, не предоставляет зарубежным инвесторам таких благоприятных условий, какие обеспечивала РК в первые годы своей независимости. Они включали подготовку и утверждение соответствующих законов, формулировку независимой национальной энергетической стратегии, даже устранение бюрократических и других барьеров. Глава государства Н. Назарбаев лично контролировал ход важных переговоров. Из доходов от экспорта нефти и зарубежных инвестиций финансируются его проекты, отдающие гигантоманией, в том числе строительство Астаны — новой, с иголки, столицы страны. В последние несколько лет экономический рост в республике составлял в среднем 9% в год, главным образом благодаря увеличивающимся объемам добычи нефти и высоким мировым ценам на нее¹⁶.

Обычным делом стало создание совместных предприятий бывшей государственной компании «КазахОйл» с западными фирмами. Самые большие многонациональные компании, вроде «Шеврона», вкладывали средства в такие месторождения, как Тенгиз, — по объемам запасов (2,4—2,9 млрд т нефти) оно занимает первое место в стране. Совместное предприятие «Тенгизшевройл», в котором РК принадлежат 20%, американским компаниям «Шеврон» и «Эксон-Мобил» — 50% и 25% соответственно, российскому «Лукарко» — 5%, ежегодно добывает на этих залежах 12 млн т нефти¹⁷. Другой консорциум финансировал строительство нефтепровода в Новороссийск — российский порт на Черном море. В 2002 году основана корпорация «КазМунайГаз», которая распоряжается принадлежащим государству акционерным капиталом в новых проектах.

В последние годы правительство пыталось пересмотреть ряд контрактов с нефтяными компаниями, чтобы обеспечить рост доходов государственного бюджета. Оно предпочитает действовать в рамках межправительственных соглашений, а не объявлять международные тендеры на разведку и разработку отдельных блоков. Таким образом, иннос-

¹⁶ См.: *Gorst I. Papa Knows Best // Petroleum Economist*, January 2006, Vol. 73, No. 1. P. 4.

¹⁷ См.: *Oil and Gas Journal*, 5 April 2001 [<http://ogj.pennnet.com/news>].

трантные нефтяные компании оказываются перед дилеммой: потенциал богатых нефтяных месторождений велик, но растет и давление со стороны государства¹⁸.

Азербайджан

Ситуация в Азербайджане, традиционно нефтедобывающей республике региона, уже анализировалась достаточно подробно¹⁹. Проблемой для страны является тот факт, что разведочное бурение в ее секторе Каспийского моря часто давало нулевые результаты или позволяло обнаруживать лишь газоносные поля²⁰. Кажется, единственная надежда для страны — контракт (срок его действия — 30 лет) с консорциумом АМОК по месторождениям нефти Азери, Чираг и Гюнешли, подписанный в 1994 году и тогда же получивший название «контракт века». Крупнейшим акционером выступает «Бритиш петролеум». Первую нефть добыли в 1997 году, но переломным стал 2005-й. Тогда вступил в эксплуатацию трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан, оператором которого является консорциум во главе с той же «Бритиш петролеум». Чтобы заполнить нефтепровод, АМОК начал увеличивать добычу — с 130 тыс. баррелей в день в конце 2004 года до нынешних 220 тыс. баррелей, что, по оценкам, может подстегнуть рост добычи в 2007 году до 754 тыс. баррелей в день. На 2008 год поставлена цель довести добычу до 1 млн баррелей в день. На этом пиковом уровне объем добычи стабилизируется, после чего в начале следующего десятилетия ожидается снижение — до 800 тыс. баррелей в день, в конце же десятилетия добыча, как ожидают, упадет до 250 тыс. баррелей в день²¹.

При нынешнем нефтяном буме Азербайджану необходимы новые нефтяные месторождения. Однако перспективы здесь не слишком радужны, поскольку при разведочном бурении на многих скважинах нефти не выявлено, в связи с чем реализацию ряда проектов пришлось приостановить. При этом основные надежды возлагаются на северную часть азербайджанского сектора Каспийского моря, где разведочные скважины бурит российская компания «ЛУКойл», а также на районы, примыкающие к иранской и туркменской границам национального сектора. Но в обоих случаях принадлежность соответствующих районов Баку оспаривается. Открыть нефтеносные поля для бурения могло бы лишь соглашение о совместной добыче, составленное по образцу российско-казахстанского соглашения. Отсутствие подобного документа и малая вероятность его подписания в ближайшей перспективе приводят к выводу, что объемы добычи и экспорта нефти, обеспечивающие соответствующий приток финансовых ресурсов, будут целиком зависеть от положения дел на трех упомянутых выше месторождениях.

В долгосрочной перспективе добыча нефти могла бы дополниться разработкой залежей голубого топлива, поскольку в ходе разведочного бурения вместо нефти несколько раз обнаруживали газ, особенно часто — на месторождении Шах-Дениз.

Туркменистан

Туркменистан — ведущий производитель и экспортер газа, по объемам запасов которого он занимает восьмое место в мире, а на постсоветском пространстве — второе,

¹⁸ См.: *Gorst I.* Op. cit. P. 5.

¹⁹ См.: *Wanner J.* Kaspické energetické suroviny a jejich význam pro střední Evropu. В кн.: *Litera E., Hirman K., Vykoukal J., Wanner J.* Ruské produktovody a střední Evropa. Praha: Eurolex Bohemia, 2003. P. 47—80; *Kyřár J.* Op. cit. P. 52—62.

²⁰ См.: *Watson N.J.* To Boldly Go // *Petroleum Economist*, October 2005, Vol. 72, No. 10. P. 21—22.

²¹ См.: *Neff A.* Op. cit. P. 35—36.

уступая только России. Дальнейшее геологическое изучение территории, вероятно, еще повысит эти оценки. Свыше 50% газа республика добывает в газоносном районе Довлеттабад, на востоке страны. Главное препятствие к увеличению объемов добычи — географическая изоляция государства. Не приходится рассчитывать на бум добычи, пока нет надежных маршрутов транспортировки газа на европейский, турецкий, даже китайский рынок. В этом отношении в предстоящие годы Ашхабад будет зависеть от благосклонности Москвы.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении добычи нефти, хотя после падения производства в начале 1990-х годов Туркменистан ныне добывает лишь немногим более 7 млн т нефти в год. Изоляционистский курс, взятый в свое время президентом страны С. Ниязовым, а также сочетание ряда экономических и политических факторов, не позволяют западным и российским компаниям действовать в стране активнее. До сих пор Туркменистан в небольших объемах экспортировал газ в Иран и — в связи с отсутствием альтернативных вариантов — в Украину, которая, как предполагается, между 2002 и 2006 годами получила 250 млрд куб. м туркменского газа, хотя до сих пор остается практически неплатежеспособной. Соглашение между Москвой и Ашхабадом предусматривает, что с 2009 года «Газпром» будет постепенно увеличивать закупки туркменского газа до 80 млрд куб. м в год (в 2006-м объем закупок уже достиг 30 млрд куб. м). При таких объемах экспорта в Россию вряд ли Туркменистан сможет поддерживать свои поставки в Украину на нынешнем уровне. К тому же С. Ниязов обещал с 2009 года поставлять в Китай еще 30 млрд куб. м в год. В соответствии с китайско-туркменским соглашением от 2006 года этот газ пойдет по новому трубопроводу, а обеим сторонам необходимо организовать совместные геологические исследования и разведочное бурение в бассейне Амударьи²². Однако, по всей видимости, в конечном счете масштабы реализации соглашения окажутся намного скромнее.

Узбекистан

Узбекистан расположен в географической сердцевине Центральной Азии и служит основным узлом в ее энергетической и транспортной инфраструктуре. С начала 1990-х годов добыча нефти (7,5 млн т в 2000 г.) в республике удвоилась, что позволило ей освободиться от импорта нефти для производства электроэнергии. Сегодня страна даже экспортирует нефть, правда в небольших количествах. Контролируемая государством компания «Узбекнефтегаз» занимается разведкой и разработкой новых месторождений и добычей остаточной нефти на разрабатываемых и истощенных месторождениях.

Иран

Иран настаивает на равной 20%-й доле акватории Каспийского моря для всех прибрежных государств, что вызывает серьезные возражения у его соседей²³. В 2003 году Россия, Казахстан и Азербайджан выработали единый подход к решению этой проблемы и

²² См.: *Łoskot-Strachota A., Jarosiewicz A.* Gazociągowe plany Chin w Azji Centralnej, Komentarze OSW [http://www.osw.waw.pl/publ/koment/2006/04/060412.htm].

²³ Относительно споров о статусе Каспийского моря см.: *Croissant C.M., Croissant M.P.* The Legal Status of the Caspian Sea: Conflict and Compromise. В кн.: *Oil and Geopolitics in the Caspian Sea Region* / Ed. by M.P. Croissant, B. Aras. Westport: Praeger, 1999. P. 21—42 (см. также: *Hirman K.* Kaspické more stále čaká na svoj štátus // *Trend*, 18 July 2001, No. 29. P. 9.

подписали соответствующие документы. Если принятые ими принципы делимитации границ признает и Туркменистан, то на долю Ирана реально придется лишь 13% акватории моря. И все же, несмотря на эти конфликты, Иран проявляет прагматизм и продолжает наращивать объемы добычи нефти на своих месторождениях. Его цель — к 2010 году увеличить эти показатели с недавнего уровня в 110 тыс. баррелей в день до 1,6 млн баррелей в день.

Россия

Нефтеносные районы в российском секторе Каспийского моря остаются в значительной степени нетронутыми, так как основные интересы нефтяных компаний РФ сосредоточены в других регионах. Однако в 1990-х годах Москва активно отстаивала свою позицию в дипломатических и юридических спорах о правах на месторождения Каспия. С первых дней своего правления президент страны В. Путин стал проявлять больший интерес к их разработке. Несколько соглашений с Казахстаном и (позже) с Азербайджаном открыли путь к дальнейшему росту добычи, поскольку формализовали процедуры делимитации границ по дну Каспийского моря и позволили создавать совместные предприятия.

Важным аспектом энергетической стратегии администрации В. Путина стала мощная поддержка российских компаний, стремящихся восстановить свои позиции и влияние на Южном Кавказе и в Центральной Азии (особенно). Наряду с уже упомянутой выше договоренностью с Туркменистаном «Газпром» подписал соглашения о сотрудничестве в газовом секторе с Таджикистаном и Кыргызстаном, предусматривающие организацию геологоразведки территорий, возможную добычу газа и его закупки «Газпромом». Такое же соглашение подписано и с Казахстаном²⁴.

Через два года, в ноябре 2005-го, «Газпром» подписал соглашение с компанией «КазМунайГаз» о закупке в течение пяти лет всего газа РК, экспортируемого в Россию по трубопроводу Бухара — Урал. Соглашение затрагивает также транзит газа с месторождений Туркменистана и Узбекистана. А в сентябре того же года «Газпром» подписал другой контракт с узбекской компанией «Узтрансгаз», фактически предоставивший ему права на все мощности узбекских транзитных газопроводов, по которым экспортируется газ из Узбекистана и Туркменистана (особенно)²⁵. Поддержка Владимиром Путиным режима президента Узбекистана Ислама Каримова во время волнений в Андижане в 2005 году имела прямые экономические последствия. Как часть стратегического партнерства между Москвой и Ташкентом был подписан контракт с российской компанией «ЛУКОЙЛ» относительно разведки и прав на добычу голубого топлива в Хивинской и Бухарской областях.

Цель «Газпрома» очевидна — получить максимальный контроль над добычей газа на Каспии и над его экспортом в Европу. Направление газовых потоков в Россию — часть этой стратегии, поскольку поставки голубого топлива из республик Центральной Азии освободили бы больше российского голубого топлива для экспорта в Европу. Это ослабило бы давление на «Газпром» с целью заставить его открыть для зарубежного бизнеса доступ к большей доле мощностей по добыче и транспортировке газа в самой России. По мнению некоторых экспертов, в ближайшее время эта цель может быть достигнута благодаря ряду соглашений с Казахстаном, Узбекистаном и ранее подписанному контракту с Туркменистаном. Этим стратегическим подходом

²⁴ См.: *Siekierzyński J.* Gazprom uzyska monopol na rynku dostaw gazu z Azji Centralnej do Europy. Komentarze OSW [<http://www.osw.waw.pl/publ/koment/2005/11/051124b.html>].

²⁵ См.: Там же.

обусловлено весьма активное возражение России против строительства газопровода по дну Каспийского моря, поскольку данная магистраль, проект которой поддерживают США, соединила бы месторождения стран Центральной Азии с Азербайджаном и позволила бы в дальнейшем перекачивать газ на европейские рынки через территорию Грузии и Турции²⁶.

В настоящее время нет признаков того, что в ближайшем будущем что-то сможет серьезно поколебать позиции России как фактического монополиста в транспортировке голубого топлива из Центральной Азии и важной транзитной страны для центральноазиатской нефти. В предстоящие годы правительствам государств региона и компаниям, действующим в их энергетическом секторе, необходимо преодолеть множество препятствий, чтобы увеличить объемы добычи энергоресурсов и обеспечить их безопасную доставку на региональные и мировые рынки, что невозможно без зарубежных инвестиций. В то же время капиталовложения в добычу и транспортировку нефти и газа способны значительно увеличить доходы республик ЦА, содействовать поступлению инвестиций, развитию других секторов экономики. Это позволит государствам региона обеспечить свою финансовую независимость. Однако для решения этих задач руководители данных республик должны создать благоприятный инвестиционный климат, который включает формирование необходимой законодательной и административной среды, дееспособные государственные учреждения, а также персонал с достаточным уровнем образования и профессиональной подготовки. Поэтому необходимо провести еще немало реформ.

В ы в о д ы

1. Добыча энергоресурсов, особенно нефти, в регионе Большого Каспия сопряжена с множеством политических, а также экономических рисков и угроз, связанных с безопасностью, однако представляет большой интерес для международных компаний, инвестирующих в этих целях значительные средства. Регион станет новым поставщиком энергоресурсов, но, скорее всего, масштабы производства будут не настолько велики, чтобы повлиять на мировой уровень цен.
2. Главные препятствия в развитии добычи нефти и газа в регионе — слабость инфраструктуры и непрекращающиеся споры о статусе Каспийского моря.
3. Главным производителем нефти в регионе по-прежнему считается Азербайджан. Однако добыча нефти на его месторождениях в ближайшем будущем достигнет своего пика, и нефтяной бум там продлится относительно короткий период времени. В этом плане у Казахстана больше возможностей, но страна демонстрирует все более жесткий подход к международным нефтяным компаниям.
4. За исключением Туркменистана, где будущее развитие неразрывно связано с природным газом, перспективы добычи и экспорта этого сырья в регионе остаются весьма неясными, поскольку центр тяжести зарубежных инвестиций явно приходится на нефтяной сектор.

---

²⁶ См.: Alexander's Gas & Oil Connections, 5 April 2006 [<http://www.gasandoil.com/goc/news/ntr61472.htm>].

Майкл Д. КЕННЕДИ

Профессор социологии, директор Центра российских и восточноевропейских исследований, директор Центра европейских исследований / Центра Евросоюза Мичиганского университета (Анн-Арбор, США).

Элизабет ИГЕН

Ранее стипендиат Фулбрайтовской программы в Грузии, в настоящий момент готовится к получению степеней магистра российских и восточноевропейских исследований и магистра публичной политики в Мичиганском университете (Анн-Арбор, США).

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ПЕРЕХОДНАЯ КУЛЬТУРА В ГРУЗИИ

*О книге Владимира Папавы
«Некроэкономика: политическая экономия
посткоммунистического капитализма
(опыт Грузии)» —
Нью-Йорк — Линкольн — Шанхай:
изд-во «iUniverse», 2005*

Владимир Папава, в 1994—2000 годах занимавший пост министра экономики Грузии, а сегодня — стипендиат-исследователь Фулбрайтовской программы («Программа взаимного обмена в области обучения и науки») в Школе современных международных исследований при Университете Джонса Хопкинса (SAIS) — из тех аналитиков, кого приятно было бы видеть в своем ближайшем окружении, а может, и в правительстве своей страны. Эрудированный, четко формулирующий мысли, обильно использующий в своей устной и письменной речи живые образы, — он всегда отлично понимает, что именно хочет сказать, и мастерски доносит свои мысли до окружающих. И хотя его работы хорошо известны многим экономистам, новая книга делает его дисциплинарные находки и практический опыт доступными более широкой аудитории ученых и практиков. Это отличное чтение и стимулирующий вызов для концепции «транзитной культуры», предложенной ранее одним из авторов этих строк¹.

Разумеется, в рамках транзитной культуры всячески акцентируется противопоставление социализма и капитализма, идея о полной исчерпанности первого, нормативные и институциональные преимущества второго. В ней также высок статус профессиональных общетеоретических знаний о законах и механизмах рыночной экономики и демократи-

---

¹ См.: *Kennedy M.D. Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.*

ческих политических систем. Обо всем этом В. Папава сообщает много нового и интересного, существенно расширяя общие представления о посткоммунистическом капитализме. Весомый вклад вносит он и в понимание проблем на эмпирическом уровне, рассматривая экономические реформы в Грузии как сами по себе, так и в сравнении с процессами трансформации в Польше. Соединение глубоких теоретических знаний с практическим опытом В. Папавы побуждает читателя переосмыслить важнейшие элементы «базового инструментария» транзитной культуры, особенно в том, что касается понимания конкретной ситуации, в которой протекают переходные процессы.

Транзитная культура не склонна придавать большое значение местным условиям, особенно в лице тех, чьи «экспертные притязания» основываются на хорошем знании теорий и на обобщенных сравнениях. Однако можно предположить, что со временем наиболее эффективными агентами перемен окажутся как раз те, кто знаком не только с общими транснациональными принципами, но и с их модификациями в конкретных условиях. В. Папава как раз и являет собой пример подобного сочетания.

Одна из самых захватывающих глав книги — та, где автор анализирует «ошибки» МВФ. Фонд, отмечает В. Папава, «нередко просто не обращает ни малейшего внимания на историю, культурные традиции и национальные особенности стран, где он действует»². Такая позиция Фонда объясняет, почему на переговорах, проходивших в 1992 году, МВФ мог предложить своим грузинским партнерам возмутительную для них рекомендацию остаться в рублевой зоне. Это предложение шло вразрез с главным стремлением постсоветской Грузии — избавиться от советского, а затем российского имперского влияния. Разумеется, у МВФ могли быть технические и политические резоны, чтобы считать рубль предпочтительнее — и В. Папава сам же обсуждает такие резоны. Но все это лишь подтверждает наличие в транзитной культуре дисбаланса между транснациональной и «локальной» компетентностью.

Критикуя МВФ за нежелание учитывать роль социокультурного контекста, В. Папава тем не менее подчеркивает ведущую роль Фонда и других транснациональных организаций в обеспечении эффективного экономического перехода. И если бы они сумели избежать нынешних ошибок, реформы, без сомнения, были бы более реальными и действенными. Таким образом, у транснациональных игроков есть возможность почерпнуть в книге В. Папавы немало ценного. Однако еще полезнее она может оказаться для их национальных партнеров по транзитной культуре.

В. Папава проявляет и глубочайшее понимание социальной стороны проблемы, показывая, как правительства загоняют себя в двойной тупик, когда приписывают свои непопулярные меры давлению со стороны МВФ. В конце концов, никакое соглашение не заключается, если само правительство не согласно на условия МВФ (В. Папава, правда, оставляет в стороне вопрос о соотношении сил, позволяющем одному из участников навязывать на переговорах свою волю). Перекладывая всю ответственность на МВФ, правительство, во-первых, дискредитирует в глазах общественности разумные рекомендации Фонда, во-вторых, выставляет себя еще более неумелым и неэффективным переговорщиком. Впрочем, правительства порой и правда выглядят за столом переговоров не лучшим образом: автор вспоминает случаи, когда для ведения переговоров Грузии не удавалось сформировать достаточно хорошую команду, в результате МВФ не считался даже с разумными аргументами Тбилиси. В общем, размышления В. Папавы могут помочь правительствам тщательнее взвешивать свои действия как при публичном освещении своих переговоров с транснациональными партнерами, так и при ведении самих переговоров за закрытыми дверями. Его даже можно было бы назвать идеальным помощ-

² *Papava V. Necroeconomics: The Political Economy of Post-Communist Capitalism (Lessons from Georgia). New York, Lincoln, Shanghai: iUniverse, Inc. 2005. P. 144.*

ником в ситуациях, когда необходимо заранее рассчитывать и вероятный резонанс общества на переговоры, и самый их ход.

Вклад В. Папавы в разработку содержательных основ для переговоров на уровне экспертов особенно очевиден, когда он обращается к вопросу о государственных финансах. Рецензенты недостаточно разбираются в этой отрасли экономики, чтобы оценивать аргументы исследователя. Однако трудно отрицать убедительность его аргументов — и рассуждений, и формальных моделей — в пользу того, что путь к «налоговой терапии» для посткоммунистического капитализма лежит на путях некоего лафферовско-кейнсианского синтеза³ и что при рассмотрении государственных финансов на посткоммунистическом этапе к государству следует подходить как к пятому фактору производства. Специалисты смогут почерпнуть из его рассуждений.

В том, что касается его теории экономических агентов, В. Папава демонстрирует помимо собственно экономической компетентности глубокое социологическое мышление. Вся экономическая теория в очень большой степени опирается на исходное представление о *homo economicus*. Однако автор справедливо утверждает, что в условиях посткоммунистического капитализма *homo economicus* как экономический агент не настолько типичен, чтобы на этих представлениях можно было основывать теоретическое описание и конструирование переходного процесса. Даже в моделях экономического поведения нельзя исходить из того простого предположения, что эти агенты мотивированы на стремление к максимизации прибыли для своей компании или своего домохозяйства. Но столь же ошибочно было бы моделировать экономическое поведение, основываясь на представлении о *homo sovieticus*, ибо экономические агенты больше не зависят целиком от государства и не находятся в его полном распоряжении. Сама конфигурация субъектов экономики пребывает в переходном состоянии и сочетает черты обоих типов. И если мы примем его идею о «*homo transformaticus*» («человеке переходном»), то мы сможем существенно усовершенствовать наши теории транзита, прекратив воспринимать экономических агентов на постсоветском пространстве, в частности на пространстве Грузии, как предпринимателей. В. Папава предлагает характеризовать их как «дельцов», что должным образом передает смысловой оттенок ситуации теневой экономики, в которой они действуют.

Эта группа наполняет свои кошельки не на управленческой и социальной деятельности по производству качественных или более дешевых товаров, а на основе использования своих связей. В. Папава приводит поистине громадный список таких примеров. Но для понимания посткоммунистической трансформации важнее другое: если эта элита, *дельцы*, сумеет сохранить влияние, обеспечиваемое положением в социальных сетях, то непонятно, в какой мере даже эффективная реформа способна будет уменьшить масштабы данного сектора. Очевидно, необходимым, хотя и недостаточным условием для успеха здесь является политическая воля, а именно ее и не хватало в последние годы правления Шеварднадзе (о чем свидетельствует и неудача его попытки осуществить Программу экономического развития и сокращения бедности в Грузии в 2003 г.). Труднее ответить на вопрос, чего не хватает правительству, сформированному после «революции роз».

В. Папава отмечает ряд улучшений: МВФ, который прекратил свои программы в Грузии в 2002 году, летом 2004-го вернулся в страну. Революция в Аджарии (6 мая 2004 г.) улучшила отношения этой мятежной провинции с Центром и увеличила налоговые поступления в государственную казну. Введен новый Налоговый кодекс. Начались крупные кампании по борьбе с коррупцией. В. Папава отдает должное новому правительству там, где оно того заслуживает. Но МВФ в своих дифирамбах новому послереволюционному правительству идет еще дальше: «После «революции роз» в ноябре 2003 года правитель-

³ Ibid. P. 108.

ство ускорило переход к открытой рыночной экономике, что особенно наглядно проявилось в реформе Налогового кодекса, импульсе к приватизации и поддержке шагов по улучшению делового климата. К выдающимся успехам следует отнести радикальное улучшение ситуации со сбором налогов. Используя другие термины, Грузия вступила на перспективный путь, ведущий к устойчивому росту и уменьшению бедности»⁴. Позднее Фонд по-прежнему отмечал «впечатляющее улучшение ситуации со сбором налогов, что подкрепляется решительным наступлением на коррупцию»⁵. Однако, по мнению В. Папавы, не все так благозвучно, но мы не всегда это замечаем — отчасти потому, что сегодня МВФ ставит условия и требования не столь жестко, как в 1990-х годах, и критика с его стороны и со стороны Всемирного банка звучит не столь громко и не вызывает столь значительных последствий. Так, в Грузии, вопреки рекомендациям МВФ, поступления в казну от антикоррупционной кампании не проходят через обычный механизм бухгалтерского учета и бюджетного контроля, что создает дополнительные возможности для расходования средств по «усмотрению», в обход всякого парламентского или правительственного контроля. И хотя приватизацию как таковую следует всячески приветствовать, большинство предприятий в рамках программы по ее выполнению были приобретены российскими фирмами, прямо или косвенно связанными с властями РФ. Так что В. Папава выражает беспокойство: не рождаются ли в Тбилиси новая форма власти, действующая на основе дискреционных полномочий, и новая форма внешнего имперского контроля, пусть и осуществляющегося не через органы советской власти, а через российский капитал. Разумеется, все эти геополитические проблемы глубочайшим образом связаны с транзитной культурой. М. Кеннеди, один из авторов этих строк, в последнее время активно пересматривает взгляды на силовой потенциал и на проблематику энергетической безопасности, в 1990-х годах лежавшие в основе тогдашней транзитной культуры⁶, но В. Папава идет в этом направлении намного дальше. Для развития своей аргументации он прибегает к теории формального рынка. Собственно, его термин «некроэкономика» приобретает смысл именно в противопоставлении «витаэкономике»: хотя при той и другой производят товары, но спрос существует лишь в рамках последней, так как «то, что производят в некроэкономике, из-за низкого качества и/или дороговизны не может породить никакого спроса»⁷. Политика государства во многом определяется именно сохранением этой «мертвой зоны», несмотря на отсутствие реального спроса на ее продукцию. В. Папава признает эту реальность политэкономии посткоммунистического капитализма, предлагая новую (новаторскую) экономическую теорию и стратегию вмешательства в национальную экономику. Правда, как соотносятся и взаимодействуют некроэкономика и империализм, остается неясным, а именно в этом, как представляется, и состоит центральный вопрос не только экономической теории, но и практической политики.

Влияет ли на развитие эффективной рыночной экономики Грузии рост принадлежащих здесь России экономических активов и попытки Москвы укрепить контроль над энергетической инфраструктурой Южного Кавказа? Обусловлена ли поддержка Соединенными Штатами трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан одной лишь заинтересованностью Вашингтона в диверсификации поставок энергоресурсов из Каспийского ре-

⁴ International Monetary Fund Press Release No. 05/140, 13 June 2005. Statement by IMF Managing Director Rodrigo de Rato at the Conclusion of His Visit to Georgia [<http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2005/pr05140.htm>].

⁵ International Monetary Fund Press Release No. 05/165, 20 July 2005, «IMF Executive Board Completes Second Review of Georgia's PRGF Arrangement and Approves US\$20.2 Million Disbursement» [<http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2005/pr05165.htm>].

⁶ См.: *Kennedy M.D.* From Transition to Hegemony: Extending the Cultural Politics of Military Alliances and Energy Security. В кн.: *Transnational and National Politics in Postcommunist Europe* / Ed. by Mitchell Orenstein and Steven Bloom (книга на рецензии).

⁷ *Papava V.* Op. cit. P. 32.

гиона или же для США эта магистраль — форма геополитического противостояния России? Грузия очевидным образом находится в самом центре этих стратегических вопросов, но В. Папава — как раз тот человек, который сам постоянно находится в центре обсуждения такого рода экономических и политических проблем⁸. Похоже, что для анализа переходных процессов необходимы помимо анализа некро- и витаэкономики и новый взгляд, позволяющий систематизировать и описывать развитие механизмов рынка и демократии, и новый подход, основывающийся на понимании того, как российские, европейские, американские и транснациональные институты должны использовать сегодня свое влияние, чтобы интегрировать мир в систему лишь победителей, но не побежденных, в систему взаимодополняющей и конкурирующей экономики. Можно поспорить, что В. Папава мостит дорогу именно такому подходу, и его книга — первый том такой теории.

---

⁸ См., например: *Papava V. The Baku — Tbilisi — Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia*. В кн.: *The Baku — Tbilisi — Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West* / Ed. by Frederick Starr and Svante E. Cornell. Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program — A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2005.

ГЕОКУЛЬТУРА**Фарид ШАФИЕВ**

*Советник посольства Азербайджана в Канаде.
Окончил факультеты истории и права
Бакинского государственного университета,
а также Школу государственного управления
имени Кеннеди Гарвардского университета.
На дипломатической службе с 1996 года.
Работал в миссии Азербайджана при ООН в Нью-Йорке,
возглавлял отдел вопросов
международной безопасности МИДа Азербайджана
(Баку, Азербайджан).*

**ЭТНИЧЕСКИЕ МИФЫ И
ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ
НА ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЙ:
АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ****Резюме**

В поисках путей урегулирования конфликта вовлеченные стороны и посредники обычно фокусируют внимание на политических и экономических формулах, которые могли бы помочь в решении основных проблем: территориальное деление, распределение полномочий власти и ресурсов и т.д. Но в случае этнических противостояний различные мифы и предрассудки, как созданные до конфликта, так и возникшие

в его ходе, препятствуют процессу урегулирования, а также уничтожению причин, усугубивших территориальные споры и обостривших проблемы национальных меньшинств. Цель данной статьи — исследование влияния мифов и предубеждений на армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорно-Карабахского региона Азербайджанской Республики. Автор приводит точку зрения обеих конфликтующих сторон на историю

Нагорного Карабаха, на прошлые события, имеющие отношение к разжиганию конфликта, а также рассматривает внутреннюю связь между этнической идентичностью, мифами и армяно-азербайджанским противостоянием. По его мнению, в данном случае без устранения проблем, обусловленных созданными мифами, предрассудками и предубеж-

дениями, невозможно достичь сколь-нибудь долгосрочного мира. Поэтому постепенное взаимодействие двух этнических групп в рамках уже существующих территориально-административных единиц является единственно возможным вариантом достижения всеобъемлющего урегулирования этого многолетнего конфликта.

В м е с т о   в в е д е н и я : история конфликта и посреднических усилий

Современный этап нагорно-карабахского конфликта начался 13 февраля 1988 года, когда армяне Нагорного Карабаха организовали первую демонстрацию с требованием передачи Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) Азербайджана соседнему государству — Армении. Через неделю, 20 февраля, члены Совета народных депутатов НКАО проголосовали за присоединение Нагорно-Карабахского региона к Армении, а уже 24 февраля два молодых азербайджанца были убиты во время противостояния с армянскими демонстрантами вблизи поселка Аскеран (Нагорный Карабах); тем самым был открыт трагический список жертв конфликта. 26—28 февраля в ходе антиармянских выступлений в Сумгаите погибли 26 армян и 6 азербайджанцев. Советская власть сразу же взяла ситуацию под контроль и удерживала ее до ноября — декабря 1988 года. Однако еще в ноябре того же года по Азербайджану распространилась информация о планах армян построить в Топхане, на территории Нагорного Карабаха, богатой природными ресурсами, промышленное предприятие, что вызвало серию демонстраций в столице Азербайджана Баку. По ходу возрастания напряжения 200 тыс. азербайджанцев изгнали из Армении. Власти отреагировали введением комендантского часа. Новый виток насилия пришелся на январь 1990 года, когда азербайджанские беженцы из Армении атаковали бакинских армян и вынудили их покинуть Азербайджан. Это событие пришлось как раз на то время, когда Народный фронт Азербайджана был близок к захвату власти в Баку. Москва направила в Азербайджан войска, и 20 января в результате военных операций против гражданского населения 132 человека было убито. Коммунистическую власть на время восстановили.

После распада Советского Союза (1991 г.) началась полномасштабная война между Арменией и Азербайджаном. Лучше подготовленные армянские вооруженные силы, втянув в борьбу за власть азербайджанцев Нагорного Карабаха, сначала вытеснили их с территории области, а затем захватили и семь районов, расположенных за пределами НКАО. 25—26 февраля 1992 года армянские войска уничтожили азербайджанское поселение Ходжалы, убив 613 его жителей. Армянская сторона заявляет, что произошло это в связи с заговором, организованным азербайджанской оппозицией. В мае 1992 года армянские войска захватили Шушу — город в Нагорном Карабахе, населенный азербайджанцами и имевший стратегическое значение. Азербайджанцам был нанесен серьезный удар. После кратковременных успехов азербайджанской стороны летом 1992 года армяне в 1993 году провели успешную операцию и оккупировали семь районов, прилегающих к Нагорному Карабаху.

В 1993-м Совет Безопасности ООН принял четыре резолюции — №№ 822, 853, 874 и 884, требующие вывода армянских сил с оккупированных территорий Азербайджана.

жана. В мае 1994-го при посредничестве России в столице Кыргызстана Бишкеке была достигнута договоренность о прекращении огня. Несмотря на частые нарушения данного соглашения, Азербайджан и Армения в целом придерживаются заключенного перемирия.

Такова краткая история конфликта, высвечивающая его главные этапы. В период между основными событиями произошло много других трагических эпизодов, эмоционально интерпретируемых армянами и азербайджанцами с диаметрально противоположных позиций и, естественно, с точки зрения личных трагедий беженцев, перемещенных лиц и семей убитых и искалеченных на этой войне. Количество убитых в ходе конфликта эксперты оценивают примерно в 30 тыс. чел.

В Азербайджане насчитывается около 220 тыс. азербайджанских беженцев из Армении и более чем 700 тыс. вынужденных переселенцев; число армянских беженцев из Азербайджана составляет 300 тыс. чел.¹ Эти данные расходятся с оценками Армении: численность армянских беженцев из Азербайджана приближается к 400 тыс. чел., а количество перемещенных лиц азербайджанской национальности составляет лишь 500 тыс. чел.

Посреднические усилия для урегулирования конфликта были предприняты под эгидой Минской группы ОБСЕ под председательством Франции, России и США. Однако, несмотря на их многочисленные предложения, стороны конфликта до сих пор не достигли мирного соглашения.

Главное препятствие на пути разрешения конфликта — диаметрально противоположный подход в вопросе о территориальном статусе Нагорного Карабаха: Армения настаивает на независимости этого региона и отвергает какие-либо предложения о его автономном статусе. В то же время Азербайджан стремится сохранить свою территориальную целостность и также отвергает любые инициативы, которые могут привести к отделению Нагорного Карабаха. Юристы говорят, что в данном случае произошло непримиримое столкновение двух принципов международного права: территориальной целостности и права на самоопределение. Достичь «золотой середины» практически не представляется возможным в силу диаметрально противоположных требований сторон конфликта, хотя иногда они и проявляют определенную гибкость. Так, в 1997 году президент Армении Тер-Петросян был близок к тому, чтобы принять предложения Минской группы о поэтапном урегулировании. В октябре того же года президенты Азербайджана и Армении приняли в Страсбурге соответствующее заявление. Однако в феврале 1998 года под давлением внутренних кругов Армении Тер-Петросян из-за занятой им позиции был вынужден уйти в отставку. В ноябре 1999-го появилась вторая возможность достичь компромисса, но после расстрела в армянском парламенте его спикера и премьер-министра Армении переговорный процесс вновь был сорван. Международные посредники полагают, что был и третий шанс на урегулирование — он возник в ходе переговоров, состоявшихся в апреле 2001 года в Ки-Уэсте (США), однако никакого соглашения, как известно, достигнуто не было. Переговоры между президентами Армении, Робертом Кочаряном, и Азербайджана, Ильхамом Алиевым, проходившие в феврале 2006 года в Рамбуйе (Франция), также воспринимались общественностью с определенной долей надежды, но и они не дали положительных результатов. Тем не менее стороны все же договорились продолжить мирные усилия для достижения окончательного соглашения.

---

¹ Согласно данным «Статистического ежегодника от 2003 года» Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, 304 тыс. армян изгнали из Азербайджана в Армению, а количество изгнанных азербайджанцев из Армении, Нагорного Карабаха и прилегающих районов достигает 894 737 чел. [<http://www.unhcr.ch/cgi-bin/texis/vtx/statistics/opedoc.htm?tbl=STATISTICS&id=42aff7e84>].

Опасный треугольник: этническая идентичность, мифы и конфликт

Правовая проблема, связанная с будущим статусом Нагорного Карабаха, считается главным препятствием в процессе урегулирования. Однако, на наш взгляд, историческая вражда, точнее — воспринимаемые населением исторические обиды, искаженные мифами, также играют очень важную роль, препятствуя разрешению этого противостояния. Народы, которые, как будет показано далее, столетиями уживались друг с другом, ныне вовлечены в процесс взаимной демонизации. Армяно-азербайджанский конфликт — один из самых жестоких и кровавых, не в плане количества убитых, а в смысле интенсивности этнических чисток. Память о трагических событиях истории усугубляется недавними актами массовых убийств и пыток. Азербайджанцы видят себя жертвами агрессии, в результате которой оккупировано 20% территории республики, а 1 млн чел. стали беженцами и вынужденными переселенцами. Армяне же считают азербайджанцев турками (так они их называют на армянском языке), которых они обвиняют в совершении массовых убийств в 1915 году (в ходе Первой мировой войны).

Историки и эксперты с обеих сторон дают различную интерпретацию истории двух народов и самого конфликта. Зарубежные ученые и наблюдатели также вовлечены в пропагандистскую кампанию и зачастую становятся ее жертвами — некоторые сознательно симпатизируют одной из сторон конфликта, другие делают это непреднамеренно, третьи просто запутываются в противоречивой информации, хотя в целом проармянские тексты доминируют в силу мощного и давно уже существующего армянского лобби на Западе.

Конфликт создал целую серию мифов, в том числе связанных с этнической идентичностью, ставшей как навязчивой идеей, так и предметом гордости и ненависти.

На наш взгляд, именно стереотипы этнической идентичности играют заметную роль в конфликтах. Несмотря на большой объем исследований по данному вопросу, определенного согласия по использованию этого термина не достигнуто. «Трудность в определении термина «этничность» состоит в том, что это динамическая концепция, охватывающая субъективные и объективные элементы. Это смесь личного восприятия и внешней реальности, которая и составляет смысл этой концепции. В политической теории «этничность» подразумевает группу людей, имеющую определенную степень связи и солидарности и состоящую из тех, кто осознает (иногда подсознательно), что они имеют общее происхождение и общие интересы. Таким образом, этническая группа — это не просто собрание людей, а осознающий себя коллектив, объединенный (или тесно связанный) совместным опытом и историей»².

Делл Хаймс указывает на субъективные факторы: восприятие, принадлежность и самоидентификация³. В таких регионах, как Кавказ, понятия нации и этничности вызывают массу эмоций и являются предметом споров. По мнению Валерия Тишкова, «именно из-за полиэтничного состава почти всех главных регионов бывшего Советского Союза (за исключением Армении после изгнания азербайджанцев) практически все конфликты и столкновения — социальные или политические (начиная с драки молодежи на дискотеках до столкновений на высшем политическом уровне) — легко приобретают этническую

² *Rupesinghe K. Governance and Conflict Resolution in Multi-Ethnic Societies.* В кн.: *Ethnicity and Power in the Contemporary World* / Ed. by K. Rupesinghe, V. Tishkov. N.Y.: United Nations University Press, 1996 (здесь и далее эта книга цитируется по интернет-изданию по адресу: [<http://www.unu.edu/unupress/unupbooks/uu12ee/uu12ee00.htm#Contents>]).

³ См.: *Hymes D. Linguistic Problems in Defining the Concept of Tribe.* В кн.: *Essays on the Problem of «Tribe»* / Ed. by J. Helm. Washington DC: Washington University Press, 1968.

окраску, тем самым делая имеющиеся противоречия более глубокими, более сложными и трудноразрешимыми»⁴.

В своей удостоенной многих наград международно признанной работе «Современная ненависть: политический символизм в этнических конфликтах»⁵ Стюарт Кауфман подчеркивает, что до XX века люди не идентифицировали себя сербами или хорватами, так как в то время в этом не было никакой необходимости. Но мифы оправдывают враждебность и страх группового истребления, они лежат в основе этой самой враждебности, политики же умело играют на этом, чтобы получить соответствующую поддержку. С. Кауфман отвергает идею, что истинная причина конфликтов на постсоветском пространстве и в Югославии — исторические обиды. Однако этническая вражда может ложно восприниматься как продолжение исторической вражды. С. Кауфман указывает на иные факторы — на роль политической элиты, экономические проблемы и чувство уязвимости, вызванное отсутствием безопасности. Но настоящей причиной конфликта, по его мнению, является «политический символизм» конфликтов. Исследователь считает, что существующие перцепции в отношении соседних этнических групп провоцируют насилие и, как только оно вспыхивает, те самые перцепции оправдывают себя.

«Если вы прочтете армянскую историю, то вам покажется, что турки столетиями только и делали, что уничтожали армян», — пишет Кауфман. Этот миф использовали в оправдание насилия в отношении тюркоязычных азербайджанцев. «Необходимо изменить методы преподавания истории, чтобы они не способствовали появлению враждебных мифов»⁶. А Чарльз Кинг в статье «Мифы ведения этнической войны», опубликованной в журнале «Форин аффэрс», отмечает, что этнические войны были спровоцированы, скорее, «предпринимателями, которые извлекали пользу от насилия и поставок оружия иностранными державами, харизматическими лидерами и большим количеством скучающей молодежи, чем этническими мифами». Он соглашается, что в «некоторых случаях «культурные мифы», о которых Кауфман говорит как о причинах насилия, являются многолетними, как, например, между армянами и азербайджанскими турками. Однако во многих других случаях, — считает Ч. Кинг, — мифы созданы в сравнительно короткий срок, обычно после того, как насилие уже началось»⁷.

Первые столкновения между армянами и азербайджанцами произошли в начале XX века, а в более раннем периоде мы едва ли сможем найти факты вражды между турками и армянами. Исходя из этого, можно сказать, что многие исторические мифы были созданы группой шовинистов и позже успешно использованы общественно-политическими деятелями, особенно в 1987—1988 годах, когда армянские ученые и диссиденты начали «карабахскую кампанию».

Процесс мифологизации имеет эффект мультипликатора и способен воспроизводиться словно цепная реакция. Эта проявляющаяся в конфликтах поведенческая мимикрия, описанная Рене Жираром⁸, препятствует любым попыткам вскрыть правду, постепенно исчезающую под многочисленными покровами сказок и стереотипов. Вопрос о принадлежности земли обостряет вражду между группировками. В случаях, когда территориальный спор вызывает конфликт, вопрос о земле рождает и укрепляет все больше и больше мифов. Земля становится центральным элементом идентичности — она взаимо-

⁴ Цит. по: *Tishkov V.* Ethnic Conflicts in the Context of Social Science Theories. В кн.: *Ethnicity and Power in the Contemporary World* (см. также русское издание работы: *Тишков В.А.* Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч. 1. М., 1992).

⁵ См.: *Kaufman S.* *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War.* Ithaca: Cornell University Press, 2001.

⁶ *Blackford L.B.* UK Teacher Wins Award for Ideas on Peace // *Herald-Leader Education Writer*, 4 December 2002.

⁷ *King Ch.* The Myth of Ethnic Warfare // *Foreign Affairs*, November/December 2001. P. 165—170.

⁸ См.: *The Girard Reader* / Ed. by James Williams, N.Y.: Crossroad, 2000.

действует с другими категориями, порожденными этническим национализмом⁹, несет в себе символ могилы предков (даже если ты являешься новым поселенцем) и религиозных обрядов или источника доходов (даже если эта территория бесплодна).

«Территория рассматривается не только как средство существования, особенно в современных условиях, где рыночная экономика отказывается признать этнические и политические границы. Борьба армян и азербайджанцев за Карабах, желание японцев вернуть северные территории или чувства русских в отношении Крыма проистекают скорее из символического, нежели прагматического интереса. Но эти символы не просто иррациональные мистификации; они способны приобрести реальную силу»¹⁰.

Две самые распространенные причины современных межэтнических и межгосударственных конфликтов — территория и дискриминация меньшинств — «упаковываются» в восприятия, причем зачастую ложные. Валерий Тишков пишет: «Возможно, аспекты поведенческой психологии и социально-психологические механизмы играют более значительную роль, чем традиционно считалось ранее. Мы имеем достаточно свидетельств, чтобы доказать, что группы с приниженным статусом, являющиеся объектами дискриминации со стороны доминирующего окружения, часто выражают страх за свое существование даже тогда, когда объективно демографические, политические или культурные условия не дают повода делать такие выводы. Эта «реакция тревоги» происходит от преувеличенного чувства опасности и приводит к «крайним действиям в ответ даже на слабую опасность» (*Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 383*)...¹¹ В Нагорном Карабахе, к примеру, социальный статус армян был выше на территории анклава, чем статус азербайджанцев внутри и за пределами области (см.: *Yamskov A. Ethnic Conflict in Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // Theory and Society, 1991, Vol. 20, No. 5. P. 631—660*)»¹².

В январе 2003 года в ходе предвыборной кампании президент Армении Роберт Кочарян вскользь упомянул об «этнической несовместимости армян и азербайджанцев», подразумевая многовековую вражду между этими двумя народами. Данное заявление осудил тогдашний генеральный секретарь Совета Европы Вальтер Швиммер. Он, в частности, отметил: «Воспоминания о мрачных страницах европейской истории никогда не будет удачной избирательной стратегией»¹³. Надо сказать, что и в Азербайджане часто звучат радикальные лозунги, например призывы к войне.

Но были ли турки и армяне «этнически несовместимы» в XVIII, XVI или XV веках? История доказывает обратное. Приведем несколько примеров. Средневековый армянский историк Киракос Гандзакети писал о правлении в XI веке тюркского султана из рода Сельджукидов Мелик-шаха, освободившем армянское духовенство от уплаты налогов: «Он покорил вселенную — не столько войной и насилием, сколько любовью и миром»¹⁴. Шах Исмаил Хатаи, вождь одного из тюркоязычных кызылбашских племен и основатель династии Севефидов, правившей Азербайджаном, Ираном и Афганистаном в XVI—XVIII веках, предоставил армянским купцам исключительное право на торговлю шелком. В азербайджанском фольклоре мы найдем поэму «Асли и Керим», рассказывающую о любви тюркского юноши и армянской девушки. Известный армянский поэт Саят-Нова писал свои стихи и на тюркском языке¹⁵.

⁹ См.: *Redekop V.N. From Violence to Blessing. How an Understanding of Deep-Rooted Conflict Can Open Paths to Reconciliation. Ottawa: Novalis, 2002.*

¹⁰ *Tishkov V. Op. cit.*

¹¹ *Ibidem.*

¹² *Ibidem.*

¹³ Council of Europe Press Information, 30 January 2003.

¹⁴ *Гандзакети К. История Армении. М.: Наука, 1991. С. 89.*

¹⁵ Много подобных примеров можно извлечь из докторской диссертации азербайджанского историка Сулеймана Мамедова «Дружба между азербайджанским и армянским народами», написанной в 1985 году. Годом ранее армянский писатель Зори Балаян написал печально известную книгу «Очаг», в которой

Сегодня бесполезно представлять эти или иные факты общественности враждующих стран. Ученые соревнуются в написании истории «самого древнего народа» на Кавказе, а также «самого дикого и жестокого», и эмоции, покалеченные конфликтом и потерями, затмевают научные рассуждения. Идеология поддерживает и обостряет этническую вражду, а также чувство превосходства одной группы над другой. Люди обрели способность к «выборочной памяти», когда насилие, совершенное противоборствующей стороной, становится предметом ненависти, в то время как забывается содеянное соотечественниками. События, противоречащие «общей картине», удаляются в «мертвую зону» коллективной памяти.

В своей книге «Черный сад» Том де Ваал представил много примеров дружеского взаимодействия двух этнических групп как до, так и во время противостояния¹⁶. Он приходит к выводу, что армяне и азербайджанцы жили мирно до конфликта, развязанного группой националистов, многие из которых были представителями диаспоры, никогда не жившими в Нагорном Карабахе, а затем процесс борьбы дирижировали внешние силы. Национализм «крови и почвы» (критерии принадлежности к нации), создавший «повести о ненависти», стал современным явлением. Далее де Ваал указывает, что армяно-азербайджанский конфликт не может быть рассмотрен только в рамках политических или социально-экономических проблем. История и этническая идентичность, вернее — ложные и опасные идеи, касающиеся исторического прошлого и этнической идентичности, сыграли намного более важную роль. Он пишет: «...смысл конфликта в Нагорном Карабахе станет яснее только в том случае, если мы признаем, что действия сотен тысяч армян и азербайджанцев подогрелись глубоко укоренившимися идеями относительно истории, идентичности и прав»¹⁷.

К схожему заключению приходит и С. Кауфман. Причиной конфликта и последовавшей войны стали отнюдь не экономические проблемы (армяне отказались от экономических выгод, предложенных советским руководством в начале противостояния), не чувство опасности (СССР был стабильным государством). «Предрассудки, страх, комплекс враждебных мифов-символов могут создать почву для соперничества и проблему межэтнической безопасности»¹⁸. Армянская этническая идентичность (с акцентом на своей древней истории и мифах о геноциде) столкнулась с азербайджанской, сфокусировавшейся на своей территории и государственности. «Ситуация стала трудноуправляемой не из-за того, что существовали этнические меньшинства, даже не в связи с тем, что на протяжении своего исторического развития оба народа пережили много трагических событий, а потому, что исторические мифы и враждебное отношение привели к столкновению взаимоисключающих политических целей»¹⁹.

Восприятие конфликта армянами и азербайджанцами

В этой главе мы проиллюстрируем, как армяне и азербайджанцы воспринимают историю Нагорного Карабаха и произошедшие события. В таблице даны две версии, представленные исследователями с обеих сторон²⁰.

полно антитурецких высказываний. Автор этой книги считается в Азербайджане основным идеологом карабахского движения. Ирония состоит в том, что фамилия «Балаян» имеет тюркское происхождение: «бала» — сын.

¹⁶ См.: *Де Ваал Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: изд-во «Текст», 2005.

¹⁷ Там же. С. 361.

¹⁸ *Kaufman S.* Op. cit. P. 82—83.

¹⁹ *Ibid.* P. 206.

²⁰ Мы пропускаем многочисленные ссылки на такие исследования. Указанные версии можно найти на различных Интернет-сайтах, в официальных заявлениях и книгах.

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ВЕРСИЯ
Древняя история Карабаха	
Карабах (арм. Арцах) был частью Великой Армении и армяне издревле жили на данной территории. Великая Армения включала в себя значительную часть Кавказа, Турции и Ирана.	Карабах был частью Кавказской Албании с самого начала его существования — с IV века до н.э. до VIII века н.э.
Средневековая история Карабаха	
В Средние века армяне жили в Карабахе и образовали несколько маленьких феодальных княжеств — меликств. Кавказская Албания не владела Карабахом. Армяне Карабаха воевали против арабов и тюрков-сельджуков, и им удалось сохранить полунезависимость.	Карабах был населен и управлялся кавказскими албанами, которые постепенно арменизировались после захвата арабами в VII веке н.э. Этот процесс пошел более интенсивно после того, как албанский католикосат был подчинен армянской церкви (Эчмиадзину) в 1836 году.
Создание Карабахского ханства	
Некоему Панах-Али удалось захватить главную крепость в Карабахе и провозгласить себя ханом. Затем его сын Ибрагим, воспользовавшийся междоусобной борьбой армянских меликов, подчинил себе весь Карабах.	Карабахское ханство было основано в 1747 году как независимое владение азербайджанского тюрка Панах Али-хана из династии Джаванширов (1693—1761 гг.).
Захват Россией Южного Кавказа, включая Карабах <i>(В результате русско-персидских войн (начало XIX в.) Азербайджан был поделен между Россией и Ираном, Россия осуществляла контроль над всем Южным Кавказом)</i>	
Переселение армян не оказало существенного влияния на демографический состав Карабаха. Что касается азербайджанских тюрков, то они пришли на Кавказ относительно недавно (после XIII в.). Они появились в Нагорном Карабахе в последней трети XVIII века и составляли не более 3—4% населения, вплоть до включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджана (1921 г.). Этнический термин «азербайджанцы» появился только в 1930-х годах. До этого русские называли их «кавказскими татарами» или «тюрками».	Азербайджанцы считают, что все их проблемы и беды начались с захвата Россией их территории. Ее царь приказал переселить на Кавказ, в частности, в Азербайджан, армян из Ирана и Османской империи. В письмах известного русского поэта и дипломата Александра Грибоедова содержатся ссылки на данную политику переселения. В соответствии с российской переписью, в начале XX века азербайджанцы составляли 43% населения Еревана — нынешней столицы Армении. В 1978 году армяне воздвигли в Нагорном Карабахе монумент, посвященный 150-летию переселения армян в регион. Соответствующую надпись на монументе стерли после начала конфликта.

Продолжение

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ВЕРСИЯ
<p>Карабах в 1918—1920 годах <i>(После падения Российской империи в 1917 году на Южном Кавказе появились три новые республики: Азербайджан, Армения и Грузия)</i></p>	
<p>В данный период Нагорный Карабах воевал за воссоединение с Арменией, и в 1919 году Народное собрание Нагорного Карабаха подписало соглашение с Азербайджаном, по которому стороны согласились, что вопрос статуса региона будет решен на Парижской мирной конференции. До проведения конференции армяне согласились временно подчиняться властям Азербайджана.</p>	<p>В 1918—1920 годах Нагорный Карабах был частью Азербайджана, и армяне развязали войну с целью захвата этой и некоторых других азербайджанских территорий. В 1919 году Народное собрание Нагорного Карабаха признало верховную власть Азербайджана. 12 января 1920 года на Парижской мирной конференции Верховный совет стран АНТАНТЫ де-факто признал независимость Азербайджана.</p>
<p>События марта 1918 года</p>	
<p>В Баку армяне находились под угрозой опасности и убийства совершались обеими сторонами.</p>	<p>В марте 1918 года под большевистскими лозунгами армянские националистические группировки убили тысячи азербайджанцев в Баку и в других регионах Азербайджана.</p>
<p>Нагорный Карабах и Лига Наций</p>	
<p>Лига Наций отказалась признать независимость Азербайджана из-за территориальных притязаний последнего на населенный армянами Восточный Кавказ, включая, в частности, и Нагорный Карабах, а также в силу отсутствия эффективного контроля над своей предполагаемой территорией и обеспечения легитимации границ этой территории.</p>	<p>В апреле 1920 года Азербайджан был захвачен Красной Армией. Ко времени представления заявки в Лигу Наций (ноябрь 1920 г.) Азербайджан перестал быть независимым государством. Лига Наций также отказалась признать Армению в качестве государства с определенными территориальными границами и в декабре 1920 года не приняла ее заявки о приеме (в ноябре Армения также была захвачена Красной Армией).</p>
<p>Вопрос Нагорного Карабаха после советизации Кавказа в 1921—1923 годах</p>	
<p>После прихода коммунистов на Южный Кавказ в 1921 году И. Сталин отдал Нагорный Карабах Азербайджану. Это решение было направлено на умиротворение Турции и ее лидера Ататюрка. Кроме того, Азербайджан получил Нахчыван.</p>	<p>Решение от 5 июля 1921 года «оставить» (а не «передать») Нагорный Карабах в пределах Азербайджана было принято не единолично И. Сталиным, а коллективно Кавказским Бюро Российской Коммунистической Партии, членами которого среди</p>

Продолжение

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ВЕРСИЯ
	прочих являлись лишь два азербайджанца, несколько армян, а также представители других национальностей. В то же время большую часть территории Азербайджана — Зангезур — передали Армении.
Нагорный Карабах в советский период	
В течение всего советского периода Нагорный Карабах был объектом дискриминации и численность его населения уменьшалась, а азербайджанского увеличивалась.	Экономическая ситуация в Нагорном Карабахе была лучше, чем в среднем в Азербайджане. В то время как армяне имели автономный статус в Азербайджане, азербайджанцы в Армении, в частности в Зангезуре, не имели никакого статуса.
Начало конфликта (1988 г.)	
Армяне начали мирные демонстрации и обратились к Москве с просьбой о передаче Нагорного Карабаха Армении, на что азербайджанцы ответили насилием.	24 февраля были убиты два молодых азербайджанца, они стали первыми жертвами конфликта. Армяне были вооружены и хорошо подготовлены к войне еще до начала конфликта.
Сумгаитские события 1988 года	
Насилие в Сумгаите было ответом азербайджанцев на армянскую петицию и показало отношение азербайджанцев к армянам. После сумгаитских событий армяне почувствовали себя свободными от власти азербайджанцев.	Насилие в Сумгаите произошло на низовом уровне и было вызвано притоком азербайджанских беженцев из Армении. За несколько дней до этих событий в городе появились представители армянских и зарубежных телекомпаний, чтобы в дальнейшем сообщить о погромах. Многие богатые армяне покинули город заблаговременно. Среди преступников, убивавших армян, был трижды судимый уголовник Эдуард Григорян — армянин по национальности, убивший пять соотечественников.
Исход армянского и азербайджанского населения	
В 1988—1991 годах около 300 тыс. армян было изгнано из Азербайджана. Их исход сопровождался убийствами в Баку и Гяндже.	Около 200 тыс. азербайджанцев были изгнаны из Армении. Исход сопровождался убийствами в Гукарке и в других населенных пунктах.
Землетрясение в Армении в 1988 году	
Армяне не могут припомнить такого случая, чтобы азербайджанский	Азербайджан направил команду спасателей, но самолет, перевозивший

Продолжение

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ВЕРСИЯ
самолет перевозил спасателей. Напротив, они утверждают, что азербайджанцы пытались извлечь выгоду из ситуации, сложившейся после землетрясения.	их, разбился вблизи Еревана. Армянские навигаторы намеренно ввели в заблуждение экипаж самолета.
Операция «Кольцо»	
В апреле 1991 года отряды полиции специального назначения Азербайджана и СССР провели так называемую операцию «Кольцо», вытеснив армянское население из Чайкенда и других азербайджанских сел.	Армянские бандформирования терроризировали азербайджанское население и совершали рейды, в результате которых погибли 54 азербайджанца. В ответ на эти вылазки правоохранительные органы осуществили операцию по взятию под контроль Чайкенда и других населенных пунктов.
Распад СССР и Нагорный Карабах	
В 1991 году Нагорный Карабах провел референдум и объявил независимость. Этот регион имел право на отделение согласно закону СССР от марта 1991 года о процедуре выхода советских республик, который предусматривал, что в случае, если союзная республика пожелает выйти из СССР, автономная республика или автономная область могут отделиться от этой республики.	Референдум в Карабахе был незаконным, проведен в условиях вооруженного конфликта и отсутствия азербайджанского населения. Азербайджан обрел независимость после распада СССР и никогда не использовал закон СССР от марта 1991 года о выходе из состава СССР. Поэтому упоминание указанного закона неуместно. В соответствующих резолюциях Совет Безопасности ООН подтвердил суверенитет Азербайджана над Карабахом.
Военные действия 1992—1993 годов	
Армяне вынуждены были создать буферную зону для обеспечения безопасности армянского населения от азербайджанских вооруженных сил.	Армяне начали этнические чистки в Нагорном Карабахе и далее — в семи прилегающих районах, воспользовавшись внутренней нестабильностью в Азербайджане.
Падение Шуши	
Шуша была стратегически важным городом, откуда азербайджанские вооруженные силы обстреливали окружающие районы и села.	В то время как при посредничестве президента Ирана лидеры Азербайджана и Армении проводили переговоры в Тегеране, армянские вооруженные силы штурмовали и захватили Шушу.
Падение Ходжалы	
Ходжалинские события — результат заговора азербайджанской оппозиции	Ходжалинские события — геноцид, совершенный с целью запугать

Продолжение

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ВЕРСИЯ
с целью свержения тогдашнего президента республики Аяза Муталибова (1990—1992 гг.). Армяне оставили коридор, чтобы позволить азербайджанцам бежать из Ходжалы. В поддержку своих утверждений армяне цитируют Муталибова: «Стрельба в Ходжалы была организована с целью захвата контроля в Азербайджане».	азербайджанцев. Азербайджанцы цитируют письмо исполнительного директора правозащитной организации «Хьюман райтс уотч» министру иностранных дел Армении: «Мы считаем, что армянские силы Карабаха несут ответственность за смерть гражданских лиц. Ни в нашем докладе, ни в докладе организации «Мемориал» нет никаких свидетельств того, что азербайджанские силы препятствовали бегству азербайджанского гражданского населения или обстреливали его».
Армянский терроризм	
Акты, совершенные отдельными армянами, не следует связывать с армянским правительством. Азербайджанцы также взрывали трубопроводы в Грузии, поставляющие газ в Армению.	В 1988—1995 годах армянские террористы совершили множество актов террора в Азербайджане, в частности на общественном транспорте, в результате которых 2 тыс. чел. погибли или получили ранения. Армения на государственном уровне поддерживала терроризм.
Использование наемников	
Для войны с армянами Азербайджан набирал моджахедов из Афганистана.	Армения использовала армянскую террористическую сеть на Ближнем Востоке, в частности в Ливане и Сирии.
Поддержка России и ее роль в конфликте	
Армения одержала победу в военной кампании 1992—1993 годов, потому что ее силы были лучше подготовлены и сплочены.	Россия щедро снабдила Армению вооружением и боеприпасами. В 1997 году депутат российского парламента Лев Рохлин вскрыл факты снабжения Армении российским вооружением на сумму, составляющую 1 млрд долл.
Блокада	
Азербайджан установил блокаду Армении. У Армении очень ограниченный доступ к мировым транспортным артериям, и она страдает от этого экономически.	Армения взяла в блокаду азербайджанский анклав Нахчыван. У Армении есть выход на Иран и Грузию.
Разрушения культурных памятников	
Азербайджанцы разрушили армянские церкви и кладбища, включая старое	На оккупированных территориях Азербайджана армяне разрушили и

Продолжение

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ВЕРСИЯ
армянское кладбище в Джульфе (Нахчыван).	ограбили множество музеев, мечетей и кладбищ.
Армянские поселения на оккупированных территориях	
Новые армянские поселенцы в Карабахе — беженцы из Азербайджана.	Армения осуществляет политику массового переселения на оккупированные азербайджанские территории с целью изменить в будущем демографический состав региона.

Как видим, по всем вопросам, касающимся прошедших событий, обе стороны имеют диаметрально противоположное мнение, хотя было сделано несколько попыток привлечь их для создания единой версии. Так, несколько международных неправительственных организаций проводили психологические тренинги, которые позволили бы сторонам выразить свои обиды и эмоции, с тем чтобы далее найти общий знаменатель²¹.

Несколько лет назад посольства Великобритании в Азербайджане и Армении спонсировали создание двух интернет-сайтов, на которых эксперты обеих стран поместили свои версии истории конфликта, а также предложения по экономическому взаимодействию. В январе 2006 года «Ресурсы примирения» (вновь инициатива Лондона) совместно с еще четырьмя организациями опубликовала книгу «Пределы возможностей лидеров: элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе»²², в которой представлены идеи и перспективы обеих сторон и международных экспертов.

Однако историки и другие специалисты двух конфликтующих стран продолжают нападки друг на друга. Азербайджан полон военной риторики об использовании силы для освобождения своих оккупированных территорий. Армения и ее сильная диаспора продолжают следовать политике подрыва азербайджанской этничности и государственности.

Необходимая формула мира для преодоления ненависти

По мнению посредников и экспертов, в 2006 году появились хорошие шансы для урегулирования конфликта, так как ни в Армении, ни в Азербайджане не было таких политических событий, как избирательные кампании. Этот факт свидетельствует, что, когда стремишься к миру, легче договориться с лидерами, нежели с общественностью двух стран, отравленной взаимной ненавистью. (Усилия вовлечь гражданские общества этих стран были до сих пор ограничены и безуспешны.) Отметим, что даже не было сделано никаких попыток вовлечь в этот процесс ученых обеих государств — тех, кто пишет историю стран и конфликта.

²¹ Информацию об инициативах НПО см.: *Hasanov A., Ishkanian A. Bridging Divides: Civil Society Peacebuilding Initiatives*. В кн.: *The Limits of Leadership: Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process* / Ed. by L. Broers. Accord series 17, 2005.

²² Интернет-версия [<http://www.c-r.org/accord/nk/accord17/index.shtml>].

Геополитические проблемы и интересы региональных держав также играют значительную роль в процессе урегулирования конфликта. Посредники ОБСЕ (Франция, Россия и США) в основном работают над объединением двух подходов — пакетного и поэтапного урегулирования, сфокусировавшись на будущем статусе Нагорно-Карабахского региона Азербайджана. И в этом вопросе важны геополитика и международные перспективы. Суть их такова. Посредники ОБСЕ недавно предложили отложить вопрос о статусе и урегулировать другие проблемы: возвращение беженцев, открытие коммуникаций и т.д. Международные организации — Совет Европы и Парламентская ассамблея ОБСЕ, исходя из европейского опыта, предложили формулу об автономном статусе для Нагорного Карабаха.

Но в целом Запад склоняется к предложению о самоопределении Нагорного Карабаха путем референдума в обмен на возвращение под контроль Баку оккупированных азербайджанских территорий за пределами Нагорного Карабаха. Ранее упомянутые нами западные эксперты де Ваал и Чарльз Кинг эту идею поддерживают, одновременно предлагая поэтапный подход к процессу урегулирования.

Запад поддерживает окончательное самоопределение Нагорного Карабаха, вместе с тем отвергая сепаратистские устремления на других территориях бывшего СССР: в Приднестровье (Молдова) и в Южной Осетии и Абхазии (Грузия). Случайно ли то, что западные эксперты симпатизируют христианскому населению в Дарфуре, в Нагорном Карабахе и отвергают турок-киприотов? В глазах западной прессы Косово (с его смешанным христианско-мусульманским албанским населением) представляет собой особый случай и носит нерелигиозный характер. Однако обычная западная газета описывает армяно-азербайджанское противостояние как конфликт между населенным мусульманами Азербайджаном и христианами-армянами Нагорно-карабахским анклавом. Запад сам страдает от предубеждения относительно того, что такой конфликт, как в Нагорном Карабахе, имеет религиозный характер. Эта ситуация лишь добавляет обиды в Азербайджане и в некоторых других странах, где население сомневается в беспристрастности западных экспертов и средств массовой информации. (Но данная статья не о противостоянии христианской и мусульманской цивилизации.)

Очевидно, возникает вопрос: если такая ненависть проникла глубоко в армянское и азербайджанское общество, не легче ли будет в качестве решения выбрать разделение? История доказывает обратное — только формула сотрудничества, нацеленная на взаимодействие, может обеспечить прочный мир, невзирая на то, сколь тяжело этот процесс будет развиваться. После двух кровавых войн государства Европы урегулировали свои территориальные споры, основываясь на формуле «автономии», которая была укреплена зонтичной структурой общеевропейского политического и экономического союза. Новые члены ЕС Румыния и Венгрия были вынуждены урегулировать спор между ними в пределах уже существующих границ на основе самоуправления. Один из самых жестоких европейских конфликтов периода после «холодной войны» в Боснии также урегулирован на основе сохранения полиэтнической структуры государства. И ныне, несмотря на проблемы и тяжелые воспоминания, Босния постепенно восстанавливается.

Однако по Карабаху Запад предлагает иное. К чему же приведет разделение? Во-первых, отделение Нагорного Карабаха узаконит результат военной операции. Кроме того, что такое решение морально порочно, оно будет подразумевать, что данный и другие конфликты можно будет решать военным путем. Более того, такое решение не обеспечит безопасности Шуши и других азербайджанских населенных пунктов Нагорного Карабаха. Сохранение же Нагорного Карабаха в составе Азербайджана (с широким автономным статусом) побудит Баку обеспечить безопасность армянскому населению, с тем чтобы обеспечить безопасность карабахских азербайджанцев под местной властью армян Карабаха.

Сегодня трудно представить сосуществование армян и азербайджанцев. Но после межэтнических столкновений (1905—1920 гг.) два народа жили мирно под властью Сове-

тов. Армяно-азербайджанские браки были распространенным явлением. Конечно, эти народы были вынуждены жить под тоталитарным игом. Однако ныне такие структуры, как ЕС, могут дать стимулы получше.

Если мы будем следовать формуле разделения как пути урегулирования межэтнических проблем, то через несколько десятилетий государства станут моноэтническими. Можем ли мы представить Европу, границы в которой проведены по этническим контурам? Конечно нет. Зачем же мы тогда должны рекомендовать иное для остальных регионов мира? После деколонизации Африки появление на ее территории множества государств не стало решением проблем; не решит их и создание новых стран. Однако все еще гуляет миф о том, что формирование новых государств поможет решить проблемы, которые народы имеют при нынешней политической структуре. Экономические трудности, отсутствие демократии и правильного управления, несомненно, влияют на межэтническую напряженность, разделяя международное сообщество. Но отнюдь не эти факторы, а этнические мифы и предрассудки бьют в самое сердце глобализации.

В «Повестке дня для мира» Генеральный секретарь ООН (1992 г.) четко заявил: «Если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность и экономическое благополучие станут еще более труднодостижимой целью»²³. В Карабахе мы имеем дело с этнической группой, которая уже приобрела международную идентичность — государство Армению. Армянские официальные лица и сепаратисты в Карабахе неоднократно признавали, что их окончательная цель — объединение Армении и Нагорного Карабаха.

В то время, когда идут поиски наилучшей формулы по распределению власти, международные организации и НПО должны удвоить свою деятельность в посреднических усилиях по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта, с тем чтобы быть услышанными гражданским обществом (даже несмотря на факт его слабости на Южном Кавказе), СМИ и академическими кругами обеих сторон. С. Кауфман считает, что программа по построению мира должна быть нацелена на преодоление стереотипов, предрассудков и этнической пропаганды. До тех пор, пока это не станет центральным сегментом программы мира, стратегия по урегулированию не будет успешной²⁴.

Вместо того чтобы способствовать урегулированию, армянская диаспора, особенно в западных странах, продолжает играть деструктивную и экстремистскую роль. Члены общин также должны быть вовлечены в инициативы по построению мира. К сожалению, местные политики, в государствах Запада особенно, озабоченные поддержкой избирателей, лишь усиливают напряженность, потакая радикальным лозунгам некоторых организаций диаспоры.

Как только между двумя нациями возникнет определенная степень доверия и начнется взаимодействие, будет легче достигнуть окончательного урегулирования. Поэтапный подход способствовал бы преодолению этнической ненависти, смягчению мифов и освобождению от предрассудков. Азербайджанцы и армяне, связанные региональными и территориальными узами, достигнут мира быстрее, нежели будучи разделенными и враждующими из-за клочка земли. Решение лежит в сосуществовании и сотрудничестве между Арменией и Азербайджаном, а также между карабахскими армянами и карабахскими азербайджанцами.

---

²³ UN Secretary-General Report «Agenda for Peace», 1992. UN Document A/47/277 — S/24111, paragraph 17.

²⁴ См.: Kaufman S. Op. cit. P. 42—43.

Фуад АЛИЕВ

*Аспирант Научно-исследовательского института экономических реформ
при Министерстве экономического развития
Азербайджанской республики
(Баку, Азербайджан).*

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ПРОЦЕСС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

Резюме

В статье рассматриваются процесс исламского возрождения в Азербайджане, его особенности, основные акторы и потенциальные тенденции развития религиозной ситуации. Предлагаются возможные акты государственной политики в ответ на вызовы времени. По мнению автора, у республики есть гипотетический шанс

использования государством религии для улучшения социально-экономической ситуации в стране, обладающей уникальной возможностью формирования новой модели сочетания секуляризма с возрождающимся исламом. А его восприятие обществом еще не находится под существенным влиянием радикальных идеологий.

Введение

После краха официальной идеологии атеизма и коммунистической системы ценностей религия начала возрождаться «из пепла» и играть важную роль в политической, экономической и социально-культурной жизни общества практически во всех постсоветских государствах. Отличный пример такого возрождения — ситуация в республиках бывшего СССР, в которых большинство составляет мусульманское население. Значительно возросло количество людей, посещающих мечети и участвующих в религиозных церемониях; религия превратилась в предмет острых дискуссий в СМИ и научных кругах, а также стала темой социально-политических дебатов¹.

В мусульманских регионах посткоммунистический переходный период в целом отличается активизацией различных религиозных групп и движений (кстати, не только исламских). Тысячи зарубежных миссионеров и проповедников с туго набитыми кошельками — вкупе с местными «борцами за веру» — всерьез намеревались изменить сложившиеся понятия и традиции религии, соответственно и образ жизни людей.

Многие черты постсоветского ислама были характерны и для других мусульманских стран, пытавшихся создать в первые годы своей независимости от колониального прав-

¹ Об этом подробнее см.: *Aliyev F. Crisis of Ethics under the Post-Communist Transition: Case of Political Economy of Azerbaijan. Compendium of the Conference «Caspian Sea: Relations and Cooperation».* Mazandaran, Iran, October 2003.

ления новые политические институты, в то время как последние тенденции и события в исламском мире повлияли и на мусульманские нации СНГ².

Азербайджан, будучи страной с шиитским большинством и суннитским меньшинством (тем не менее довольно многочисленным), а также с различными христианскими конфессиями и последователями иудаизма, мог бы стать моделью мирного сосуществования и сотрудничества религий. Более того, подобный исторический прецедент уже имеется: Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) 1918—1920 годов в свое время стала пионером в деле сочетания демократии и мусульманства. Поэтому есть все основания утверждать, что Азербайджан имеет определенные религиозно-демократические традиции, которые необходимо возродить.

Ислам в советском Азербайджане

После падения АДР (1920 г.) и захвата власти большевиками тогда еще слабая советская власть не подавляла мусульманское духовенство и национальную интеллигенцию, а пыталась наладить отношения с ними. Эта власть признавала право азербайджанцев на национальную идентичность, которая включала и ислам как один из компонентов³. В то же время советский режим стремился ослабить эту составляющую, продвигая азербайджанское национальное самосознание в качестве замены идентификации с исламской *уммой*.

Советскую политику по отношению к мусульманству можно разделить на несколько стадий. Как отмечает Т. Светоховский⁴, вначале государство не выходило за рамки акций под лозунгом всеобщей модернизации, включавшей экспроприацию *вакфов* (благотворительных фондов), запрет исламских гражданских судов, школ и публичных религиозных церемоний, закрытие мечетей и принуждение женщин отказаться от покрытия головы.

Настоящая борьба против ислама (как и других религий) началась в конце 1920-х годов. Смена алфавита с арабского на латиницу, затем на кириллицу быстро ослабила влияние духовенства, мусульманских интеллектуалов, а также религиозной литературы на народные массы. Новое законодательство запрещало многие обычаи, распространенные в то время среди населения и имевшие отношение (прямое или косвенное) к религии, установив суровое наказание за их соблюдение. Массовое закрытие мечетей началось в тот же период, продолжившись в 1930-х годах. Многие представители духовенства были обвинены в панисламизме, арестованы, депортированы или казнены.

Начался период серьезной угрозы судьбе ислама в Азербайджане. Тем не менее вера, имевшая к тому времени достаточно глубокие корни, смогла выжить. В этой связи Т. Светоховский отмечает: «С его больше не соблюдаемыми публично ритуалами, ислам был приватизирован, ограничен рамками семьи — самого консервативного института в Азербайджане... В советский период наблюдалось возрождение традиции *тагийя* — отступничества от веры под угрозой — на ее исторической родине»⁵.

Это давление ослабло в годы Второй мировой войны, когда советское правительство постаралось мобилизовать все силы для объединения людей перед лицом иностранной интервенции. В результате, несмотря на идеологию воинствующего атеизма, было

² См.: Ro'i Y. Islam in the CIS: A Threat to Stability? // Central Asian and Caucasian Prospects, RIIA 2001.

³ См.: Swietochowski T. Azerbaijan: the Hidden Faces of Islam // World Policy Journal, Fall 2002, Vol. XIX, No. 3.

⁴ См.: Ibidem.

⁵ Ibid. P. 72.

разрешено функционирование официальных «независимых» мусульманских религиозных структур: Духовного управления мусульман европейской и сибирской части СССР (с центром в Уфе, Башкирская АССР); Духовного управления мусульман Северного Кавказа (в Буйнакске, затем в Махачкале, Дагестан); Духовного управления мусульман Закавказья (Баку, Азербайджан). Перечисленные образования не выступали против советской власти, даже пытались найти схожие черты между коммунистической идеологией и такими исламскими ценностями, как равенство, свобода вероисповедания, право на безопасный труд, право на обладание землей теми, кто ее возделывает, и пр., которые большевики декларировали после Октябрьской революции⁶.

Закавказская мусульманская элита действовала в условиях, существенно отличавшихся от ситуации в остальных советских республиках, большинство населения которых составляли мусульмане. Бакинское духовное управление состояло из азербайджанцев и работало с азербайджанскими общинами в Армении (до того как они подверглись массовым убийствам и депортации), в Грузии (где большинство мусульман также являлось этническими азербайджанцами) и в Дагестане.

До обретения независимости в Азербайджане было зарегистрировано 54 объекта «религиозного культа», включая 11 шиитских, 2 суннитские и 2 смешанные мечети. Да и число образованных духовных лиц было невелико. Фактически в стране не было ученых в области ислама, получивших образование в известных зарубежных центрах.

Ислам в постсоветском Азербайджане

Развал СССР значительно ускорил процесс исламского возрождения в бывших атеистических республиках. Самоидентификация многих слоев населения с исламом, не типичная для конца советского периода, может служить индикатором определенной реисламизации общества⁷. Этот процесс может обладать политическими импликациями в силу ухудшения социально-экономической ситуации и разочарования в светских, но коррумпированных и недемократических режимах.

В Азербайджане смешение религиозных и национальных обычаев с идентичностью — распространенное явление, так как в восприятии многих граждан страны понятие «мусульманин» совпадает с понятием «азербайджанец»⁸. Как показывают некоторые исследования, отдельные обычаи, выдаваемые за исламские, весьма часто являются просто местными обычаями, «предшествующими или противоречащими исламу», то есть народные и исламские обычаи смешаны. Это позволяет определить этнос, регионализм, язык и ислам как основные источники национального самосознания⁹.

Согласно Р. Мотике, в первой декаде переходного периода от 4% до 6% населения могли бы называться активными верующими, что означает факт их следования правилам поведения в соответствии с исламом; 87—92% считали себя мусульманами, но следовали лишь части (как правило, очень малой) религиозных предписаний; всего 3% называли себя атеистами¹⁰.

⁶ См.: *Saroyan M.* Minorities, Mullahs, and Modernity: Reshaping Community in the Former Soviet Union. Berkeley: University of California, 1997.

⁷ См.: *Ro'i Y.* Op. cit.

⁸ См.: *Motika R.* Islam in Post-Soviet Azerbaijan. Archives De Sciences Sociales Des Religions [http://www.ehess.fr/centres/ceifr/assr/Sommaire_115.htm], March 2002.

⁹ См.: *Tohidi N.* The Intersection of Gender, Ethnicity and Islam in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan // Nationalities Papers, 1997, Vol. 25, No. 1.

¹⁰ См.: *Motika R.* Op. cit.

Другим важным фактором выступало то, что Духовное управление в Баку было правопреемником религиозной администрации, учрежденной еще в царское время, потому даже в советские времена обладало определенной исторической легитимностью среди населения. Еще более существенно то, что мусульманское сообщество Азербайджана в своем большинстве шиитское. В отличие от суннитского ислама, формальная религиозная иерархия не чужда историческому развитию шиитского ислама. Таким образом, функционирование официальных институтов, регулирующих религиозную жизнь, можно рассматривать как составную часть шиитского наследия Азербайджана¹¹.

В республике наблюдаются различные элементы исламского возрождения, характерные для других постсоветских стран. Здесь были и салафитские, и радикальные ваххабитские движения, которые появились позже и не смогли добиться такого прогресса, как, например, в республиках Центральной Азии и на Северном Кавказе. Финансируемые Ираном группы также пытались бросить вызов сложившемуся статус-кво, однако в Азербайджане (в отличие от ряда других стран) никто открыто и радикально не противостоял идее светского государства.

Что касается отношений между правительством и исламом, то, несмотря на принятие некоторых внешних атрибутов религии и на ее защиту как части национальной идентичности, власть еще не готова видеть импликации мусульманского возрождения и приветствовать деятельность, связанную с исламом, над которой она не имеет прямого контроля. В этой связи, говоря о правительствах мусульманских стран СНГ, Рои отмечает: «Как их советские предшественники, пропагандируя разделение государства и церкви, они создали административную машину для обеспечения того, что всякая религиозная деятельность была под надзором и наблюдением»¹². Фактически все религиозные проявления и структуры, не подчиненные официальным религиозным институтам, правительство считает подозрительными.

Продолжающаяся оккупация армянскими вооруженными силами Нагорного Карабаха и прилегающих к нему других азербайджанских территорий, свыше 1 млн беженцев и вынужденных переселенцев, тысячи ветеранов войны и семьи шахидов также создают благодатную почву для распространения религии среди обездоленных людей, страдающих от проблем, с которыми столкнулась страна. Вопрос в том, кто формирует восприятие ислама верующими и какой ислам будет считаться истинным?

Интеллектуалы могли бы оказать существенное влияние на становление будущего облика мусульманства. Примечательно, что все акторы (за исключением радикальных ваххабитов и малых экстремистских шиитских групп) пытаются минимизировать различия между суннитским и шиитским исламом, найти пути для объединения различных сект и движений.

Кроме того, следует отметить региональную многообразность исламских идей. Баку и примыкающие к нему территории большей частью прошиитские, хотя салафиты тоже находят своих сторонников в столице и в Сумгаите. Ваххабиты более сильны в северных районах страны, где компактно проживают дагестанские суннитские меньшинства. Регионы, граничащие с Ираном, находятся под определенным влиянием иранской модели ислама.

В настоящее время ислам не играет значительной роли в политической жизни Азербайджана, хотя мусульманская риторика усиливается с каждым днем. Более того, до нынешнего времени политическая роль ислама была существенно слабее, нежели в республиках Центральной Азии. В 2000 году в нескольких государствах ЦА и в Азербайджане проводили опрос общественного мнения. Согласно его результатам, 60% мусульман Узбекистана и 33% — Таджикистана и Казахстана утверждали, что ислам имеет весомость в

¹¹ См.: *Saroyan M.* Op. cit.

¹² *Ro'i Y.* Op. cit. P. 51.

политической жизни их стран; в Азербайджане этот показатель был ниже — 20%¹³, хотя за последние пять лет роль ислама в политике существенно увеличилась¹⁴.

Основные акторы

Духовное управление мусульман Кавказа (ДУМК) является единственным среди аналогичных институтов в других республиках, «выжившим» и получившим развитие после горбачевских реформ и краха СССР. Престиж и влияние этого официального религиозного истеблишмента Азербайджана, которое с 1980-х годов возглавляется Шейх-уль-исламом Аллахшукюром Пашазаде, постепенно снижаются, а уважение и воздействие на общественное мнение некоторых членов неофициального мусульманского духовенства находятся на подъеме. Это говорит о том, что ислам становится отправной точкой для разочарованных, обездоленных, безработных, даже просто тех азербайджанцев, которые отвергают многие аспекты западной культуры.

Во время переходного периода ДУМК уже не играет роли единственного актора в исламском возрождении. У него имеются следующие «конкуренты»:

- Популярные и признанные шиитские религиозные лидеры, выступающие против официального центра: например, Гаджи Шахин, Гаджи Игбал и наиболее известный Гаджи Ильгар Ибрагимовлу — так называемый «имам-джамаат»¹⁵ мечети «Джума», азербайджанский представитель Международной ассоциации религиозной свободы, правозащитник. Он не подчиняется ДУМК, критикует как его, так и правительство.
- Самопровозглашенные муллы и религиозные лидеры, выступающие против шиизма, а значит, и Управления. Наиболее заметный представитель этой группы — Гаджи Гамет Сулейманов, которого считают салафитом. У данного контингента есть свои мечети, где собираются его последователи. В середине 1990-х годов правительство Азербайджана относилось к салафитам терпимо, опасаясь, что непримиримость может вызвать недовольство богатого духовенства стран Персидского залива. В период с 2001 по 2003 годы ситуация кардинально изменилась: власти начали преследовать салафитов. Одной из основных причин такой смены политики стало растущее количество салафитских мечетей. Другой причиной было желание салафитских общин самим выбирать своих лидеров (вместо согласия на то, чтобы это делало Управление). Их присутствие и влияние особенно значительны в северных регионах республики, преимущественно среди этнических меньшинств.
- Протурецкие исламские движения и организации (например, нурчулар). Они занимаются в основном строительством мечетей, благотворительностью, образовательными программами, созданием «сети» последователей и т.д.
- Проиранская Исламская партия Азербайджана, официально зарегистрированная в 1992 году. В 1996-м ее лидеров арестовали по обвинениям в шпионаже в пользу Ирана и в направлении молодежи в ИРИ для прохождения военного обучения. В партии, по ее собственной информации, насчитывается до 70 тыс. членов, но ее не поддерживают ни Управление, ни интеллектуалы.
- Мусульманские интеллектуалы, которые могут рассматриваться как исламские реформаторы и модернисты. В эту категорию можно включить таких людей, как

¹³ См.: Ibidem.

¹⁴ См.: Times.az news portal (2006) [www.times.az], февраль — март 2006.

¹⁵ Руководитель коллективной молитвы.

Ильгар Ибрагимов, Нариман Гасымов и др. Следует заметить, что мусульманские интеллектуалы имеют порой весьма разнящиеся, даже противоположные взгляды по вопросам, связанным с исламом и его ролью в азербайджанском обществе.

Обобщая изложенное выше, можно заключить, что в переходном периоде ислам в Азербайджане находился преимущественно под контролем официального Управления, которое, в свою очередь, контролировалось государством. Одна из наиболее важных особенностей — трансформация мусульманства в часть национальной самоидентификации, что послужило упрочению «традиционного ислама». Однако недостаточность у населения религиозных знаний, а также невежество и коррупция в среде духовенства создали благодатную почву для появления и усиления новых религиозных движений и сект, причём не только исламского толка.

Некоторые эмпирические данные

Чтобы получить более ясную картину исламского возрождения в Азербайджане, рассмотрим некоторые последние эмпирические исследования по данной теме.

В 2001 году в пяти регионах страны был проведен опрос различных социальных и демографических слоев населения. Религиозными считали себя 62,7% респондентов, а 6,4% — очень религиозными. Второй наиболее крупной группой были лица, «колеблющиеся» по поводу своей религиозности, — 10,6%. Лишь 16,3% опрошенных, которые представились религиозными, регулярно совершали молитвы. На вопрос о роли религии в повседневной жизни 25,7% респондентов ответили, что она играет важную роль, 41% — умеренную, 11% — очень важную, 11,9% — незначительную, а 10,5% — никакой роли. Большинство (77,4%) весьма интересовалось религией, значительная часть (71,7%) также заявила, что обладает общими знаниями о религии, а 7,3% сказали, что знают о религии достаточно. Интересно, что 13,3% респондентов не смогли ответить на этот кажущийся легким вопрос.

Осведомленность об исламе подразумевает и знание мусульманского права — шариата. Здесь большинство также заявило, что обладает некоторыми общими знаниями (57,1%), 14,9% — знают много, 23% — не знают ничего. Небольшая группа (5,2%) отметила, что обладает очень хорошими знаниями о принципах шариата. Согласно результатам опроса, 71,6% респондентов не играют в азартные игры, 62,6% — не едят свинину, 49,3% — не употребляют алкоголь. Интервьюированным также был задан вопрос о чтении Корана: 49,9% сказали, что никогда его не читали; 19,8% — не читали, но намеревались прочитать; 10,4% — читали время от времени; 9,9% читали часто; 5,6% начали читать недавно; а 4,6% — не только читали, но и изучали Священную Книгу.

В 2005 году организация «*FAR-Centre*» провела еще один опрос в 12 регионах республики. Выборка включала разные слои населения, потому была репрезентативной. На вопрос: считают ли они себя религиозными, 87,1% респондентов ответили положительно, 9,6% — «больше религиозны, нежели атеисты»; 0,6% — «атеисты»; 0,4% — не смогли дать четкого ответа. Что касается мусульманской ритуальной молитвы — намаза, то опрошенные ответили следующим образом: «молятся каждый день» — 19,9%, «нерегулярно» — 13,2%, «не молятся» — 63,6%. Более 50% респондентов выразили желание жить по правилам шариата — как полностью (23,2%), так и частично (28,9%). Кроме того, около 76% опрошенных сообщили, что не хотели бы иметь президента-немусульманина.

Респонденты высказали свое мнение о причинах слабости демократии в мусульманском мире. В числе этих причин: колониальное наследие — 5,5% ответов, зарубежные силы и враждебное отношение других государств — 14,3%, коррумпированные лидеры и

чиновники — 27,8%, сами граждане, их лень и отсутствие принципиальности — 16,6%, культура и традиции — 6,3%, не знаю — 24,6%, другие факторы — 4,9%. Следует отметить, что люди не делали акцента на деструктивной роли ислама в демократическом строительстве, а наиболее близкий вариант — «культура и традиции» — имел очень низкий показатель.

Большинство (65,5%) респондентов не считали для себя кого-либо религиозным авторитетом; ответы тех, у кого таковой был, не выявили выдающихся лидеров. Ведущая пятерка религиозных деятелей выглядит следующим образом: Шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде — 4,1%, Гаджи Сабир (ректор Азербайджанского исламского университета) — 3,3%, Васиф Маммадалиев (переводчик Корана на азербайджанский язык, член Управления) — 1,8%, Гаджи Ильгар Ибрагимовлу — 0,7%, аятолла Хаменейи (религиозный лидер Ирана) — 0,7%.

Последний опрос был организован в 2006 году автором этой статьи (при поддержке Кавказского ресурсного центра исследований). Мы провели анкетирование о роли этики и религии в экономическом поведении отечественных бизнесменов. Выборка включала 200 предпринимателей из трех регионов (Баку, Гянджа и Ленкорань). С респондентами «лицом к лицу» беседовали профессиональные интервьюеры; в числе опрошенных 70,5% — мужчины, 29,5% — женщины; большинство (60%) — люди с высшим образованием; 98,5% респондентов представились мусульманами.

Опрос показал, что для 40% деловых людей страны источниками системы ценностей являются образование и воспитание, в то время как для каждого 24,5% — соответственно религия либо традиции. Интересно, что неверие (атеизм) респонденты отметили в числе четырех основных отрицательных черт человека из восьми предложенных. Это подчеркивает наличие у населения страны формальной приверженности к религии. На вопрос о негативных качествах предпринимателя, атеизм также был одним из часто упоминавшихся вариантов ответа.

Когда респондентов попросили оценить по шестибальной шкале основные принципы, которых они придерживаются в повседневной жизни, были получены следующие усредненные ответы:

- 1) допустимое (по-азербайджански — «халаллыг» в значении «халал»: нечто, разрешенное исламским правом; часто используется в азербайджанском языке в отношении чего-то правильного, этичного);
- 2) достоинство;
- 3) эффективность;
- 4) профессионализм;
- 5) прибыльность;
- 6) экономность.

Эти результаты поражают, так как бизнесмены сделали ударение на «неделовые» ценности в качестве основных в их повседневной деятельности. Тем не менее эксперты подвергли сомнению результаты опроса деловых людей, учитывая высокий уровень коррупции, обмана, невозвращенных долгов и взаимного недоверия в бизнес-среде, а также кризис этики в Азербайджане. Скорее всего, большинство респондентов выдало свои желаемые принципы за действительные.

На вопрос: насколько вы религиозны, 72% респондентов ответили, что умеренно, 14% — очень, 12,5% — не уверены, 1,5% — неверующие. В ответах присутствовали некоторые региональные различия. Большинство наиболее религиозных предпринимателей были из Ленкорани, умеренных — из Баку, неуверенных — из Гянджи. Еще один интересовавший нас вопрос — роль религии в повседневной жизни: 47,5% респондентов оцени-

ли ее как умеренную, 25% — важную, 22,5% — небольшую, 5% признали, что религия не играет в их бизнесе никакой роли.

Чтобы определить уровень осведомленности о религии, мы задали вопрос о чтении Корана и другой духовной литературы. Выяснилось, что 30% респондентов не читали, 26,5% — читали иногда, 21,5% — редко, 14,5% — регулярно, 7,5% — очень часто. Хотя предприниматели из Ленкорани больше других заявляли о своей религиозности, выяснилось, что бакинцы стоят на первом месте по чтению религиозной литературы. Это обусловлено относительно более высокой долей образованных людей и преобладанием среди бакинских респондентов городских жителей.

Для проверки базовой осведомленности о религии был задан вопрос о знании «*Кел-меи-шехадата*»¹⁶. Хотя большинство и сообщило, что знает его, однако для мусульманской нации достаточно странно, что 36,5% не знакомы с этим столпом своей веры. Основная часть бизнесменов (85%) не совершала мусульманских ритуальных молитв, однако 50% из них выразили желание начать молиться в будущем. 11% — молились каждый день, 4% — нерегулярно. В этом плане отмечены серьезные региональные различия: если в Ленкорани 45,5% молилось регулярно, то в Баку и Гяндже только 8%. Сравнивая полученные результаты с итогами более ранних исследований, можно заметить увеличение доли «практикующих» мусульман (менее чем 10 лет).

Схожие результаты получены и относительно паломничества в Мекку. Его еще не совершили, но собираются совершить в будущем 41,5% опрошенных; значительная часть даже не планирует (37%); 13,5% — не думали об этом; 5% — не считают паломничество важным; только 3% — осуществили его.

Очень редко (менее чем 10 раз в год) посещают мечети или места поклонения 47% респондентов, 23,5% — вовсе не посещают, 19,5% — иногда (1—2 раза в месяц), 10% — регулярно.

Как правило, деловые люди не осведомлены об исламских экономических принципах, практике беспроцентных кредитов, товариществах на основе разделения прибыли, выплате *закята* и т.д. Тем не менее большинство респондентов полагает, что эти принципы необходимо внедрить в азербайджанскую экономику, 30,5% — не смогли дать ответа, 11% ответили отрицательно. При этом 40,5% опрошенных не верят в возможность введения исламской экономической практики, 30,5% — не уверены в ней.

Судные проценты считают отрицательным явлением и не участвуют в подобных операциях 58% опрошенных; 11% сказали, что были вынуждены «связываться» с процентами, однако также оценивают их негативно; 27% — не возражают против ссудного процента, хотя и не участвовали в таких операциях; только 4% не имеют моральных проблем с выплатой и взиманием ссудных процентов.

В сравнении с другими наиболее парадоксальными были ответы на вопрос об отношении к внедрению *шариата*. Так, 30% считают, что шариат необходимо ввести во все сферы жизни, 25,5% — частично (включая бизнес-среду), 21% — частично (исключая бизнес), 19% — не могли ответить, 4,5% — дали отрицательный ответ. Это означает, что подавляющее большинство опрошенных — сторонники внедрения (в той или иной степени) шариатских норм.

Есть несколько возможных причин подобной противоречивости ответов:

1. Большая часть деловых людей не особенно задается экзистенциональными вопросами, в результате чего отвечает непродуманно и противоречиво.
2. Отсутствие образования и религиозных знаний, например о значении шариата, его внедрении и импликациях.

¹⁶ Утверждение мусульманской веры на арабском языке, которое подтверждает приверженность исламу. Переводится как «Я утверждаю, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Его Посланник».

3. Стремление представить собственную персону лучше и умнее, чем это есть на самом деле (путем обмана интервьюеров или самих себя).
4. Чувство отчаяния и недоверие к существующей модели политико-экономической системы страны, не способной урегулировать разрастающиеся социальные проблемы.

Наиболее «свежий» опрос социологической службы «ПУЛЬС-Р» также выявил интересные аспекты. Численность сторонников большего участия исламских ценностей в общественно-политической жизни Азербайджана увеличилась более чем в два раза — с 6,2% в 2004 году до 14,5% в 2005-м. Вместе с тем отмечено более чем четырехкратное повышение количества респондентов, которые выступают за активизацию сотрудничества с Организацией Исламская конференция (с 2,3% до 10,5% соответственно), в то время как симпатии к НАТО значительно уменьшились (с 12,4% в 2004 г. до 7% — в 2005-м). Более того, среди стран, считающихся «друзьями Азербайджана», по числу набранных голосов Иран впервые опередил Соединенные Штаты¹⁷.

Заключительные ремарки: включение ислама

В целом можно сделать следующие выводы:

1. За последние 10 лет в массовом мышлении и поведении произошли большие изменения. Религиозное самосознание характеризует широкая и многогранная природа соответствующих целей, мотивов и интересов. С каждым днем все больше граждан проявляют интерес к религии и становятся ее последователями. Вместе с тем сознание современных религиозных людей в Азербайджане довольно противоречиво.
2. Все существующие исследования демонстрируют рост религиозности азербайджанцев. В последнее время этот процесс протекает достаточно интенсивно и динамично: он характеризуется возрастающим числом считающих себя религиозными, а также увеличением количества «практикующих» верующих. В то же время численность не определивших свое отношение к религии (колеблющихся) также достаточно высока. Рост религиозности населения может быть понят в контексте изменения систем мотивов, ценностей и интересов людей. Эти перемены, в свою очередь, происходят благодаря идущим более глубоким и широким социальным изменениям.
3. В массовом сознании религия по-прежнему воспринимается больше как культурный и морально-этический феномен. Для основной части людей это некий абстрактный источник каждодневных поведенческих норм и традиций и ничего более. Со стороны населения наблюдается огромный спрос на детальную, объективную, правдивую информацию, даже на специализированное образование. Несмотря на то что объем сведений подобного рода увеличился, они носят случайный, порой ненадежный характер или получают их путем попыток самообразования, что отрицательно сказывается на качестве религиозных знаний и приводит к фрагментарности таковых. Рост религиозности не вызвал серьезного расширения качественных знаний в сфере религии. Относительная слабость духовенства и недостаточная престижность местных религиозных институтов усугубляют положение.
4. Ислам начал оказывать больше влияния на общественное сознание, сложилась тенденция к его усилению, и она, скорее всего, в ближайшие годы сохранится, что, в свою очередь, приведет к серьезным политико-экономическим последствиям.

¹⁷ См.: Today.az news portal (2006) [www.today.az], февраль — март 2006.

Последние выборы в Иране, Ираке, Египте, Ливане и в Палестине продемонстрировали повышение роли ислама в политической жизни мусульманских стран. Правда, становление и развитие в мусульманском мире националистических идеологий (особенно философии нации-государства) ослабили роль религии, разделив *умму* на разобщенные народы. Однако в последнее время ускорение процесса глобализации «работало» в обратном направлении и снова выдвинуло ислам на передний план.

Как реагировать на эти процессы? Существует ли здесь опасность для светского государства, особенно если оно пока слабо и не преодолело сложности переходного периода? Должно ли оно бояться религии (особенно ислама) и пытаться препятствовать ее развитию? Весь предшествующий опыт человечества учит, что борьба против объективных процессов, отмена которых выше человеческих сил, — ошибочный путь.

Принципиальным преимуществом Азербайджана является то, что в стране преобладает мирная и толерантная версия ислама. Однако, как отмечает А. Велиев, некоторые элементы религиозной ситуации в республике схожи с теми, что были типичны для Ирана в начале 1970-х годов: коррумпированные элиты, относительно тяжелое социально-экономическое положение и некоторая разочарованность в демократии. Если ситуация не изменится, то религиозные организации с достаточным зарубежным финансированием смогут привлекать все больше последователей. Во время иранской революции значительная часть населения, не симпатизировавшая какому-либо типу мусульманского режима, объединилась под исламистским руководством, чтобы избавиться от шахского правления¹⁸.

Единственно верным подходом к взаимоотношениям светского государства (особенно переходного типа) с исламом является философия управления, выражаемая слоганом «Включи ислам в себя!» Уже действуют некоторые модели (например, в Малайзии), где уживаются значительное немусульманское население, светское государство и национальная идеология, основанная на исламе.

Жизненно важно, чтобы политику включения ислама начали проводить еще до маргинализации и радикализации исламских возрожденческих движений и групп. Причина неудачного введения мусульманской компоненты в политико-экономическую сферу Судана, Пакистана, Алжира, а также ряда других государств и заключалась именно в том, что для достижения своих политических целей правительства упомянутых стран попытались использовать уже существовавшие радикальные религиозные группировки, которые затем начали выступать против самих же властей.

В Азербайджане ситуация совершенно иная: радикализация ислама еще слаба, а ряды сторонников и ресурсы радикальных групп недостаточно велики, чтобы изменить статус-кво. Так что правительству и гражданскому обществу еще не поздно включиться в «битву за ислам» и выиграть ее.

Для достижения успеха государственная политика включения ислама должна содержать институциональные, образовательные и стимулирующие компоненты. Институциональное направление, призванное создать фундамент новых взаимоотношений, подразумевает:

- *Поправки в законодательство, отменяющие дискриминацию по отношению к верующим и обеспечивающие их равное участие в общественной, политической и экономической жизни страны.*

— Подобные изменения не означают отказа от конституционного принципа разделения религии и государства, закрепленного в статье 18 Основного закона. Тем не менее следовало бы отменить запрет религиозным деятелям выступать

¹⁸ См.: *Veliyev A. Azerbaijan: Islam in a Post-Soviet Republic // MERIA, December 2005, Vol. 9, No. 4, Article 1.*

в качестве кандидатов в депутаты парламента, содержащийся в статье 85 Конституции (важно отметить, что для данной категории азербайджанских граждан нет ограничений, касающихся их участия в президентских выборах на правах претендентов; им также разрешается занимать должности чиновников и судей). Отмена упомянутой запретительной нормы помогла бы демаргинализировать и включить в общественно-политическую жизнь страны духовенство (при условии принятия всеми его представителями азербайджанской государственности и Конституции).

- Важно разработать и принять законодательство о *вакфах* (благотворительных фондах, основанных на собственности религиозных общин). Это позволит четче определить границы собственности религиозных общин и преобразовать места поклонения (так называемые *тиры*) в цивилизованные, прозрачные, отчитывающиеся и эффективные благотворительные фонды; привлечь больше пожертвований и исламских «налогов» (*закят*, *хумс*); субсидировать местные, а затем и национальные проекты социально-экономического развития. В конечном счете уменьшилась бы зависимость религиозных общин от финансирования из-за рубежа.
- Позитивную роль сыграло бы изменение действующих законов о Центральном банке, о коммерческих банках и банковской деятельности, о кредитных союзах, о микрофинансировании и пр. таким образом, чтобы создать правовую базу для беспроцентного кредитования в соответствии с принципами ислама.
- *Структурные изменения и усиление потенциала Государственного комитета по работе с религиозными образованиями (ГКРРО), а также Духовного управления мусульман Кавказа. Сегодня Госкомитет больше похож на карающий государственный институт с неясным статусом и кругом обязанностей, а Управление является реликтом советской эпохи, не соответствует ни традиционной исламской, ни светской организационным структурам.*
  - Целесообразно трансформировать ГКРРО в государственный орган, ответственный за лицензирование, контроль и регулирование религиозной деятельности и религиозных организаций, включая вышеупомянутые *вакфы*. Он должен активнее пропагандировать веротерпимость, просветительство, продвигать религиозную составляющую идеологии Азербайджана.
  - ДУМК следовало бы преобразовать в консультативный орган (ассоциацию), включающий различные мусульманские общины, сохраняющие свою автономность. Он должен обладать собственностью, считающейся *вакфом*. Его экспертов, как и специалистов других официальных профессиональных институтов, можно (и должно) привлекать к работе ГКРРО.
- *Включение и продвижение исламских экономических и финансовых принципов, которые на концептуальном уровне подразумевают искоренение бедности и социальную справедливость, что (помимо прочего) способствовало бы привлечению в страну исламских финансовых институтов.*
  - Правительство могло бы включить продвижение указанных структур в свои нынешние и будущие программы (например, по снижению уровня бедности, по дальнейшему социально-экономическому развитию регионов и пр.).
  - Руководство страны сможет в большей степени рассчитывать на поддержку и финансирование со стороны Исламского банка развития и других международных доноров в целях развития институтов *вакфов*, *закята* и исламских финансов, и таким образом усилить их.

— В то же время правительство будет в состоянии контролировать деятельность названных учреждений и предотвращать любые скрытые незаконные устремления.

Образовательное направление новой государственной политики также должно носить многомерный характер. Базовой является идея о том, что основы религии следует преподавать в школах. Это позволит лучше удовлетворять растущую потребность подрастающего поколения в религиозных знаниях, формировать у него прогрессивное восприятие ислама, свободное от какого-либо радикализма, тем более — экстремизма. Данную учебную дисциплину целесообразно предусмотреть в виде специального курса по сравнительному религиоведению.

Что же касается стимуляционного направления, то оно должно основываться на пропаганде этичного поведения, использовании коранических стихов и традиций Пророка Мухаммада, имамов и сподвижников, а также на сотрудничестве (особенно в вопросах разработки и реализации различных проектов в данной области) с ведущими религиозными лидерами (в первую очередь — интеллектуалами) и гражданским обществом.

Предложенный политический подход (при условии его быстрого и эффективного применения) способен сыграть позитивную роль в исламском возрождении, а также в предотвращении потенциальных конфликтов между исламом и светским государством.

Ренат БЕККИН

*Доцент Московского государственного института (университета)
международных отношений
(Москва, Российская Федерация).*

«ИСЛАМСКИЙ ПРОРЫВ»: МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКАХ ИДЕОЛОГИИ

Наслаждение, доставляемое хорошим слогом, ценилось настолько высоко, что когда в 823 году Мекка была разрушена наводнением и халиф отправил туда деньги и письмо с утешением, то якобы «письмо было дороже мекканцам денег».

А. Мец. Мусульманский ренессанс.

Резюме

В октябре 2006 года был объявлен очередной сезон литературной премии «Исламский прорыв». Эта награда существует второй год, возникла на основе сетевого поэтического конкурса «Читая сладостный Ко-

ран», проводившегося при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Основная цель премии — поощрение интереса российской общественности к мусульманской культуре. В предыдущем сезоне учредителями награды выступили журнал «Дружба народов», Издательс-

кий дом «Умма» и Ассоциация общественных организаций «Собрание». На соискание премии принимают оригинальные (непереводные) работы современных авторов, издающих свои произведения на русском языке. Учреждены три номинации: «Поэзия», «Проза» и «Публицистика».

Если верить Положению об открытой литературной премии «Исламский прорыв», то главная ее цель — «пробуждение и поощрение интереса россиян к исламу». Дикая, откровенно говоря, цель. Пробуждать и поощрять интерес к одной из крупнейших на планете мировых религий, которая и так уже несколько десятилетий находится в центре внимания всего человечества, причем не только прогрессивного, — не смешно ли? Сейчас ислам меньше всего нуждается в пробуждении к нему интереса. Если что и требуется исламу и мусульманам в современном мире (вопреки кокетливым заявлениям некоторых мусульманских деятелей), так это формирование позитивного образа этой великой мировой религии.

Безусловно, художественная литература — мощное оружие, способное влиять на умы тех, кто еще не научился распознавать буквы в потоке чисел и символов. Беда лишь в том, что далеко не каждый способен грамотно обращаться с этим обоюдоострым оружием. Можно и порезаться!

Эксперименты, как известно, не всегда хорошо заканчиваются. Когда же за дело берутся непрофессионалы, то шансы на успех сводятся к нулю. При полном отсутствии соответствующей литературной традиции формирование в России мусульманской художественной литературы по всем признакам обещало стать экспериментом с предсказуемым результатом. Неудивительно, что учреждение в России мусульманской литературной премии вызывало у многих по меньшей мере недоумение.

«Исламский? Прорыв? Откуда вы авторов будете брать? Только богословские произведения принимаете?» — спрашивали у меня знакомые литераторы и очень пугались, услышав, что премия «Исламский прорыв» претендует не больше и не меньше, как на роль «повивальной бабки» мусульманской художественной литературы в стране.

Позднее я с разочарованием узнал, что не мне принадлежит первенство в формировании современной мусульманской литературы. Еще в последней четверти XX века в малайской литературе началась кампания по исламизации. Казалось бы, какое отношение имеет конфуцианско-мусульманская Малайзия к светско-православной России?

Да в том-то и дело, что к началу 1970-х годов, то есть к началу той самой кампании по исламизации никакой мусульманской литературы в Малайзии уже не существовало, как не было ее и в других мусульманских странах — несмотря на предшествующую литературную традицию, тесно связанную с исламом. Поэтому утверждение о том, что малайская литература без ислама не состоялась бы, можно в той или иной степени спроецировать и на литературы многих мусульманских государств.

В Средние века и Новое время в той же Малайзии, помимо значительного пласта научно-популярной литературы на арабском малайском языке, знакомившей читателей с основами мусульманского вероучения и с биографиями примечательных личностей мусульманской истории, были известны и собственно литературные произведения: суфийские поэмы (*шаиры*), а с XVIII века и так называемые «романы» в прозе и стихах (соответственно *хикаяты* и *шаиры*), авторы которых использовали исламские мотивы и сюжеты. Например, главный персонаж героической поэмы «Шаире о Сити Зубайде» —

жена мусульманского правителя — не только освобождает супруга из китайского плена, но и обращает в ислам местных царевен¹.

Однако к середине XX века малайскую литературу вестернизировали, и потребовались большие усилия правительства, чтобы заинтересовать местных писателей исламской проблематикой: учреждали литературные премии, организовывали дискуссии в прессе с участием известных литераторов и т.п.

Как отмечал М.М. Бахтин (сложно не согласиться с классиком), история литературы неотделима от истории культуры. Означает ли это в таком случае, что творчество некоторых мусульманских авторов, в котором, безусловно, и по сей день находят отражение исламские традиции, мы можем, не задумываясь, отнести к мусульманской литературе? Иными словами, должен ли сюжет быть определяющим критерием принадлежности к этой самой литературе? Если героями произведения выступают мусульмане или в нем рассказывается об исламе и мусульманских традициях, то можно ли назвать такое произведение мусульманским?

А как быть с теми авторами, которые, не будучи мусульманами, используют в своем творчестве исламские сюжеты? Если следовать указанному формальному подходу, то в число мусульманских произведений автоматически попадают «Подражания Корану» Пушкина, что, в принципе, смешно, если вспомнить знаменитый комментарий Александра Сергеевича к собственным стихам: «Нечестивые, — пишет Магомет... — думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом». «Сатанинские стихи» Рушди, в которых автор приводит свою версию истории зарождения ислама, также по всем формальным признакам — мусульманская литература.

В равной степени несправедливо считать литературу мусульманской только лишь на том основании, что она написана мусульманином (мусульманкой).

Другой, более разумный, на мой взгляд, подход (функциональный) позволяет отнести к мусульманской литературе лишь те произведения, где в качестве основной линии проходят злободневные для ислама и мусульман проблемы: например, вопрос сохранения в современной семье исламских ценностей. Не писать на актуальные для мусульман темы, ссылаясь лишь на то, что нет текста, совершеннее Корана, — не самый лучший выход для «инженеров человеческих душ». Посмотреть на пороки окружающего мира глазами мусульманина — объективно, без ханжества и лицемерия — задача, стоящая перед писателями-мусульманами.

Следует сказать и о произведениях-биографиях выдающихся фигур мусульманской истории. Данные произведения также имеют непосредственное отношение к мусульманской художественной литературе.

О духовной поэзии и говорить не приходится. До тех пор, пока людей будет интересовать суфийское стихотворчество, не имеющее национальных границ, не угаснет надежда на возрождение мусульманской художественной литературы.

Иными словами, мусульманская литература — это литература не «про ислам», а про-исламская литература. Мусульманская литература — в полном смысле качественные поэмы, стихи, романы, повести, рассказы и др., а не однобокие, нравоучительные притчи с идеальным положительным героем и «смазанными» отрицательными персонажами. Следует отдавать себе отчет, что авторов, способных найти золотую середину между собственнорелигиозной и литературой, не так много. Но разве главное — количество?..

В 2005 году я — на правах одного из «отцов» премии «Исламский прорыв» — стал членом ее жюри, куда входили такие разные люди, как писатель и главный редактор журнала «Дружбы народов» А.Л. Эбаноидзе, писатель и политик Э.В. Лимонов, поэт и изда-

¹ См.: *Паршикель Б.Б.* Кампания за исламизацию малайской литературы (последняя четверть XX в.) и ее предыстория. В кн.: *Религии в развитии литератур Азии и Африки XX в.* М.: Наука, 2006. С. 72.

тель И.В. Кормильцев, писатель С.А. Шаргунов. Параллельно (по причине скудости средств, предоставленных спонсорами) я выполнял функции ридера и, таким образом, имел возможность ознакомиться со всеми работами, присланными на соискание премии. В связи с этим заранее прошу извинения у читателя, если при изложении своего видения результатов первого сезона премии я время от времени буду ссылаться на произведения, не вошедшие в Шорт-лист (Короткий список), но, безусловно, заслуживающие серьезного (или не очень) внимания.

Для удобства повествование разбито на три раздела, каждый из которых носит название одной из номинаций премии: «Поэзия», «Проза» и «Публицистика».

Поэзия

Превращение сетевого поэтического конкурса «Читая сладостный Коран» в литературную премию «Исламский прорыв» (за счет учреждения двух номинаций — «Проза» и «Публицистика») было, как показал последующий опыт, единственно верным решением. Но, к удивлению организаторов, поэтическая составляющая соискателей награды оказалась ниже всякой критики. Долго не хотелось верить, что от великой литературы, подарившей читающим на русском пусть и не вполне мусульманские «Подражания Корану» Пушкина, не стоит ожидать ничего более достойного, нежели стихотворение «Эль-Мина (Взгляд с моря на меня)»:

Море
Корабли
Острова
Лодки
Пляж
Пальмы
Люди
Отель
Ресторан
Терраса
Кресло
Кока-кола
Я

Автор этого стихотворения-рекламы кока-колы — Сергей Исаев, бывший францисканский и иоаннитский монах, принявший ислам. Когда мы познакомились, я первым делом спросил у него: «Почему все-таки кока-кола? В стихах, выдвигаемых на «Исламский прорыв», надо пить Мекку-колу». Вместо ответа Исаев грустно улыбнулся: «Терпеть не могу колу: ни коку-, ни Мекку-».

Оправдывая свой странный, на первый взгляд, выбор, Илья Кормильцев, отвечавший в жюри за номинацию «Поэзия», с грустью отметил, что стихи Исаева — единственное, что относится к собственно мусульманской поэзии. Все остальное — не более чем не вполне удачная стилизация «под Восток». Однако не все в жюри разделяли точку зрения бывшего текстовика «Наутилуса». Большинство высказывалось за присуждение первого места петербургскому исламоведу Михаилу Родионову — автору вольного перевода некоторых стихов из сурь «Слон», сделанного в далеком 1965 году:

Гляди: Аллах воздал сполна
владельцам одного слона,
на кознь устроил казнь.

Гордыню обратил в щету:
стучали клювы по щиту,
зрачки текли из глаз.

И тут ударил Божий гром,
каменьев грянул град,
и, как колосья под серпом,
упала вражья рать.

Спор о том, что в стихах важнее — форма или содержание — имел принципиальное значение не только для номинации «Поэзия», но и для всей премии в целом. Соблюдение баланса между качественной литературной «оберткой» и наполнением, адекватным названию премии, оказалось сложнейшей задачей. С ее решением неплохо справились номинации «Публицистика» и, отчасти, «Проза». Но об этом ниже.

Что касается стихов Исаева, то далеко не все из них можно отнести к мусульманской поэзии, то есть поэзии с использованием исламских сюжетов — взять ту же несчастную «Эль-Мину». Пожалуй, действительно мусульманскими работами Исаева допустимо называть лишь целомудренную «Мусульманку» и растянутую до безобразия «Крепость Синджиль», в которой бывший монах воинственно восклицает:

Оставьте в покое нашу веру!
Оставьте в покое наши мечети!
Оставьте в покое наши города!
Оставьте в покое наш народ!

Читая стихи лауреатов премии, я никак не мог отмахнуться от назойливого вопроса: раз современная мусульманская поэзия ТАКАЯ, то, может быть, не стоит тащить щипцами из утробы матери недоношенного ребенка, а подождать, пока его выносят положенное время?

Если бы я и дал Исаеву первое место, то не за литературные заслуги, а за бесценный дар пророчества, которого так не хватает многим, иногда очень талантливым поэтам. Стихотворение «Если завтра начнется война» было написано за год до ливано-израильской войны лета 2006 года:

Если завтра
Начнется
Война...

Что изменится
В мире этом,
Если завтра
Начнется
Война?!

Ветер качает
Ветви
Ливанского кедра —
Злой
Западный ветер.

Я засыпаю
Спокойно,
Без страха —
Но все же:

Что будет с кедром,
Если завтра
Начнется
Война?..

Однако если Исаев прогуливается вдоль древних развалин крепости Синджиль в поисках катарсиса, то для двух других поэтов из Шорт-листа (Марины Кивирьян и уже упоминавшегося Михаила Родионова) путешествие на Восток — это, прежде всего, увлекательное приключение, иногда с романтической «начинкой»:

Оказавшись от дома вдали,
Во священные дни Рамадана,
Я столкнулась с прекрасным Али
У мечети Большой Кайруана.

После такой встречи у молодой поэтессы и художницы возникло непреодолимое желание еще раз увидеть прекрасного юношу:

Если снова мне выпадет путь —
Я отвергну далекие страны,
Но вернусь, чтоб еще раз взглянуть
На Большую мечеть Кайруана.

Единственным противоядием от бессилия современной мусульманской поэзии в России могли бы стать руба'и «местного производства», если бы они: а) не были столь многочисленны, и б) были хоть чуточку оригинальны. Не решусь испытывать терпение читателя творениями очередных «Хайямов».

Исламский прорыв в поэзии не состоялся...

Проза

После разгрома критиками романа об апостоле Павле, прозаик из Уфы Светлана Чураева написала другой, практически не замеченный критикой роман «Ниже неба», поразивший председателя жюри премии А.Л. Эбаноидзе «красотой нравственного чувства». Правда, люди, знавшие прототипа главного героя произведения — башкирского художника Девлеткильдеева, — утверждают, что он был совсем другим человеком. Но важно ли это? В романе говорится не столько о фигуре конкретного художника, сколько о проблеме свободы творчества для верующего человека, и в данном случае — для мусульманина.

Известно, что ислам запрещает изображение любых живых существ — по крайней мере, если речь идет о живописи, а не о фотографии. Девлеткильдеев же, как назло, талантливый портретист. От Бога.

Преодолев все внутренние запреты, художник выбирает свободу творчества. Выбирает, чтобы в конце жизни — в связи с вопросом своего юного простодушного ученика — прийти к следующему выводу: «Зачем? Бог цветы нарисует прекрасней, чем ты. И болезнь страшней, ароматнее хлеб. Но когда ты смотришь на картину, когда слушаешь музыку, когда плачешь над книгой, ты знаешь, что Бог есть».

Искусство художника становится актом поклонения Всевышнему, восторгом перед Его неподражаемыми творениями, которые, несмотря ни на что, так хочется запечатлеть и сохранить для потомков.

В романе Чураевой нет места проповеди, она не морализирует и не просвещает. Если кто-то хочет узнать что-либо новое об исламе, то ему вряд ли стоит читать «Ниже неба».

Роман Чураевой написан для тех, кому интересна жизнь российских мусульман. В этом смысле «Ниже неба» — мусульманский роман в той же степени, в какой «Андрей Рублев» Тарковского — христианский фильм.

Полная противоположность роману «Ниже неба» — антиутопия Хольма ван Зайчика «Дело непогашенной луны», где события разворачиваются в Палестине, но не настоящей, а вымышленной, которой не было и, возможно, никогда не будет. Арабы, приютившие бежавших от нацистов евреев и живущие с ними в полной гармонии, не менее фантастичны, чем лисы-оборотни или украинские незалежные дервиши из других романов ван Зайчика. Но именно такой увлекательно написанной сказки «на грани фолла» как раз и не хватает современной русской литературе.

«Дело непогашенной луны» с восторгом встретили в Израиле, что дало повод некоторым кибермусульманам — обитателям форумов — позлословить: «Вот дескать на чью мельницу воду льете». Что же, выходит, из одного только чувства противоречия следует отрекаться от всего, что нравится твоим идеологическим противникам? Роман «Дело непогашенной луны» близок мусульманам хотя бы потому, что идеи гуманизма, проповедуемые авторами «переводчиками» ван Зайчика, ни в чем не идут вразрез с нравственными нормами ислама.

То, что выбор жюри романа ван Зайчика был оправдан, подтверждают другие романы и повести в жанре альтернативно-исторической прозы, в большом количестве поступившие на соискание премии. Чего стоит один «Русский Халифат» Дмитрия Ахтямова, где излагается русская история от князя Владимира после принятия им вместе с Русью ислама.

Вместе с тем на премию не было подано практически ни одного произведения, в котором использовались бы сюжеты из мусульманской истории. А сюжетов таких, как известно, — море. Единственное и, к счастью, весьма удачное исключение — красивый рассказ Каляма Алышанова «И узкий серп луны — печали символ», где обыгрывается известный коранический сюжет с исчезновением во время одного из походов младшей жены Пророка Мухаммада — ‘Айши.

Почему же в своих произведениях мусульманские писатели не вспоминают о блестящем прошлом ислама? Ответ лежит на поверхности: большинство авторов-претендентов на премию чудовищно безграмотно. Знания об исламе они получили из популярных брошюр сомнительного происхождения, которые вряд ли вдохновят на большее, чем сочинение книг, подобных «Русскому халифату», «Исламскому прорыву» и др.

Сочинителю исторических романов необходимо обладать хоть какими-то знаниями об описываемой им эпохе. Для того же, чтобы придумать очередную антиутопию, требуется чуть-чуть фантазии и максимум литературной наглости.

Публицистика

Слово «публицистика» в России понимают по-разному. Для одного публицистика — то, что печатают на последних страницах толстых журналов. Для другого — записанный на скорую руку вчерашний разговор с друзьями. «Публицистика — это все, что не поэзия и не проза», — скажет третий. И все будут в какой-то степени правы.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на победу в номинации «Публицистика» претендовали такие непохожие друг на друга работы, как богословский труд карельского муфтия «Благотворительность в исламе. Закят», записки врача-психотерапевта из Пятигорска «Ислам открывает всему миру путь к физическому и психическому совершенству», воспоминания фронтовика о первой любви к мусульманской девушке, статья о роли женщин в исламской экономике, краеведческая монография «Москва мусульманская», путевой роман о Ливане все того же неутомимого Исаева и многое другое.

Однако если бы в премии была отдельная номинация «Курьезы», то победителем здесь наверняка вышел бы 79-летний инженер-электрик и по совместительству богоиска-

тель-любитель из-под Тель-Авива Лазарь Флейшман — автор работы «Джихад против Израиля — это джихад против Аллаха». Опираясь на тысячу раз устаревший перевод смыслов Корана Саблукова с «ерами» и «ятями» и возводя его едва ли не в ранг Слова Божьего, бывший репатриант из «г. Орла» доказывает, что мусульмане должны в буквальном смысле носить на руках евреев, если не хотят навлечь на себя гнев Аллаха.

За неимением реальных оппонентов, автор, продолжая славную традицию борьбы Иакова с Богом, ожесточенно дискутирует то с Аллахом, то с академиком Е. Примаковым. «Как славно ты опроверг Академика! (почему с большой буквы? Или Примаков у богоскателья равновелик Аллаху? — *Р.Б.*)», — хвастается Флейшман, не вполне удачно «ввернув» несколько цитаток из сочинений бывшего премьер-министра Израиля Менахема Бегина и ряда английских изданий середины прошлого века. После опровержения Академика Флейшман нисходит до критики одного арабского профессора (с маленькой буквы).

Завершается данный памфлет проклятым экономическим вопросом: боюискатель всерьез ломает голову над тем, сколько золота надо заплатить палестинцам, чтобы они очистили свои земли для тех, кому они принадлежат по праву: «И когда арабы-палестинцы и весь мусульманский мир узнают истинные истины (перед истинными истинами остается только снять шляпу. — *Р.Б.*) Корана, — Святая Земля Аллахом заповедана евреям и в наследство им передана — и уверуют в эти истины Корана, тогда непременно встанет в полный рост необходимость осознанного добровольного трансфера. Трансфера не простого, а золотого... Стало быть, хотя и подчиняясь воле Аллаха, но не с пустыми руками. Ведь среди них много бедных и даже очень бедных. И если Тора не разрешала еврею-рабовладельцу отпускать с пустыми руками на свободу рабов, то тем боле не должно отпускать без компенсаций родственников наших по Аврааму, Ицхаку и Иакову. И компенсаций не малых, а таких, что назначит Аллах».

Да таким авторам не на какой-то «Исламский прорыв» надо претендовать, а сразу на Нобелевскую премию мира. А полученные деньги отдать братьям-палестинцам.

Поразительно, но жюри так и не увидело публицистических работ по палестинской проблеме (за исключением упомянутого опуса Флейшмана). То же можно сказать и о войне в Чечне: на премии «Исламский прорыв» не наблюдалось попыток осмыслить происходящее в республике с точки зрения мусульманина. Авторов, приславших на соискание награды свои романы о последних чеченских войнах, больше интересовали боевые действия, чем философия.

К сожалению, поверхностны и не выходят за рамки бесполезного теологического спора и поступившие в большом количестве автобиографические очерки новообратившихся (именно новообратившихся, а не новообращенных) мусульман. Преобладающая часть таких авторов — интеллектуалы, обнаружившие в исламе ответы на многие свои вопросы.

Безусловно, исследователю, который когда-нибудь возьмется за изучение феномена русских мусульман, будет невозможно обойтись без анализа их творчества: нередко религиозная пассионарность этих приверженцев ислама обретает литературные формы. В «Исламском прорыве» они составляют свыше 75% соискателей премии. Этнических же мусульман, балующихся писательством, больше занимают национальные сюжеты. Так, если проанализировать «географию» претендентов, то сразу бросается в глаза практически полное отсутствие работ с Северного Кавказа и из Татарстана. Лидеры по количеству присланных произведений — Москва, Санкт-Петербург и — почему-то — Рига.

Особую группу авторов-соискателей премии составляют левые интеллектуалы, симпатизирующие исламу; а самый яркий ее представитель в современной русской литературе — Алексей Цветков-младший. Его путевой очерк о Стамбуле «Второй Рим в апреле, или Настоячивое чувство Всевышнего»² мог бы посоперничать с известным эссе Иосифа Бродского

² См.: Цветков А. Второй Рим в апреле, или Настоячивое чувство Всевышнего // Дружба народов, 2006, № 6.

«Путешествие в Стамбул». И если для Бродского стамбульские мечети — подобия жаб, то Цветков изучает архитектуру города не глазами натуралиста, а как гурман: «У мечети Беязит запоминаются порфиновые, как замороженное мясо, колонны двора»; «Эйуп издали — это сахарная россыпь на холме, заросшем черными кипарисами. Вблизи сахар оказывается бесконечными рядами могил. Долго поднимаясь на холм, сворачиваешь вдруг внутрь кладбища и попадаешь в мемориальный лес белых столбов, обернутых незнакомым алфавитом. У некоторых из них тихо поют родственники, повернув ладони к небу. Хочется навсегда спрятаться в этих сахарных надгробиях от всего на свете или, по крайней мере, надолго присесть».

В отличие от некоторых мусульманских авторов, так и не разобравшихся в своих отношениях с Богом, и в отличие от Бродского, так и не почувствовавшего красоту ислама, Цветкову, кажется, удается и то и другое: «Муравей, всю жизнь бегущий по строкам, постепенно начинает понимать написанное, а также догадываться об авторе — вот что такое чувство Всевышнего».

Но Цветков не был бы Цветковым, если бы, прогуливаясь среди тысячелетних стен Константинополя, не отыскал красных алавитов (*ал-‘алавийа*) — мусульманских сектантов, борющихся за справедливость под смесью исламских и коммунистических лозунгов.

Я неоднократно слышал от уважаемых мною авторов советы никогда не писать путевых очерков. «Кому нужны путевые заметки в наше время, когда любой может совершить если не реальное, то виртуальное путешествие практически в любую точку мира», — говорил мне один доброжелатель. Прочитав цветковский «Второй Рим в апреле», я понял, что жанр путевого очерка пока рано отдавать на откуп юным участникам, претендующим на премию «Дебют» и страдающим от нехватки сюжетов.

Я всегда был до занудства любознательным туристом. Впервые оказавшись в Стамбуле, я попытался увидеть в этом городе все или почти все. Вернувшись в Россию, я не без удовольствия смотрел передачи о Стамбуле, упиваясь тем, что побывал там, куда не заглядывал среднестатистический турист. Прочитав очерк Цветкова, я понял, что так и не узнал настоящего Стамбула...

К числу левых интеллектуалов, симпатизирующих исламу, можно отнести и Юлию Прудникову, представленную в Шорт-листе эссе «Главная мусульманская книга» и критической статьей «Ислам от противного»³.

Редко когда стихи, помещенные в конце прозаического произведения того же автора, оказываются удачными. Случай с Прудниковой, занявшей второе место в номинации «Публицистика», увы, это правило подтверждает. Три стихотворения, завершающие эссе «Главная мусульманская книга», существенно портят впечатление от ранее прочитанного прозаического текста, рассказывающего об отношениях молодого автора с Кораном.

Два из трех стихов — вольный перевод смыслов двух коротких сур Корана: «Хули-тель» и «Землетрясение». При всех их недостатках, в сравнении с переводом Корана Пороховой, беспомощно повисшим в безвоздушном пространстве между наукой и литературой, стихотворения Прудниковой выглядят убедительнее. Учитывая слабый уровень работ в номинации «Поэзия», я бы усилил ее стихами из «Главной мусульманской книги». Номинация «Публицистика» от этого точно не пострадала бы.

Статья «Ислам от противного», не оставляющая камня на камне от книги, давшей название премии, — весомый довод в пользу беспристрастности членов жюри. Поначалу создается впечатление, что Прудникова целиком отдается чересчур эмоциональной критике очевидно беспомощного романа Ахтямова, но в конце статьи содержатся важные выводы, имеющие отношение к мусульманской художественной литературе в целом. Удачно сравнивая «Исламский прорыв» Ахтямова⁴ с «Мечетью парижской Бого-

³ См.: Прудникова Ю. Ислам от противного // Дружба народов, 2006, № 8.

⁴ Первой попыткой изложить некоторые положения ислама и шариата в форме художественного произведения был роман Р. Беккина «Ислам от монаха Багиры», опубликованный в 2002 году. В 2006-м его второе издание подписано в печать в издательстве «Ультра. Культура».

матери» Чудиновой, автор утверждает: «Идеи «православного» романа Чудиновой так же далеки от христианства, как идеи «исламского» романа-проповеди Ахтямова — от ислама».

Если роман Ахтямова и в самом деле способен вызвать у людей, симпатизирующих исламу, негативную реакцию (а «Главная мусульманская книга» не оставляет в этом никаких сомнений), то что же говорить о тех, кто относится к мусульманской религии по меньшей мере с недоверием? Тысячу раз права Прудникова: «произведения», подобные «Исламскому прорыву» Ахтямова и «Мечети парижской Богоматери» Чудиновой способны нанести куда больший вред, соответственно, исламу и христианству, чем любая продуманная вражеская пропаганда.

В отличие от текстов Цветкова и Прудниковой, биографический очерк Альфиноры Гафуровой «Атаулла Баязитов» написан сухо и не балует читателя крутыми поворотами сюжета. Наверное, в этом отчасти повинен сам герой очерка. Заслуга же автора «Атауллы Баязитова» в другом: в 1990 году именно Альфинора Гафурова возродила газету «Нур» (Свет), созданную в начале XX века татарским общественным и религиозным деятелем Атауллой Баязитовым. Правда, дореволюционная «Нур» — в отличие от нынешней, постсоветской — была все-таки больше исламской, чем татарской. В наши дни газета, напротив, отдает приоритет национальному перед религиозным, хотя (очередной парадокс эпохи глобализации!) и выходит на русском языке.

В ы в о д ы

Возможно, последующие сезоны позволят подкорректировать некоторые выводы автора этих строк. Пока же работы, поступающие в Оргкомитет «Исламского прорыва» в ходе объявленного в октябре 2006 года второго сезона, лишь подтверждают сделанные ранее и обобщенные ниже наблюдения:

- большинство авторов произведений на исламскую тематику — русские мусульмане-неофиты;
- высоким литературным качеством и пониманием сущности ислама обладают произведения, написанные представителями левой интеллигенции, симпатизирующими исламу;
- среди присланных на соискание премии произведений нет работ, авторы которых использовали бы сюжеты из истории ислама и мусульманского мира;
- ни в одном (!) произведении нет ненависти к представителям других религий, не содержится критика в адрес тех или иных конфессий — даже там, где речь идет о переходе из христианства в ислам;
- поэзия, как правило, очень низкого качества, с преобладанием ориентальных мотивов;
- в прозе отчетливо прослеживается бытоописательная направленность;
- в жанре альтернативной истории наблюдается новая тенденция: изложение основных догматов ислама в художественной форме;
- в представленных произведениях не предпринимались попытки посмотреть на войну в Чечне глазами современного российского мусульманина.

ГЕОИСТОРИЯ**Ирада БАГИРОВА**

*Доктор исторических наук,
завотделом истории Кавказа Института истории
Национальной академии наук Азербайджана
(Баку, Азербайджан).*

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И
ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
XX ВЕКА****Р е з ю м е**

После выхода из кризиса начала 1990-х годов государства Южного Кавказа считают свою независимость необратимой, и в повестку дня вновь включен вопрос региональной интеграции. Укрепление в глобализирующемся мире территориальных связей является, с одной стороны, своеобразной гарантией региональной безопасности, а с другой — необходимым компонентом наиболее

безболезненного вхождения в мировое политико-экономическое пространство. В исторической практике народов региона, с древности находившихся в сферах влияния и борьбы Персидской, Османской и Российской империй, накоплен собственный небольшой и уникальный в своем роде опыт государственно-политической интеграции, который мы анализируем в данной статье.

В в е д е н и е

Распад СССР и возникновение на его территории новых независимых государств обозначились рядом факторов, имеющих исторические аналогии, а также внесших нема-

ло новаций в современные политические процессы. Деструкция Ялтинско-потсдамских соглашений (1945 г.) и Хельсинкской декларации (1975 г.), провозглашавших неизбежность послевоенных границ, привела к росту этносепаратизма, логическим продолжением которого стали вспыхнувшие военные конфликты, в том числе на Южном Кавказе. Естественным результатом такого развития событий стал полный разрыв отношений Азербайджана с Арменией и значительное осложнение экономических связей трех стран региона, обусловленное хаосом, неизменно сопровождающим распад любой империи.

Следует подчеркнуть, что буквально с начала постсоветского периода Запад воспринимал Южный Кавказ как единый регион, невзирая на все существующие здесь противоречия. В последние годы — в связи со все большим вовлечением США, государств Европы и России в политические и экономические процессы, происходящие на Кавказе, — отмечается определенная коррекция взаимоотношений со всеми тремя его республиками. Первоначальный оптимизм относительно интеграционных процессов на Южном Кавказе уступил место более прагматичному анализу ситуации и выстраиванию более реалистичных схем по каждой стране региона.

Создание единого экономического пространства — одна из наиболее привлекательных моделей южно-кавказской интеграции, реализация которой возможна, естественно, лишь после урегулирования политической ситуации, то есть разрешения затяжных межгосударственных и этнических конфликтов. В историческом опыте народов региона, еще с древности входивших в сферы влияния и борьбы Персидской, Османской и Российской империй, только в XX веке было два прецедента государственно-политической интеграции. Речь идет об объединенных управленческих структурах и первой Закавказской Федерации (1917—1918 гг.), и советской Закавказской Федерации (1922—1936 гг.). Кроме того, определенные интеграционные устремления появились и после распада СССР, а также после завершения военной фазы межнациональных конфликтов (во второй половине 1990-х гг.).

Все плюсы и минусы этого опыта, безусловно, необходимо тщательно исследовать, так как их можно использовать при разработке будущих интеграционных моделей. Ниже рассмотрены основные исторические этапы становления и развития интеграционных процессов, требующих в предстоящие годы более глубокого изучения.

Перипетии постимперского периода и первый опыт интеграции

Как уже отмечалось, тенденции к интеграции народов Южного Кавказа, вышедших из-под власти Российской империи, нашли свое воплощение в 1917—1918 годах, когда на этой территории функционировали региональные органы власти: Особый закавказский комитет (ОЗАКОМ), Закавказский комиссариат и Закавказский сейм. Непродолжительное время — с апреля по май 1918 года — просуществовала и созданная под давлением Турции первая Закавказская Федерация, которая распалась (опять же не без помощи внешних сил), став лишь этапом на пути образования трех закавказских республик: Азербайджанской, Армянской и Грузинской.

Пока существовали царское и Временное правительства, открытые призывы к независимости на Кавказе не звучали. Но уже 11 ноября 1917 года, после Октябрьского переворота, на состоявшемся в Тифлисе совещании представителей Грузинской социал-демократической партии (меньшевиков), «Мусавата» (Азербайджан), «Дашнакцутюна» и правых эсеров (Армения) было принято решение о создании независимого правительства Закавказья, а 15 ноября образован Закавказский комиссариат, отказавшийся признать власть Совнаркома во главе с В. Лениным. В его состав (в качестве комиссаров)

вошли выдающиеся общественно-политические лидеры того времени — Е. Гегечкори, А. Чхенкели, М.Ю. Джафаров, Х. Хасмамедов, Х. Мелик-Асланов, Г. Тер-Газарьян¹. В обнародованной в Тифлисе 18 ноября (1 декабря) 1917 года декларации говорилось: «В продолжение свыше ста лет народы Закавказья, шедшие рука об руку с Россией и связавшие свою судьбу с ней, впервые в переживаемый исторический момент оказались предоставленными самим себе, и им приходится своими собственными силами принимать меры к предотвращению надвигающейся экономической и общественной катастрофы. И от того, сумеет ли Закавказская революционная демократия отстоять от всяких посягательств завоевания революции и гарантировать краю самые необходимые основы революционного порядка... зависит судьба Закавказских народов и нормальное их развитие»².

Однако о полном отделении от России речь пока не шла: ждали итогов выборов в Учредительное собрание, надеясь, что со дня на день власть большевиков падет. Подготовка к выборам на Южном Кавказе началась еще летом 1917 года, когда при образовавшемся после Февральской революции Особом закавказском комитете (Озакоме) была создана Центральная закавказская комиссия по выборам в Учредительное собрание, а также выпустили демократичное для того времени «Положение о выборах». По большинству округов предусматривалась пропорциональная система голосования, к участию в котором допускали также женщин и военнослужащих³.

Выборы в Учредительное собрание по всему Закавказью состоялись в один день — 26 ноября 1917 года. В них приняли участие 15 партий, среди которых грузинские социал-демократы (меньшевики), мусаватисты и дашнаки получили свыше 73% голосов избирателей, а большевики — 4,4% (им в основном отдали предпочтение рабочие Баку и солдаты Бакинского гарнизона)⁴. На этих выборах все Закавказье было одним избирательным округом с 35 депутатскими мандатами. Поскольку к тому времени Закавказский комиссариат уже утратил реальную власть, депутаты, избранные во Всероссийское учредительное собрание, 23 февраля 1918 года (после «разгона» большевиками 6 января Учредительного собрания) образовали в Тифлисе Закавказский сейм — представительный орган, объединивший Южный Кавказ. Число членов Заксейма доходило до 133 чел.⁵ Основными его политическими фракциями стали грузинские социал-демократы (меньшевики) — 32 депутата, армянская «Дашнакцутюн» — 27 и азербайджанская «Мусават», а также примыкавшая к последней группа — 30 депутатов⁶. Сейм сформировал Закавказское правительство во главе с Е.П. Гегечкори.

На деятельность и само существование этого правительства значительное влияние оказывали внешнеполитические факторы, представленные ведущими геополитическими «игроками»: странами Антанты с отделившейся Россией — с одной стороны, Турцией и Германией — с другой. Еще в конце 1917 года, после неудачи мирных переговоров России с Германией в Брест-Литовске, турецкие войска перешли в наступление и к началу января 1918-го заняли Карскую, Ардаганскую и Батумскую области. Это заставило Закавказское правительство обратиться с телеграммой о готовности начать мирные переговоры с Турцией к командующему Кавказским фронтом Вехиб Паше. Сейм принял программу переговоров, в которой требовал восстановления межгосударственной границы 1914 года. На переговоры были делегированы представители всех трех республик региона.

¹ См.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 7—8.

² Первая декларация Закавказского комиссариата. К народам Закавказья. В кн.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 8.

³ См.: Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920). Баку, 1998. С. 47 (на азерб. яз.).

⁴ См.: Агамалиева Н.А. О выборах в Учредительное собрание по Азербайджану // Известия АН Азербайджана, 1990, № 4. С. 22.

⁵ ГАППОД АР (Государственный архив политических партий и общественных движений), Доклад Харборду, ф. 277, оп. 2, д. 45, л. 31—32.

⁶ См.: Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. Баку, 1920. С. 3.

Однако вскоре Россия и Германия подписали в Брест-Литовске сепаратный мир, согласно которому Карс, Ардаган и Батум отходили к Турции. Заксейм направил в Петроград телеграмму с заявлением, что не признает Брестский договор, поскольку не признает советскую власть. Тем не менее Турция потребовала от Заксейма немедленной «очистки» этих трех городов. 14 марта 1918 года в Трабзоне (Трапезунде) открылась мирная конференция с участием Турции и Заксейма. Турки настаивали на соблюдении условий Брест-Литовского договора и отказывались признавать делегацию Заксейма в качестве юридического лица на переговорах, поскольку он не объявил себя независимым от России государственным образованием.

Мнения представителей Заксейма разделились⁷. Не было единства и в азербайджанской делегации. Так, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбеков считали, что Батум, в который по трубопроводу поступала нефть из Баку, следует сохранить в составе Закавказья. Протурецкая ориентация азербайджанских депутатов усилилась после событий в Баку 30 марта — 1 апреля. (Тогда под видом подавления якобы мусаватистского мятежа войска Бакинского совета рабочих депутатов при помощи дашнакских вооруженных формирований учинили резню азербайджанцев, в результате которой погибло более 12 тыс. чел.⁸) Азербайджанские депутаты Сейма потребовали оказать Баку военную помощь, что, однако, не увенчалось успехом. И 22 апреля после многочисленных заседаний под давлением азербайджанской фракции Заксейм принял резолюцию о провозглашении независимой Закавказской Демократической Федеративной Республики. Правительство Гегечкори подало в отставку, был утвержден новый состав правительства во главе с А. Чхенкели. Позицию грузинских меньшевиков выразил Н. Жордания: «Центр (Москва. — *И.Б.*) нас не может спасти, возлагать на него надежды — это значит строить иллюзии; и вот, пока не организуется центральная власть, необходимо создать местное правительство, которое под свою ответственность должно прибегнуть ко всем средствам для спасения Закавказья»⁹.

А 26 апреля правительство приняло декларацию, провозгласившую суверенность Закавказья и установление самых дружеских отношений со всеми государствами мира, в частности с теми, у которых имеются общие границы с регионом. Декларация также провозглашала равенство народов, населяющих край, равноправие с русским населением, справедливое территориальное размежевание народов Закавказья, прекращение войны, организацию обороны региона, борьбу с контрреволюцией и анархией¹⁰.

Однако относительно самостоятельное Закавказье просуществовало недолго. Новое правительство обратилось к Турции с предложением продолжить Трабзонские переговоры (они возобновились 11 мая, на сей раз в г. Батум). В качестве наблюдателей на конференции присутствовали представители Германии во главе с генералом Отто фон Лоссовым, вступившие, в свою очередь, в переговоры с грузинской стороной. Кроме того, немецкие войска под командованием генерала фон Кресса высадились в грузинском порту Поти с намерением занять территорию Грузии; турецкие же силы продолжали наступление и к середине мая взяли Александрополь. Мусаватисты стремились к союзу с Турцией, а грузинские меньшевики рассчитывали на Германию: между последней и Турцией существовал договор, согласно которому местности, оккупированные немцами, не могли быть заняты турками. Армению, оставшуюся верной Антанте и интересам России, не поддерживал никто. В сложившейся ситуации армяне надеялись лишь на восстановление России и на ее покровительство.

Под давлением представителей Германии грузинская делегация решила объявить о выходе Грузии из состава Закавказской Федеративной Республики и провозгласить не-

⁷ Госархив Азербайджанской Республики (ГААР), ф. 970, оп. 1, д. 7, л. 4.

⁸ ГААР, ф. 894, оп. 10, д. 148, л. 30.

⁹ Еңукидзе Д.Е. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 43.

зависимость. И 25 мая А. Церетели сделал заявление, в котором отметил, что закавказские народности не удалось объединить под лозунгом «независимости» и факт распада Закавказья уже налицо. При этом вину в деструкции Федерации грузины возложили на азербайджанскую фракцию — за ее якобы протурецкую ориентацию, что вызвало резкую реакцию этой фракции, которая считала эти обвинения бесосновательными, и, в свою очередь, обвинила грузин в стремлении к «обособленному политическому существованию».

Обретение независимости и межгосударственные противоречия

26 мая Сейм принял последнее решение: «Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружилось коренное расхождение между народами, создавшими Закавказскую независимую республику, и потом стало невозможным выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распада Закавказья и слагает свои полномочия»¹¹. Сразу же вслед за этим (также 26 мая), о своей независимости объявили Грузия и Азербайджан, а 28 мая — и Армения.

4 июня Турция, Грузия, Азербайджан и Армения подписали в г. Батум мирный договор, определявший пограничные линии между этими государствами, а 31 июля его ратифицировали на конференции в Стамбуле. Согласно этому документу, Турция присоединяла к себе Батумскую и Карскую области, Ахалкалакский и Ахалцихский уезды Тифлисской губернии, Сурмалинский уезд Эриванской губернии. Такая ситуация сохранялась до поражения Турции в Первой мировой войне.

Положение Азербайджана осложняла борьба между РСФСР, Германией и Турцией за бакинскую нефть. Если грузинская и армянская делегации обосновались в своих столицах, то азербайджанская (как и все правительство АДР) выехала в Гянджу, поскольку Баку находился во власти большевиков — так называемой «Бакинской коммуны». Только в середине сентября после многочисленных кровопролитных сражений правительство Азербайджана переехало в столицу.

В 1918—1920 годах национальные элиты всех государств Южного Кавказа предпринимали безуспешные попытки создать конфедерацию — на сей раз реализовать предложения победивших в мировой войне держав Антанты (особенно Англии). Поначалу страны Антанты, сохранявшие союз с белогвардейскими войсками, вообще не желали воспринимать республики региона в качестве независимых государственных образований. Так, 2 декабря командующий вооруженными силами Великобритании на Кавказе генерал Томсон сделал заявление, в котором говорилось: «Союзные державы, как равно и новое российское правительство в Уфе, с которым они действуют сообща, не признают никаких независимых образований, которые возникли в России... В их задачи входит восстановление от имени русской власти прежнего наместничества на Кавказе для облегчения восстановления политической и экономической жизни края...»¹²

По условиям Мудросского перемирия англичане заняли Батум и всю Закавказскую железную дорогу — от Черного до Каспийского моря, что, по словам У. Черчилля, означало обладание «одной из самых важных стратегических линий в мире»¹³. Эти высказывания позволяют говорить, что державы Антанты единое Закавказье интересовало не столько из солидарности с Уфимской директорией и Деникиным либо по соображениям целостности России, сколько в силу их собственных геостратегических и геоэкономических интересов. Однако и англичанам также не удалось добиться объединения республик

¹¹ Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1931. С. 100.

¹² Дни господства меньшевиков в Грузии. Тифлис, 1931. С. 39.

¹³ Цит. по: Енукидзе Д. Указ. соч. С. 136.

Южного Кавказа: основным препятствием здесь были территориальные споры. Учрежденная в Грузии Межевая комиссия под председательством И. Церетели предложила обозначить границы Грузинской республики с юга по Малому Кавказскому хребту до северного берега озера Гокча (Севан), а затем на север по р. Акстафе до ст. Дзегам (с включением Закатальского округа). Естественно, азербайджанская и армянская делегации выразили протест — переговоры были прерваны. Кроме того, после вывода турецких и германских войск с территорий между Грузией и Арменией начались «пограничные столкновения» в Лорийском районе, которые в начале декабря переросли в военные действия.

Война между Грузией и Арменией продолжалась до конца 1918 года и была прекращена лишь 31 декабря — под давлением английской и французской миссий¹⁴. Однако в Нагорном Карабахе отмечались постоянные военные столкновения между Арменией и Азербайджаном, несмотря на создание там генерал-губернаторства (в 1919 г.) во главе с Хосроф-беком Султановым и вхождение региона в состав АДР. Грузия продолжала претендовать на Закатальский округ, Национальный совет которого в 1918 году проголосовал за вхождение в Азербайджан и губернатором которого был назначен Гашимбеков. Правда, в этом случае до военных действий дело не дошло — возобладали экономические интересы, поскольку через Грузию проходил весь экспорт-импорт Азербайджана. Когда же армия Деникина заняла Дагестан и возникла реальная угроза, что она захватит Южный Кавказ, Азербайджан и Грузия подписали (27 июня 1919 г.) военный договор о совместной защите их государственных границ. Араратская (Армянская) республика, не желавшая присоединиться к какому-либо антироссийскому блоку, договор не подписала. Таким образом, разновекторная направленность внешнеполитической ориентации трех республик Южного Кавказа и на сей раз не позволила им интегрироваться в единое военнополитическое и экономическое пространство.

Советский эксперимент

В апреле 1920 года Красная Армия вошла в Азербайджан, в ноябре — в Армению, в феврале 1921-го — в Грузию. Но даже после установления советской власти на Карской конференции (1921 г.) было решено, что торговый договор с Турцией будут заключать не отдельные республики Закавказья, а объединенный Внешторг¹⁵.

Основная задача, которую Москва поставила перед новыми властями буквально в первые дни советизации Кавказа, — объединение в «одной общей коммунистической семье» на уровне региона, а затем вхождение всей его территории в образовавшийся в 1922 году СССР; особенно настаивал на этом В. Ленин. В связи с этим возник вопрос: с чего начинать? Пленум Бакинского совета принял решение об объединении Закавказских железных дорог, что Г.К. Орджоникидзе объяснял прежде всего следующими причинами: «Всем известно, что в Тифлисе находятся Главные железнодорожные мастерские, в Баку находится необходимое для промышленности, в частности для транспорта, топливо, в отстоящей в стороне Армении нет ни того, ни другого... Постановка вопроса иная; основное, что нужно помнить, это то, что тифлиские мастерские не могут существовать без бакинской нефти, Баку не может наладить транспорта без тифлиских мастерских, Армения не может существовать без помощи Азербайджана и Грузии»¹⁶.

Как до революции, так и во времена независимости схема управления Закавказскими железными дорогами между Баку и Тифлисом базировалась на одном принципе. Однако к окончанию Первой мировой войны и в результате боевых действий на границах

¹⁴ См.: Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932. С. 105.

¹⁵ См.: Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Ереван, 1956. С. 274.

¹⁶ Доклад на Кавказском совещании Коммунистического союза молодежи. Тифлис, 15 июля 1921.

эти коммуникации пришли в упадок. При катастрофическом положении в экономике и ухудшении состояния железных дорог единственным спасением для новой власти была концентрация управления всеми магистралями Кавказа с целью экономии материальных ресурсов и более рационального их использования. Это удалось реализовать до конца 1921 года.

Следующим не менее важным вопросом были внешнеторговые операции, которые до 1921 года каждая республика вела самостоятельно, на конкурентной основе, что не могло устраивать Советы, стремившиеся монополизировать эту крайне важную сферу экономики. К середине 1921 года Внешторги Азербайджана, Грузии и Армении объединили в «Союз Грузии, Азербайджана и Армении для внешней торговли» (Облвнешторг). Он находился в Тифлисе и управлялся Особой коллегией, назначенной по соглашению между правительствами трех республик.

Была образована и экономическая комиссия, цель которой — полное хозяйственное объединение закавказских республик.

В ответ на недовольство в обществе, вызванное слухами об угрозе восстановления старых губерний в границах царской России, было заявлено о полной независимости вновь образованных республик. На собрании тифлисской организации компартии Грузии (6 июля 1921 г.) И. Сталин отмечал: «Именно для того, чтобы рассеять атмосферу взаимного недоверия и восстановить узы братства между рабочими национальностей Закавказья и России — ...необходимо сохранить независимость как Грузии, так и Азербайджана и Армении. Это не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость взаимной хозяйственной и иной поддержки, так же как и необходимость объединения хозяйственных усилий независимых советских республик на началах добровольного соглашения, на началах конвенции»¹⁷.

То, за счет какой именно из трех республик осуществлялась «независимость» этих государств, И. Сталин проиллюстрировал весьма в большевистском духе: «...я узнал, что Грузия и Армения получают, оказывается, нефтяные продукты из Азербайджана безвозмездно — случай, немыслимый в жизни буржуазных государств, хотя бы и связанных пресловутым «сердечным соглашением» («Entente cordiale», т.е. Антанта. — *И.Б.*). Вряд ли нужно доказывать, что эти и подобные им акты не ослабляют, а укрепляют независимость этих государств»¹⁸.

Мысли, озвученные И. Сталиным в Грузии, совершенно не соответствовали выработанной им же в Москве известной концепции «автономизации», согласно которой национальные республики должны были войти в состав единого советского государства в виде автономных образований с прямым подчинением Центру. Многие современные российские историки (так называемые «государственники») считают, что И. Сталин был прав, протестуя по поводу либерализма В. Ленина, «лоббируемого национал-коммунистами окраин», и выступая против той «бестолково-громоздкой модели национально-государственных устройств», которую изобрел для России В. Ленин. Кроме того, по их мнению, реализация идеи автономизации явилась бы способом предотвращения национальной «атомизации» — расчленения России в ущерб ее политическому и экономическому единству¹⁹.

В декабре 1921 года Пленум Кавказского бюро ЦК РКП (б), а затем и Первый съезд коммунистических организаций Закавказья (февраль 1922 г.) постановили ускорить создание общеполитического объединенного центра Закавказья, без которого успешное возрождение его экономической мощи было невозможным. Съезд утвердил проект Союзного договора советских социалистических республик Закавказья (Азербайджана, Арме-

¹⁷ Правда Грузии, 13 июля 1921, № 108.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Политическая история. Россия, РСФСР, Российская федерация. Т. 2. М., 1996. С. 295.

нии и Грузии) и положение о Высшем экономическом совете. Там же был избран Закавказский краевой комитет РКП (б)²⁰.

На состоявшейся 12 марта 1922 года конференции представителей ЦИК трех республик был принят Союзный договор об образовании Федеративного Союза Советских Социалистических Республик Закавказья (ФСССРЗ). В этом документе отмечалось, что Социалистические Советские республики (Азербайджан, Грузия и Армения) вступают между собой в тесный военный, политический и экономический союз. В ведение Союзного совета были переданы армейские и финансовые дела, вопросы иностранной политики, внешней торговли, путей сообщения и связи, руководство экономической политикой и борьбой с контрреволюцией. Совет сформировал объединенные закавказские народные комиссариаты, урегулировал пограничные споры, вопросы пользования лесами, водами и пастбищами.

В то же время ЦК компартии Грузии, где большинство составляли так называемые «национал-уклонисты» во главе с Мдивани, принял резолюцию о преждевременности автономизации и сохранении всех атрибутов независимости. Тем не менее комиссия Оргбюро ЦК РКП (б) взяла за основу проект И. Сталина, отклонив резолюцию грузинского ЦК. Материалы комиссии направили В. Ленину, который сразу же по их прочтении встретился с И. Сталиным, С. Орджоникидзе, П. Мдивани, В. Думбадзе, К. Цинцадзе и др. Буквально на следующий день (26 сентября) В. Ленин написал письмо членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором, раскритиковав проект «автономизации», предложил принципиально новую основу создания союзного государства: добровольное вхождение всех независимых союзных республик, в том числе РСФСР, в Союз Советских Социалистических Республик (на основе их полного равноправия и суверенности). С учетом указаний В. Ленина И. Сталин переработал резолюцию комиссии Оргбюро ЦК, и 6 октября Пленум ЦК РКП (б) принял ленинский план формирования Союза ССР. Таким образом, нетрудно проследить непосредственное влияние позиции ЦК Грузии на последнюю редакцию проекта Союзного договора.

Но и на этот раз грузинские большевики остались недовольны тем, что Закавказье войдет в состав СССР в виде федерации. Группа П. Мдивани настаивала на самостоятельном вхождении каждой республики в Союз с предоставлением им реальной независимости, выступала против фактической монополизации всех экономических ресурсов федеральным Центром и считала излишними существование Закавказского союзного совета, а также введение закавказских дензнаков²¹.

В конечном счете разногласия привели к тому, что группа членов ЦК Компартии Грузии ушла в отставку; их позицию квалифицировали как «националистический уклон». Одновременно были отмечены допущенные Закрайкомом ошибки, выразившиеся в излишней централизации ряда отраслей хозяйственного и государственного строительства закавказских республик²². Таким образом, основные препятствия в вопросе образования Закфедерации устранили сугубо по-большевистски — волевым решением Центра.

10 декабря 1922 года в Баку вступительной речью Н. Нариманова начал свою работу Первый закавказский съезд Советов, который провозгласил создание Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР), единогласно принял ее Конституцию и избрал Закавказский ЦИК в составе 150 членов и 50 кандидатов. На своей первой сессии, состоявшейся в январе 1923 года, ЗакЦИК образовал Совнарком ЗСФСР, при котором был создан Высший экономический совет (ВЭС)²³. На Первом съезде была принята Конституция ЗСФСР, согласно положениям которой три республики

²⁰ См.: Первый закавказский съезд коммунистических организаций. Стенографический отчет. Тифлис, 1923. С. 100.

²¹ Архив Президента Грузии, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 2, л. 180.

²² См.: Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Баку, 1971. Часть 2. С. 50.

²³ См.: Первый закавказский съезд Советов. Стенографический отчет. Тифлис, 1923. С. 2.

объединялись на добровольных началах, причем каждая оставалась суверенным государством, имела свой Основной закон, соответствующий Конституциям ЗСФСР и СССР, а также сохраняла за собой право выхода из ЗСФСР. Последняя представляла собой новый тип отношений между советскими республиками. В отличие от РСФСР она строилась не на базе автономии, а на договорных отношениях трех равноправных и суверенных республик; фактически ЗСФСР стала первым этапом на пути создания СССР.

На X Всероссийском съезде Советов (30 декабря 1922 г.), проходившем в Кремле, полномочные делегации советских республик подписали Декларацию и Договор об образовании СССР. А вечером того же дня открылся Первый всесоюзный съезд Советов, избравший Центральный исполнительный комитет СССР. Председателями ЦИК СССР были избраны М. Калинин, Г. Петровский, Н. Нариманов и А. Червяков²⁴. Формально была провозглашена независимость республик — вплоть до возможности отделения.

Для упрочения региональных экономических связей большое значение имела денежная реформа, в результате которой для всех закавказских республик был установлен единый дензнак. Десятого января 1923 года был издан декрет о выпуске в обращение единого закавказского денежного знака (бонов). Однако через год была проведена еще одна денежная реформа, и в апреле 1924-го был опубликован декрет Закавказского ЦИК и СНК о введении на территории федерации общесоюзной твердой валюты, в связи с чем печатание и обращение закавказских дензнаков было прекращено²⁵.

На протяжении всего восстановительного периода бюджет ЗСФСР оставался дефицитным, а разница покрывалась из общесоюзного бюджета. Так, в январе 1925 года, по решению СНК СССР дополнительно ассигновали 900 тыс. рублей на строительство ЗАГЭС и Аджарисцхальской ГРЭС, 1 млн рублей — для финансирования работ на Алавердском руднике и пр.²⁶ Это означало, что существенную часть нефтяных доходов, поступавших в общесоюзный бюджет, фактически перераспределяли в пользу армянской и грузинской экономик.

Несмотря на провозглашение НЭП, приоритетным для руководства СССР направлением являлось постепенное вытеснение из экономики страны частного сектора. С этой целью в деревне началось повсеместное внедрение сельскохозяйственной кооперации. В ЗСФСР этот процесс охватил главным образом отрасли с растущей товарностью: хлопководство, виноградарство, плодоводство и огородничество, табаководство, шелководство и т.д. Основными задачами кооперативов считались кредитование и снабжение своих членов сельскохозяйственными орудиями производства, а также постепенное объединение единоличных крестьянских хозяйств в крупные кооперативные товарищества — прообразы будущих колхозов. Аналогичная картина наблюдалась и в оптовой торговле. Буквально за два года (с 1923 по 1925) доля частного сектора в общем торговом обороте республик Южного Кавказа уменьшилась с 54,6% до 24,2%, а оборот общественного сектора увеличился в три раза²⁷.

Одними из наиболее сложных задач были восстановление и национализация нефтяной промышленности. Путем гигантских усилий рабочих и нещадной эксплуатации углеводородных ресурсов Баку, отныне обеспечивавших весь Советский Союз, к 1925 году добыча нефти возросла до 4,6 млн т (63,4% от довоенного уровня), а в 1928—1929 годах — до 8,6 млн т, превысив добычу за 1913 год (7,25 млн т). Нефтеперерабатывающие предприятия выпускали все больше бензина, керосина, смазочных масел²⁸.

Огромное значение имел и железнодорожный транспорт. За короткий срок вошли в строй Джульфинская, Озургетская и Черноморская ветки. Была проведена большая ра-

²⁴ См.: Очерки... С. 55.

²⁵ См.: ЗСФСР. Обзор деятельности правительства. Тифлис, 1929. С. 113.

²⁶ См.: Очерки... С. 80.

²⁷ См.: 40 лет СССР и Закавказской Федерации. Баку, 1962. С. 189.

²⁸ См.: Очерки... С. 78.

бота по восстановлению Каспийского нефтеналивного флота. Увеличение объемов нефти, вывозимой за границу, вызвало необходимость прокладки мощного трубопровода Баку — Батум, позволившего в значительной степени разгрузить Закавказскую железную дорогу. Строительство нефтепровода завершилось к 1930 году, а его общая протяженность составила 822 км.

По советским статистическим данным, достоверность которых стали серьезно оспаривать уже в конце 1980-х годов (в частности, выполнение первых пятилетних планов), в 1925 году народное хозяйство Закавказья почти по всем отраслям достигло довоенного уровня, а по некоторым и превзошло его.

Что касается национального мира, то вопрос о нем был решен постановлениями Кавбюро и Съездов советов республик об образовании Нахчыванской автономной республики (1921 г.) и Нагорно-Карабахской автономной области (1923 г.) в составе Азербайджана; Абхазской ССР (с 1921 по 1931 гг.), затем АССР, Аджарской АССР (1921 г.) и Юго-Осетинской автономной области (1922 г.) в составе Грузии. Все перипетии обсуждений этих болезненных проблем — тема отдельного исследования, поэтому мы можем лишь констатировать, что данный вопрос на долгое время был «заморожен», а если имели место вспышки этнического сепаратизма, то они не носили массового характера и, конечно же, советский официоз их не афишировал.

Закавказская Федерация просуществовала до 1936 года, а затем была ликвидирована в связи с принятием новой Конституции СССР. Как говорилось в документах того времени, она сыграла свою историческую роль: помогла изжить межнациональную рознь и укрепить дружбу народов Закавказья. Теперь каждая республика Южного Кавказа самостоятельно вошла в состав Союза. Тем не менее имеющие приоритетное значение Объединенное железнодорожное управление и Объединенная закавказская энергосистема функционировали вплоть до распада СССР.

Вторая Закавказская Федерация, просуществовавшая в отличие от первой 14 лет, была объединением с возложенными на него четкими функциями, которые она в значительной мере выполнила. Созданная по инициативе нового советского имперского центра, Закфедерация фактически за счет Азербайджана «выровняла» несопоставимые до того времени экономические показатели трех республик. В какой-то степени она также маргинализовала местный национализм и, как бы ни камуфлировалась истинная цель этого объединения «вывеской» братской дружбы народов, возможной лишь при советском строе, Федерация фактически восстановила на новой основе региональную систему экономической и частично политической жизнедеятельности, существовавшую в царской России. Вместе с тем имелись и значительные различия, выразившиеся в определенном росте образовательного уровня населения, формировании политических элит, усилении национального самосознания и принятии в будущем национального языка в качестве второго государственного.

Постсоветский этносепаратизм и новые тенденции интеграции

Резкий рост национальных движений, вылившийся в этнические и межгосударственные конфликты, стал одним из главных катализаторов распада советской империи. Появление на Южном Кавказе нескольких очагов напряженности сделало практически невозможными не только региональные политические союзы, но и трехсторонние экономические взаимоотношения.

Тем не менее с первой половины 1990-х годов начала актуализироваться идея «Общекавказского дома», которую (вслед за народами Северного Кавказа) в 1992 году выд-

винул руководитель грузинского государства Э. Шеварднадзе. В ходе визита в Грузию президента Азербайджана Г. Алиева (март 1996 г.) в числе «двусторонних» документов был подписан «Манифест о мире, безопасности и сотрудничестве в Кавказском регионе», который называют Тбилисской декларацией²⁹. В 1997 году руководители Азербайджана, Грузии, Армении и России встретились в Кисловодске (РФ), где подписали декларацию «За мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе». Пакт о региональном взаимодействии был обсужден и на Стамбульском саммите (в ноябре 1999 г.).

Однако все эти документы мало что изменили в региональном масштабе — за исключением налаживания двусторонних контактов (Азербайджан — Грузия, Грузия — Армения). Идею регионального сотрудничества с большим энтузиазмом подхватил Запад, стремясь минимизировать здесь роль России. Новым фактором постсоветской действительности стала тема региональной безопасности Южного Кавказа, вынесенная на повестку дня странами Евросоюза и Соединенными Штатами. На международных форумах дебатировался перспективный проект Южно-кавказского сообщества в рамках федеративного государства, которое в перспективе сможет стать членом ЕС. По мнению западных и некоторых местных политологов, подобное объединение, предполагающее взаимное ограничение суверенитетов его стран-участниц, координацию, а также совместное обеспечение безопасности, будет способствовать достижению компромиссов и в конечном счете мирному разрешению конфликтов. Наличие же исторической ситуации, моделирующей современность, — возможность, достойная научного исследования и введения в круг наших представлений о лучшем будущем Южного Кавказа.

В отличие от своих зарубежных коллег многие азербайджанские исследователи смотрят на перспективы такой интеграции весьма пессимистично, мотивируя это тем, что сегодня народы Южного Кавказа находятся на той стадии пробуждения национального самосознания, которая была присуща странам Западной Европы в XIX веке. В связи с этим, по их мнению, страны региона еще далеки от интеграционных процессов, типичных с конца XX столетия для государств Западной Европы. Безусловно, один из главных факторов, объективно препятствующих данному процессу, — наличие на Южном Кавказе этнополитических и межгосударственных конфликтов, а старейший и самый острый из них — нагорно-карабахский.

Конечно, активное участие мирового сообщества и закономерности глобализации способны ускорить этот процесс. Однако пока наиболее тесное экономическое сотрудничество сложилось только между Грузией и Азербайджаном, которые задействованы в транснациональных проектах. Армения же — в силу непримиримой позиции, занятой ею в вопросе Нагорного Карабаха — фактически оказалась в стороне от глобальных региональных программ. Не явилось примером интеграционного сообщества и образованное на обломках бывшего СССР Содружество Независимых Государств. Среди его участников уже сформировались отдельные политические и военные блоки: ГУАМ, ЕврАзЕС, ОДКБ и пр.

За минувший период не претерпели существенных изменений и внешнеполитические ориентации, разве что приоритет Великобритании, Франции и Германии сменился доминированием США и Евросоюза. Совместные военные учения в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» вызывают напряженную реакцию в конфликтующих странах. В плане общественных связей наиболее существенные результаты пока дают лишь гуманитарные проекты, многие из которых базируются на коалиции неправительственных организаций.

²⁹ См.: Мальшева Д.Б. Проблемы безопасности на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 1 (13). С. 41—56.

З а к л ю ч е н и е

Анализ современных реалий, складывающихся на Южном Кавказе, показывает, что этнополитические проблемы региона постепенно меняют свой характер: становятся принципиально разрешимыми на основе принятых в современном мире норм правовой регуляции. Необходимое тому условие — достижение компромиссов, на которые стороны конфликтов пока не идут. Это касается не только нагорно-карабахского конфликта, но и абхазского, а также южно-осетинского, в последнее время поставивших Грузию на грань «холодной войны» с Россией.

При обострении чувства этнокультурной идентичности национальные идеи республик региона (в условиях их социализации, т.е. обеспечения социально-экономических прав граждан) способны выполнить интегративные функции. Однако, как показывает историческая практика, любое объединение, созданное под внешним давлением, рано или поздно обречено на провал. Лишь четкое осознание самими государствами Южного Кавказа целесообразности подобной интеграции (в какой бы форме она ни происходила) может обладать жизненным потенциалом и устойчиво развиваться.

Заур ГАСЫМОВ

*Магистр,
докторант Германского института Центральной и Восточной Европы,
Католический университет Айхштетт-Ингольштадт
(Айхштетт, Германия).*

АЗЕРБАЙДЖАН И ГРУЗИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ (1918—1921 ГГ.): ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Р е з ю м е

Если взглянуть на азербайджано-грузинские отношения в исторической перспективе, то они весьма напоминают отношения, сложившиеся в Центральной Европе между Венгрией и Польшей. Немцы называют это *Schicksalsgemeinschaft* — «сообщество на основе общей судьбы». Не связанные друг с другом ни по языку, ни этнически, эти два народа много столетий

живут в одном регионе и во многом разделяют один и тот же исторический опыт. А религиозные различия между ними свидетельствуют лишь о необычайном культурном разнообразии и богатстве Южного Кавказа. На протяжении двух столетий Азербайджан и Грузия входили в Российскую империю, позднее — в качестве союзных республик — в состав СССР. В 1918—1921

годах Баку и Тбилиси были столицами независимых государств. В данной статье рассматриваются проблемы становления Азербайджана и Грузии как самостоятельных государств в 1918 году, а также их сотрудничество в последующие годы в военном строитель-

стве и в сфере безопасности. Описывается военное сотрудничество между двумя вновь образованными независимыми странами, зажатыми между Россией и Турцией, — региональными державами, соперничавшими за господство на Южном Кавказе.

Историографические замечания

До 1991 года историю государств Южного Кавказа в период их независимости изучали главным образом на Западе. Вопросы национального и государственного строительства и этнического самоопределения в этом регионе в конце XIX — начале XX веков рассматривались в работах Ф. Казем-заде, Т. Светоховского¹, А. Альштадта, Р. Пайпса, Р. Суни, В. Цюрера² и Е.-М. Ауха. Весомый вклад в изучение периода 1918—1921 годов внесли эмигранты с Кавказа и кавказская интеллигенция. Особый интерес представляют работы А. Никурадзе³, Хилала Мюнши⁴, Мир-Якуба⁵, Ноя Жордания⁶ и Мамедамина Расул-заде: их авторы были живыми свидетелями истории, поскольку сами непосредственно участвовали в политических процессах в регионе. В годы советской оккупации Южного Кавказа азербайджанские и грузинские историки рассматривали период независимости 1918—1920/21 годов с точки зрения официальной коммунистической идеологии. Только в 1988—1989 годах появились первые научные статьи с попытками проанализировать недолгое существование независимых республик вне какого-либо идеологического контекста. В 1990 году азербайджанский историк Насиб Назиб-заде опубликовал одну из первых книг по истории Азербайджанской Демократической Республики (АДР)⁷. Через три года появилась работа его коллеги Камила Гасанлы (Гасанова), посвященная внешней политике АДР⁸. Многие грузинские историки — В. Гурули, А. Ментешашвили, Л. Урушадзе и другие — изучают историю независимой Грузинской Демократической Республики, обращая особое внимание на проблемы этнической политики в Грузии в начале XX века, на грузино-германские связи и т.д. В 2001-м под редакцией турецкого ученого Серпила Сюрмели была издана обстоятельная работа, посвященная грузино-турецким отношениям 1918—1921 годов⁹.

¹ См.: Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905—1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

² См.: Zürer W. Kaukasien 1918—1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

³ См.: Sanders A. (Nikuradze A.). Kaukasien. Nordkaukasien, Aserbaidschan, Armenien, Georgien. Geschichtlicher Umriss. München, 1944.

⁴ См.: Münschi H. Die Republik Aserbaidschan. Eine geschichtliche und politische Skizze. Berlin, 1930.

⁵ См.: Mir-Yacoub. Le Problème du Caucase. Paris, 1933.

⁶ См.: Жордания Н.Н. За два года (с 1 марта 1917-го — по 1 марта 1919-го). Доклады и речи. Тифлис, 1919; Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968.

⁷ См.: Nəsibzadə N. Azərbaycan demokratik respublikası. Məqalələr və sənədlər (Азербайджанская Демократическая Республика. Статьи и документы). Bakı, 1990.

⁸ См.: Həsənov C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində 1918—1920-ci illər (Азербайджан в системе международных отношений в 1918—1920). Bakı, 1993.

⁹ См.: Sürmeli S. Türk-Gürcü ilişkileri (1918—1921) (Турецко-грузинские отношения [1918—1921]). Ankara, 2001.

Период колониального господства царской России

Во второй половине XIX века Азербайджан и Грузия, подобно странам Центральной и Восточной Европы, переживали бурные процессы национального становления и самоутверждения. Одна из причин недовольства интеллигенции в колониях Южного Кавказа — подавление местных средств массовой информации и ликвидация национальных учебных заведений при Александре III. Тогда же весь регион превратился в источник природных ресурсов и энергоносителей. На Южный Кавказ переселялись десятки тысяч людей из западной части Российской империи. Территории Азербайджана и Грузии использовались как место ссылки политических противников режима и активистов национальных движений из европейской части России. И все же, несмотря на все препятствия, в среде грузинского дворянства и азербайджанского духовенства сформировалась кавказская интеллигенция как самостоятельная социальная группа. Такие ее представители, как И. Джавахишвили и И. Чавчавадзе в Грузии или М. Ахунд-заде (в русскоязычной литературе известен как Ахундов) в Азербайджане, стали героями национального просвещения и культурного самоутверждения. Они не только критиковали господствовавшие в то время социальные тенденции, но и поддерживали общественные инициативы по изучению и возрождению национального народного искусства и развитию образования.

К началу XX века благодаря наступившей в России относительной либерализации в Баку и в Тбилиси (особенно) сформировалась местная культура средств массовой информации. К тому же росло число школ, все больше выходцев с Кавказа получали возможность учиться в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, Одессы и Варшавы. Нефтяной бум в Баку и быстрое развитие Тбилиси содействовали «новой открытости» региона по отношению к Западу. В условиях масштабных преобразований в европейской части Российской империи после событий 1905 года значительная часть грузинской интеллигенции разделяла охватившие тогда страны Европы социалистические настроения. Такие ее представители, как Ной Жордания, Е. Гегечкори, А. Чхенкели, связывали с развитием социал-демократических идей в России надежды на относительную либерализацию. В Азербайджане многие национал-демократы (в том числе М. Расул-заде), сплотившиеся вокруг партии «Мусават», восприняли выборы в российскую Думу как возможность не только участвовать в политическом процессе, но и побудить власти империи внимательнее относиться к культурному развитию мусульман Кавказа.

У участников политического процесса на Кавказе было немало оснований для такого оптимизма. Российское государство ослабло, во многом в результате событий Первой мировой войны, и в 1917—1918 годах утрачивало контроль над своей периферией и колониями. В стране разгорелся глубочайший политический конфликт, переросший в Гражданскую войну между большевиками и белыми силами. Слабость России и перемены в геополитическом положении таких региональных держав, как Турция и Персия, а также многих европейских государств, прежде всего Германии и Великобритании, вынуждали Кавказ учиться мыслить в терминах внешней политики. Но общей региональной идентичности на Кавказе не возникло, что стало дестабилизирующим фактором, не позволявшим народам региона совместно и одинаковым образом реагировать на процессы, происходившие в нем и вокруг него. Большевизация России в 1917 году, поражение германо-турецкого союза в Первой мировой войне и процессы политического самоопределения на Южном Кавказе стали для азербайджанской и грузинской интеллигенции серьезным вызовом.

По сути, народы Кавказа боролись за национальную автономию и культурные права, но только в 1918 году они провозгласили свои собственные независимые государства:

социал-демократ Н. Жордания и мусаватист М. Расул-заде не представляли себе будущего в союзе с большевиками. После столетия общей жизни с Россией в апреле 1918 года народы региона отделились от нее и создали Закавказский сейм, призванный управлять федеративным объединением азербайджанцев, грузин и армян. Но уже через месяц, в конце мая, различия между этими народами в подходах к внешней политике, в приоритетах и внешнеполитических симпатиях обрекли Федерацию на развал.

Грузия и Азербайджан в мае 1918 года

В истории народов Кавказа май 1918 года стал эпохальным водоразделом: после векового российского господства они, наконец, добились национальной независимости. 26 мая Грузия провозгласила себя суверенным государством. Через два дня за ней последовали Азербайджан и Армения. В обстановке полного хаоса, царившего в регионе весной 1918-го, во внутривнутриполитической риторике этих стран преобладала радость в связи с окончанием российского господства и с появившимися надеждами на лучшее будущее¹⁰.

Обретением независимости в 1918 году и своей способностью создать более или менее дееспособные государства Грузия и Азербайджан были во многом обязаны социальным процессам в регионе в предшествующие десятилетия, при этом огромную роль сыграли формирование национальной интеллигенции и ряд других факторов.

В 1917—1918 годах (как и в 1989—1991 гг.) «мотором» движения за автономию, в итоге завершившегося провозглашением национальной независимости (1918 г.), была кавказская интеллигенция. Она стала своеобразным резервуаром, из которого пополнялись кадры политической элиты. Вот почему важно проанализировать ощущение угрозы для национальной независимости у лидеров национальных движений в Азербайджане и Грузии Мамедамина Расул-заде (1884—1955 гг.) и Ноя Жордания (1868—1953 гг.). Оба принадлежали к лучшим представителям образованного класса, не оторвавшимся от своих народов, и даже находясь в эмиграции продолжали решительно (в 1921—1922 гг.) выступать против большевистского режима.

Угрозы для независимости

Главную угрозу для себя Азербайджан и Грузия видели в Добровольческой армии бывшего царского генерала Деникина, сражавшегося за «единую и неделимую Россию», и в большевиках, укрепивших свою власть в Москве после октябрьского переворота 1917 года. Хотя В. Ленин и провозгласил право наций на самоопределение, большевики проявляли все большую нетерпимость к «мусаватистскому» Азербайджану и «меньшевистской» Грузии. Тбилиси и Баку в официальных политических кругах Москвы часто называли «агентами международного империализма», а в связи с тем, что в 1918 году большевики уже ощутили отсутствие бакинской нефти, то и активнее заговорили о возможности нового захвата Южного Кавказа. Провозглашение суверенитета государств Южного Кавказа, а также попытки М. Расул-заде и Н. Жордания проводить независимую внешнюю политику стали дополнительной угрозой большевистским планам будущей экспансии и установления «регионального порядка». В конце 1917 года большевики создали в России авторитарный режим, основанный на тоталитарной коммунистической идеологии. Азербайджан и Грузия, при всех их экономических трудностях и отсутствии опыта

¹⁰ См.: Жордания Н.Н. За два года... С. 98.

государственной бюрократии, не были авторитарными диктатурами. Таким образом, отношения между Москвой и столицами Южного Кавказа были отношениями автократически управляемой бывшей метрополии, готовящей перманентную мировую революцию, со слабыми демократическими государствами «в процессе становления». Это еще один существенный аспект азербайджано-российских и грузино-российских отношений в 1918—1920/21 годах. Такое положение дел создавало серьезную угрозу для демократических государств Южного Кавказа и сужало возможности их дипломатической активности.

Создание национальных армий

Азербайджан и Грузия возникли как государства на обломках периферии Российской империи и оказались на периферии Восточной Европы. С 1918 года этим молодым республикам приходилось прокладывать собственный курс в системе международных отношений, которые для них были поистине «иностранными». Главной дипломатической задачей Тбилиси и Гянджи¹¹ было установление отношений с обоими военными блоками — и Антантой, и странами германо-турецкого союза. Но в то же время им необходимо было решать тяжелейшие экономические проблемы, укреплять национальный суверенитет и добиться признания великих держав. Новые государства формировались в условиях непрекращающихся военных конфликтов, острых споров о границах и постоянной угрозы, исходившей от большевиков. Правительства этих республик стремились создать национальные армии, способные отстоять их государственность и защитить население своих стран.

С точки зрения городского развития и инфраструктуры государств Южного Кавказа на более высоком уровне была Грузия, столица которой, Тбилиси, в начале XIX века стала политическим центром региона. Грузины могли получать военное образование в России, их призывали на службу в царскую армию, так что стартовые условия для строительства армии у Грузии были значительно лучше, чем у Азербайджана. Как представители мусульманской нации азербайджанцы (за редким исключением) не имели возможности получить высшее военное образование в российских учебных заведениях¹². Грузия с помощью Германии смогла создать ряд военных школ для подготовки офицерского корпуса. Азербайджан же страдал от полного отсутствия офицеров, хотя в 1918 году в Гяндже было открыто азербайджано-турецкое военное училище¹³.

«Формирование грузинской армии началось еще во время существования Комиссариата, до провозглашения грузинского государства», — пишет в мемуарах Ной Жордания. — Закавказскому государству нужны были вооруженные силы, состоящие из представителей трех народов и руководимые объединенным Генеральным штабом»¹⁴. Руко-

¹¹ Азербайджанская Демократическая Республика была провозглашена 28 мая 1918 года в Тбилиси. Первым местом пребывания азербайджанского правительства стала Гянджа (Западный Азербайджан). В Баку азербайджанские власти переехали в сентябре 1918-го, после того как город освободили от большевиков.

¹² Американский историк Тадеуш Светоховский писал, что лишь ничтожное число азербайджанцев имело возможность получить в России военное образование. В их число входили военный министр Азербайджанской Демократической Республики генерал Мехмандаров и немногие другие. По утверждению азербайджанского историка-эмигранта Хилала Мюнши, азербайджанцы никогда не служили в российской армии. С ним согласен и современный азербайджанский историк Насиб Насиб-заде, объясняющий этот факт малым доверием царских властей к солдатам-мусульманам и слабостью Ирана, который в конце XIX — начале XX веков не представлял угрозы для России и не заставлял ее заботиться об укреплении границы. Другими словами, можно утверждать, что офицер-азербайджанец в царской России был редкостью и военная элита азербайджанского происхождения, о которой стоило бы говорить, не могла тогда появиться.

¹³ См.: Zürner W. Op. cit. P. 158.

¹⁴ Жордания Н. Моя жизнь. С. 92.

водители Грузии всеми силами стремились сохранить единство Южного Кавказа в рамках общего государства, имеющего свою сильную армию. Ной Жордания отклонил идею формирования воинских частей на национальной основе, поддержав строительство армии, «набираемой по территориальному принципу»¹⁵. На сессии Закавказского сейма (24 марта 1918 г.) за этот принцип проголосовало большинство депутатов. На той же сессии обсуждалась и проблема прохождения воинской службы всеми жителями региона. Однако жизнь Федерации Азербайджана, Грузии и Армении оказалась недолгой.

Провозгласив 26 мая 1918 года независимость Грузии, ее Национальный совет 2 июня принял решение о создании Национальной гвардии. Ной Жордания подчеркнул, что наличие такой гвардии — временная мера, которая подлежит отмене после установления мира. Он возражал против формирования регулярной армии в демократическом государстве и вместо нее намеревался организовать народную милицию¹⁶. Но в 1918 году формирование Национальной гвардии выглядело в глазах грузинских руководителей единственно возможным решением проблемы безопасности. Грузинских солдат, служивших в царской армии и возвратившихся с полей Первой мировой войны, нельзя было привлекать к службе в этой армии Грузии: слишком сильно было в российских войсках влияние большевистской пропаганды. Жордания пишет, что «они (солдаты. — З.Г.) были уже не нашими»¹⁷.

Таким образом, Грузия смогла не только создать относительно сильные вооруженные силы, но и помочь процессу армейского строительства в соседнем Азербайджане, отразить армянское наступление в Южной Грузии в декабре 1918 года и оказать вооруженное сопротивление большевистской экспансии. Вооруженное сопротивление большевикам продолжалось в Грузии даже после оккупации страны в 1921—1924 годах. В Грузии, как и в Азербайджане, выдающаяся роль принадлежала офицерам прежнего режима. В числе выдающихся бойцов национального партизанского движения, пишет грузинский историк Леван Д. Урушадзе, были генералы Котэ Абхазы и Нестор Гардапхадзе, полковник Какуца Чолокашвили¹⁸. Можно лишь гадать, было бы вооруженное сопротивление Грузии более успешным, если бы не двойственность позиций ее руководства в отношении строительства вооруженных сил. Как уже упоминалось, Ной Жордания был сторонником идеи Национальной гвардии, которая в мирное время не могла сосуществовать с регулярной армией. Таким образом, он придавал основное значение частям ополчения, а не профессиональным вооруженным силам.

Как мы уже отмечали, у азербайджанцев в царской России не было почти никакого опыта военной службы. Когда в мае 1918 года было провозглашено азербайджанское государство, у него было лишь одно воинское подразделение численностью приблизительно в 600 солдат. Вскоре, 4 июня, правительство республики подписало Договор о мире и дружбе с Турцией, которая должна была предоставить Азербайджану военную помощь¹⁹. Летом при помощи Турции был сформирован Особый азербайджанский корпус²⁰. Но даже первые выпускники созданной в Гяндже военной школы в конце 1918 года не могли компенсировать дефицит профессиональных офицеров.

Власти республики были озабочены организацией воинских частей, способных защитить ее территориальную целостность. В 1919 году на решение этой задачи было ассигновано 24% государственного бюджета, и, как отмечает историк Н. Насиб-заде, «военный министр генерал Мехмандаров писал, что большую часть средств государства нужно

¹⁵ Жордания Н.Н. За два года... С. 70.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ Жордания Н. Моя жизнь. С. 92.

¹⁸ См.: *Urushadze L.D. Democratic Republic of Georgia (1918—1921) / Ed. by Paata Bukhrashvili* [http://www.geocities.com/levan_urushadze_98/DRG.doc], 3 November 2006.

¹⁹ См.: *Мустафазаде Р.* Две республики. Азербайджано-российские отношения 1918—1920 гг. М., 2006. С. 36.

²⁰ См.: *Nasibzade N.* Op. cit. P. 56—57.

выделить на нужды национальной армии по примеру Грузии, готовой предоставить на нужды армии 60% своего бюджета»²¹. Согласно официальным документам азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции в 1919 году, «военное министерство располагало хорошо организованной армией из 50 000 солдат»²².

После того как вопросы набора в армию были в той или иной мере решены, острой проблемой на протяжении всех 23 месяцев существования Азербайджанской Республики оставалась потребность в профессиональных офицерских кадрах. Властям приходилось принимать на службу бывших царских военспецов, на чью лояльность по отношению к АДР нельзя было слишком полагаться. Офицерский корпус страны в значительной степени состоял из турецких военнослужащих, чья лояльность зависела от перемен в турецко-советских отношениях, и из нескольких генералов-азербайджанцев, получивших подготовку в царских военных учебных заведениях.

Азербайджано-грузинское военное соглашение 1919 года

Стремление Азербайджана и Грузии добиться международных гарантий своего суверенитета уже в момент провозглашения независимости поддержали многие европейские и региональные государства. Политические процессы на Южном Кавказе во многом определялись тогда грузинскими симпатиями к Германии и к азербайджано-турецкому союзу²³. Хотя мнения Берлина и Стамбула по многим аспектам кавказских дел различались, в одном вопросе о будущем Кавказа они были едины: этот регион, по их мнению, должен оставаться вне сферы влияния России. Центральным персонажем в налаживании тесного сотрудничества между Азербайджаном и Грузией выступала Германия, вместе с Турцией во многом способствовавшая строительству армии и развитию военной инфраструктуры в странах региона.

Баку и Тбилиси обменялись дипломатическими представительствами и с первых же месяцев после провозглашения независимости понимали, насколько важна для них взаимная поддержка. Оба государства считали себя заложниками политического конфликта в России. После того, как Германия и Турция потерпели поражение в Первой мировой войне и вынуждены были вывести свои войска из региона, Грузия и Азербайджан почувствовали себя брошенными на произвол судьбы, могли рассчитывать только на собственные силы, включая успехи, достигнутые ими в первый год независимости.

В 1919 году Азербайджан и Грузия заключили соглашение о сотрудничестве в военной области. Документ, названный «Военным соглашением», они подписали в Тбилиси 16 июня 1919 года, а уже 27 июня его ратифицировал азербайджанский парламент²⁴. В делегацию Грузии на этих переговорах входили министр иностранных дел Е. Гегечкори, министр внутренних дел и военный министр М. Рамишвили, генерал Гедеванов и генерал Одишелидзе. Азербайджанскую сторону представляли министр иностранных дел М. Джафаров, военный министр генерал Мехмандаров, начальник Генерального штаба генерал Сулкевич. «Принимая во внимание опасность для независимости республик Южного Кавказа», обе делегации пришли к соглашению по нескольким аспектам будущего сотрудничества и по совместной демаркации азербайджано-грузин-

²¹ Там же. С. 60.

²² La Republique de l'Azerbeidjan du Caucase. Paris, 1919. P. 26.

²³ См.: Sanders A. Op. cit. S. 304.

²⁴ См.: Мустафазаде Р. Указ. соч. С. 70.

ской границы. Военное соглашение, подписанное С. Мехмандаровым и Е. Гегечкори, носило явно выраженный оборонительный характер и было заключено на три года. Взаимная помощь с использованием вооруженных сил предусматривалась лишь в том случае, если одна из сторон соглашения подвергнется нападению третьей страны²⁵. Грузия взяла на себя обязательство помогать Азербайджану в строительстве армии и подготовке офицерских кадров, а азербайджанская сторона — обеспечивать Грузию нефтью и нефтепродуктами²⁶.

Азербайджанский историк Камил Гасанлы отмечает, что в дополнение к Военному соглашению Тбилиси и Баку подписали Соглашение о техническом сотрудничестве. В результате этих переговоров, в частности, был учрежден Азербайджано-грузинский военный совет, в который вошли высшие представители военных министерств обеих стран: генерал Шихлинский, генерал Сулкевич, генерал Кателадзе и генерал Одишелидзе²⁷.

З а к л ю ч е н и е

Азербайджанская армия, развернутая в западной части страны, не смогла оказать Советам должное сопротивление. Генералы надеялись, что сближение с большевиками позволит им сохранить широкую автономию. Да и кемалистская Турция — самый близкий союзник республики — с 1919 года сотрудничала с коммунистической Россией и не желала поддерживать независимость Азербайджана²⁸. Его падение рассеяло иллюзии относительно возможностей военного соглашения между Тбилиси и Баку, в огромной степени усилив позиции большевиков на Южном Кавказе.

Ни азербайджано-грузинское военное сотрудничество, ни дипломатические достижения обоих государств не помогли им избежать оккупации их стран большевиками. 28 апреля 1920 года Красная Армия вторглась в Азербайджан, а 25 февраля 1921-го силы большевиков заняли столицу Грузии Тбилиси. Второе завоевание Южного Кавказа началось с падения Азербайджана и завершилось захватом Красной Армией Тбилиси. Основная часть грузинских и азербайджанских политических деятелей и интеллигенции предпочла эмигрировать, чтобы избежать физического уничтожения в случае отказа сотрудничать с коммунистическими властями.

В мае 1920 года большевики подавили антисоветское восстание в Гяндже. В 1924-м части Красной Армии жестоко «умиротворили» восстание против коммунистов в Грузии. И в Грузии, и в Азербайджане ведущую роль в организации антисоветского сопротивления играли представители офицерского корпуса прежних армий²⁹. А два недавних лидера этих республик, М. Расул-заде и Н. Жордания, в 1920—1930-х годах продолжали политическую деятельность во Франции, Польше и Германии. В качестве средств борьбы они и многие другие политические деятели, покинувшие родину, могли использовать сплочение эмигрантского сообщества, организацию встреч и публикаций по проблемам Кавказа, критиковать политику коммунистов в Кавказском регионе.

Национальные армии Азербайджана и Грузии возникли в процессе государственного строительства, начатого интеллигенцией и политическими деятелями Кавказа. Плохо оснащенные вооруженные силы и малоопытные армейские элиты Грузии и Азербайджана оставались самым слабым и уязвимым звеном всей государственной системы новых республик. За короткий период своей независимости эти страны не успели сформировать

²⁵ См.: La première république musulmane: l'Azerbeïdjan. *Revue du monde musulman* (Paris), 1919. P. 42—44.

²⁶ См.: *Sürmeli S.* Op. cit. P. 458—459.

²⁷ См.: *Həsənov C.* Указ. соч. С. 220.

²⁸ См.: *Swietochowski T.* Op. cit. P. 175—177.

²⁹ См.: *Зейналов Р.* Военное строительство в Азербайджанской Республике. 1920 — июнь 1941 г. Баку, 1990. С. 21.

новые элиты. И огромную роль в падении обоих государств сыграла не только неадекватная подготовка и оснащённость их сухопутных войск, но и идеологическая слабость руководства вооружённых сил. Будучи демократическими государствами, Азербайджан и Грузия не сумели запретить на своих территориях деятельность местных коммунистов, подрывавших новые республики изнутри. Однако, будь даже сотрудничество между Баку и Тбилиси в военной сфере и в сфере безопасности крепче, а их национальные армии более профессиональными, — вряд ли это помогло бы защитить независимость обеих молодых независимых стран. Перед лицом большевистской России, боровшейся за бакинскую нефть и за контроль над Большим Кавказом — горной цепью, соединяющей берега Чёрного моря и Каспия, в начале 1920-х годов эти государства практически не имели шансов защитить свою независимость без серьёзной поддержки со стороны Европы.

Гудиса ВАРДАНИЯ

*Кандидат исторических наук,
доцент Абхазского государственного университета,
руководитель проектов Абхазского центра исследования
национальных интересов и стратегических проблем
(Сухуми, Абхазия).*

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ (АБХАЗЫ И АДЫГИ)

Резюме

В статье рассматривается ряд вопросов и поныне жгучих для кавказских народов, связанных с формированием кавказской диаспоры (абхазы и адыги), с перипетиями многолетней войны между Россией и Кавказом, а также с массовой депортацией кавказцев и трудностями их интеграции в османско-турецкое общество.

Начало формирования

Формирование кавказской диаспоры началось задолго до массового выселения горцев (середина XIX в.). По свидетельству Прокопия Кесарийского (VI в.), абхазские правители поставляли византийскому двору самых красивых юношей. А близких родственников тех, кого продавали в рабство, уничтожали в страхе перед возможной мстью¹. Такой «бизнес» разрушительно воздействовал на генофонд и служил своеобразным регу-

---

¹ См.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950. С. 383.

лятором роста численности населения на сравнительно небольшой территории, зажатой между горами и морем.

Приток значительного количества рабов с черноморского побережья Кавказа не мог не повлиять на общественно-политическую и культурную жизнь Византии, Египта, а затем и Турции². Так, в Византийской империи многие выходцы из Абхазии занимали высокие посты в государственной и военной иерархии³. Например, личная охрана императора Юстиниана состояла из абхазских лучников⁴.

Другим источником формирования диаспоры было насильственное выселение больших групп населения, практиковавшееся в различные периоды иноземными завоевателями. По сообщению историка Ат-Табари, жившего при правителе Ирана Хосрове, в середине VI века в Южный Азербайджан переселили аланов и абхазов... Во времена монгольского завоевания Кавказа в Китай переселили около 100 тыс. аланов-асов. Ханскую гвардию формировали из тысячи аланских всадников. По свидетельству католических миссионеров, еще в XIV веке аланы сохраняли христианскую веру и при необходимости могли выставить до 30 тыс. воинов. В XIII веке несколько десятков тысяч аланов-асов попали в Венгрию, где их потомки проживают и по сей день в Ясшаге (до 100 тыс. чел.) по соседству с кунами — потомками половцев⁵.

С падением Константинополя (в 1453 г.) и образованием Османской империи начался новый этап формирования кавказской диаспоры. Впрочем, ее источниками оставались в основном те же насильственное выселение, работоторговля, эмиграция по личным мотивам определенных групп людей в Стамбул, а также в другие города Малой Азии и Ближнего Востока.

Османская империя, считавшая себя естественной правопреемницей Византии, проводила предельно агрессивную внешнюю политику. В XVI—XVII веках ее успешной военной экспансии способствовали благоприятные условия на международной арене и весомый военно-экономический потенциал молодой государственности. Одна из важнейших целей этой политики — превращение Черного моря во внутреннее море империи. Но могли ли османы этого добиться? Оказалось, что легче завоевать огромную территорию (от Ирана до Марокко), нежели покорить горцев Кавказа.

Следует отметить, что во главе Османского государства оказалось немало реалистично мыслящих политиков. Стамбул все же сумел решить первую половину задачи: не ввязываясь в изнурительную войну с горцами и укрепляя немногочисленные прибрежные крепости, сделать Черное море своим «внутренним озером». Проникновение же на Кавказ носило в большей степени идеологический и торговый характер. При этом отношения между горцами и Османской империей изначально были стабильными, а по мере отхода Стамбула от политики военной экспансии становились даже добрососедскими и взаимовыгодными.

В результате такого «компромисса» горцы получили выход в другие страны и наладили торговлю. Но любое поползновение османов к расширению сферы своего влияния в Абхазии или в других регионах Западного Кавказа сталкивалось с вооруженным сопротивлением. По этому поводу Т. Лапинский писал: «Вдоль берега Черного моря — в Анапе, Суджукке и Сухум-Кале в фортах находились турецкие гарнизоны, которые, однако, не

² См.: Челеби Э. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. III. М., 1983. С. 50—52.

³ Влияние выходцев с Кавказа при византийском дворе было выражено, на наш взгляд, не столь явно, как в последующем, при дворе османских султанов. А. Тойнби в главе «Проблема роста цивилизаций» своего классического труда «Постижение истории» отмечал, что значимость «инородцев» в Османской империи была обусловлена спецификой этого государства, где власть султана опиралась в первую очередь на «рабов» и ими поддерживалась. «Рабы» не были связаны ни с какими классами и не имели никаких корней внутри государства. И, в известном смысле, это было государство «рабов».

⁴ См.: Жузе П. Грузия в XVII столетии (по изображению Патриарха Макария). Казань, 1905. С. 11.

⁵ См.: Гожба Р. Кавказская диаспора // Эхо Кавказа, 1993, № 3. С. 10.

могли выйти на расстояние получаса ходьбы за пределы крепости без того, чтобы не быть задержанными базами»⁶.

Наглядным примером тому, что горцы никогда не признавали над собой власти иноземцев, может служить приведенный Ф.Ф. Торнау диалог одного шапсуга с русским генералом Раевским. На вопрос, что нужно русским от них, генерал объяснил, что по Адрианопольскому договору Турция уступила России Кавказ. «А! Теперь понимаю, — отвечал шапсуг и, указав Раевскому на птичку, сидевшую на ближнем дереве, добавил: Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее — она твоя»⁷.

Такое сосуществование османских гарнизонов и горцев нередко сопровождалось вооруженными столкновениями⁸. Например, в XVIII веке попытки Стамбула расширить позиции в регионе вызвали крупные вооруженные выступления абхазов (в 1725, 1728, 1771 гг.). По сведениям Г.А. Дзидзария, после каждого такого неудачного выступления часть населения Абхазии выселяли. Кроме того, было еще два достаточно массовых переселения — в 1690 и 1760 годах⁹, однако достоверная информация о них может содержаться лишь в турецких архивах, пока недоступных. В «Книге путешествий» Эвлии Челеби говорится, что в Топхане (квартал в Стамбуле) было очень много абхазов: «Абхазы посылают своих детей... на родину, где они воспитываются в традициях страны»¹⁰. Но из свидетельства Челеби не ясно, когда и при каких обстоятельствах появилась эта колония.

Подводя итог византийско-арабскому и турецкому этапам, необходимо обратить внимание на следующее. Полуторатысячелетний период естественного или насильственного оттока населения с Кавказа, огромный вклад горцев в военно-политическую и культурную жизнь Византии, Египта, Турции не привели к формированию кавказской диаспоры как таковой. Горцы ассимилировались в иноязычной и инокультурной среде. Для формирования устойчивой диаспоры необходим массовый исход. Именно такой исход был в XIX веке.

Тень Кавказской войны между Россией и Кавказом

Конец XVIII века и весь XIX век — черная страница в истории народов Северного Кавказа, многие из них оказались на грани полного исчезновения. Развязав Кавказскую войну, Россия стала причиной насильственного исхода населения в Турцию, известного в истории как «махаджирство»¹¹. Кавказовед А.Н. Генко писал о том, как махаджирство отразилось на судьбе адыгов (черкесов), убыхов и абхазов, которые «оказались после выселения или совсем не представленными в числе народностей Кавказа, или же сохранили немногие обломки некогда многочисленных и богатых поселений... В отличие от остальных частей Кавказа... Северо-Западный Кавказ изменил в течение нескольких лет эмиграции и последовавшей за ней иммиграции разноплеменных ко-

⁶ Лапинский Т. (*Теффик-бей*). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Пер. с нем. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 203.

⁷ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. С. 5.

⁸ Я сознательно избегаю общепринятого понятия «восстание», так как оно не отражает реальных событий. Восстание предполагает гнет завоевателей, которого применительно к горцам Кавказа вообще и к абхамам в частности не было.

⁹ См.: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 3.

¹⁰ Челеби Э. Книга путешествий. Стамбул, 1896—1897. С. 446.

¹¹ «Махаджирство» происходит от арабского «мухаджерет» и означает «переселение, эмиграция»; слово «махаджир» часто переводят и как «изгнанник».

лонистов до совершенной неузнаваемости свой этнический облик»¹². Махаджирство затронуло также чеченцев, дагестанцев, осетин, ногайцев и другие кавказские народы. «Кавказская миграция — беспрецедентный случай в истории человечества за последние двести лет (сравнимый разве что с Великим исходом евреев из Египта), когда в результате войны один народ — адыги (современные черкесы, кабардинцы и адыгейцы) — был выселен почти полностью (около 90% населения), а другие — частично»¹³.

Объективные и особенно субъективные факторы вносили существенную корректировку во внешнюю политику России на Кавказе, придавая ей черты чрезвычайной агрессии, зачастую низводившие ее до уровня жестоких восточных завоевателей.

Уже со второй половины XVIII века Северный Кавказ становится ареной борьбы между Россией и Османской империей. «Дипломатические конфликты, военные действия во время четырех русско-турецких войн, условия мирных договоров имели непосредственное отношение к западным адыгам, влияли на их судьбы», — пишет в своей статье Т.М. Феофилактова¹⁴. На наш взгляд, правильно было бы экстраполировать эту мысль на весь Кавказ, так как эти войны в той или иной степени затрагивали интересы практически всех его народов. В столь сложной обстановке перед горцами стояла перспектива обретения полной юридической независимости или сохранения статус-кво, то есть фактической независимости. Этим и объясняется постоянное лавирование черкесских, абхазских и других правителей между Османской империей и Россией. Классическим примером здесь может служить внешнеполитическая деятельность владетельного князя Абхазии Келешбея Чачба (Шервашидзе). Его правление можно охарактеризовать как осознанную, целенаправленную и планомерную защиту интересов Абхазии, для чего он использовал российско-османские противоречия. Но его успешная политика — лишь единственный случай на отдельном историческом отрезке.

Пусковым механизмом Кавказской войны стали подписание Георгиевского трактата Россией и Картли-Кахетинским царством (1783 г.), превращавшего последнего в вассала России, и поглощение соответствующих княжеств по манифесту Александра I от 11 сентября 1801 года. Получив плацдарм в Закавказье, Россия использовала его как своеобразную наковальню, на которую был помещен Кавказ. Отмечая значение присоединения Восточной Грузии к России, видный абхазский историк Г.А. Дзидзария писал, что этот акт «предопределял дальнейшую судьбу не только... Грузии, но и всего Закавказья, имел далеко идущие последствия вообще для народов Кавказа... Отныне политика России на Кавказе состояла в обеспечении выхода к Черному и Каспийскому морям. Было совершенно очевидно, что без устройства на побережье Закавказья гаваней для причала судов своих флотилий Россия не только не могла успешно развивать свою политику на Ближнем Востоке, но и сохранить только что присоединенную Восточную Грузию»¹⁵.

Начало Кавказской войны ознаменовалось истреблением ногайцев в 1783 году, проведенным А.В. Суворовым, и массовым их выселением. Депортация ногайцев, которые были естественным буфером между Россией и горцами Кавказа, «открывала дорогу царским войскам в горы Северного Кавказа, облегчала покорение здешних народов»¹⁶.

После Адрианопольского мира царское правительство приступило к разработке широкого плана покорения горцев, которым предусматривалась серия военных экспедиций. Согласно Адрианопольскому договору, России, по существу, передавали не власть

¹² Генко А.Н. О языке убыхов // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1928. С. 227.

¹³ Будищева Ф. Проблемы изучения культуры черкесского зарубежья. В кн.: Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 199.

¹⁴ См.: Феофилактова Т.М. Западные адыги в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв. В кн.: Кавказская война: уроки истории и современность. С. 279.

¹⁵ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 31.

¹⁶ Курейтов Р.Х. К истории участия ногайцев в Кавказской войне. В кн.: Кавказская война: уроки истории и современность. С. 90.

над западными адыгами, которой Турция и не имела, а право на их завоевание. Получив его, царизм начал Кавказскую войну.

Бесполезно объяснять (а это пытаются делать некоторые историки) действия России, которая со второй половины XVIII века вела необъявленную войну против горцев Кавказа, тем, что «до Адрианопольского мира 1829 года адыги в международной юридической практике считались подданными Османской империи, несмотря на то что сами себя таковыми не признавали»¹⁷. В таком случае автоматически возникает вопрос: если Кавказ являлся частью Турции, то военные действия России должны были быть направлены против нее. Но, как мы знаем, в 1817—1827 годах такой войны не было, что наглядно свидетельствует о международно-правовом статусе горцев Кавказа — свободных де-юре и де-факто.

Кавказская война не завершилась и не могла завершиться парадом русских войск в 1864 году, а продолжалась уже в виде перманентных восстаний (1864, 1865, 1866, 1875, 1877, 1878... гг.) и следовавших за ними принудительных выселений коренного населения за пределы исторической родины, в том числе в Османскую империю.

Не останавливаясь на перипетиях войны, попытаемся подвести ее итоги и выделить некоторые причины поражения горцев, на которое они были обречены изначально. Огромному военно-экономическому потенциалу, обеспечившему армии России подавляющее превосходство в живой силе и технической оснащенности, горцы могли противопоставить лишь индивидуальный героизм, и фатальной для них развязка была лишь делом времени. Поразительно, что при таких «непропорциональных» соотношениях горцы сопротивлялись так долго, иногда перехватывая инициативу и нанося ощутимые удары российской армии.

Из многих причин, оказавших влияние на результат Кавказской войны, следует выделить разобщенность горцев. Шамиль так и не смог объединить всех горцев Кавказа для оказания сопротивления агрессии. Их разобщенность доходила до того, что даже в периоды наиболее жестоких боев с Россией они успевали вести междоусобные столкновения¹⁸. Кавказ не стал единым военным лагерем, сопротивление (по мере необходимости) оказывали отдельные племена или даже аулы. Раскол среди горцев проявлялся и в том, что многие из них участвовали в войне на стороне российской армии¹⁹. В то же время было немало случаев перехода солдат и казаков на сторону горцев. Примером тому может служить судьба сотника Атарщикова, бежавшего к абадзехам, а затем обратившегося ко всем солдатам и офицерам царских войск. В своем воззвании он призывал «идти к нему», сообщая, что он для всех «выпросил право вольности за Лабу»²⁰. Однако массовому переходу солдат препятствовали сами горцы своими неразумными действиями: за определенную плату они возвращали беглецов (срабатывал «менталитет работоторговцев», заслонявший сознание ранее разумных людей). Ценой невероятных усилий, расстрелов и не без помощи самих горцев российскому командованию удавалось пресекать переход солдат на сторону противника²¹.

Русские солдаты, казаки и те, против кого они воевали — народы Северного Кавказа, — были в одном положении, все — в одной лодке. Можно ли считать завоевателем русского солдата? Что он имел от «покорения» Кавказа? Но ожесточение было таково, что тень Кавказской войны надолго пролегла между горами и Россией.

¹⁷ Матвеев О.В. К проблеме терминологии и периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе. В кн.: Кавказская война: уроки истории и современность. С. 138.

¹⁸ См.: Званба С. Зимние походы убыхов в Абхазию // Кавказ, 1852, № 33.

¹⁹ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 180.

²⁰ Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII — первая половина XIX в.). В кн.: Кавказская война: уроки истории и современность. С. 20.

²¹ См.: Латинский Т. (Тэффик-бей). Указ. соч. С. 144—155.

Невыполнимые условия России и идея «рационального» использования махаджиров в Турции

По мере приближения развязки все актуальнее становился вопрос о выселении непокорных народов и колонизации Северного Кавказа казаками и русскими. Эту идею выдвинул начальник штаба Кавказской армии, будущий реформатор Д.А. Милютин. В 1857 году он писал в докладной записке: «Покорившихся горцев направлять туда, куда мы им укажем. Необходимо переселять их на Дон... Мы должны тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, пока не наступит пора для исполнения ее»²². В этом Д.А. Милютин поддержал командующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средства к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель»²³.

Вопрос о колонизации закубанских земель и выселении горцев в донские степи обсуждали и в Кавказском комитете. По мере того как становилось ясно, что горцы не покоряются силе оружия и не собираются переселяться в отведенные для них «резервации», высшее кавказское начальство склоняется к решению выселить горцев в Турцию. Инициатива исходила от Барятинского, который по этому вопросу в начале 1860 года делал доклад Александру II.

В 1858 году вопрос о переселенческом движении горцев Западного Кавказа стал предметом дипломатической переписки между правительствами России и Турции²⁴. А в конце 1863-го русский консул в Трапезунде А.Н. Мошнин писал: «Порта рада переселению и принимает меры к его облегчению»²⁵. Но, судя по обнародованным в 1859 году правилам колонизации кавказских горцев, турецкое правительство предполагало переселение «малыми партиями»²⁶ и не было готово к массовому исходу.

В случае войны с Россией правительство Османской империи рассчитывало использовать махаджиров в качестве военной силы, для чего расселило их на стратегически важных направлениях. Как писал «Одесский вестник», Порта думала «найти в черкесах цемент для сплочения своей распадающейся империи...»²⁷ Кавказские переселенцы позволяли увеличить долю мусульманского населения, что затрудняло сепаратистские устремления христианских меньшинств²⁸. По этому поводу Султан Довлет-Гирей писал: «Турецкое правительство охотно принимало к себе переселенцев, а переселенцы нужны были для заселения пустынных мест в европейской и азиатской губерниях». В то время, после двухвековой борьбы с балканскими народами и в Аравии, численность населения Турции значительно уменьшилась.

Если Османская империя вынашивала идею «рационально» использовать махаджиров, то Россия вынуждала горцев выселяться, ставя им заведомо невыполнимые условия. В период пребывания Александра II на Северном Кавказе к нему прибыла депутация абадзехов с просьбой оставить их на местах, на что царь весьма категорично ответил: «Даю вам месячный срок одуматься. Через месяц вы должны объявить графу

²² РГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 866, д. 2, ч. 1, л. 123—124, 126.

²³ Там же, л. 117.

²⁴ См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Ч. II. С. 1011. № 890.

²⁵ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. В кн.: Русская старина. Т. 33. СПб., 1882. С. 353.

²⁶ Там же. С. 343.

²⁷ Одесский вестник, 29 июня 1877, № 140.

²⁸ См.: Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 2. М., 1932. С. 380.

Воронцову, желаете ли перейти на места, указанные вам по р. Кубань, или же переселитесь в Турцию»²⁹.

Официально выселение горцев в Османскую империю началось в 1862 году, после высочайшего утверждения постановления Кавказского комитета по этому вопросу, фактически — задолго до завершающего этапа Кавказской войны. Так, абхазов насильственно выселяли в несколько этапов. Первая волна этого процесса имела место уже в начале XIX века, в период острейшего кризиса, связанного с так называемым «добровольным» присоединением Абхазии к России (1810 г.). А ведь еще конце XVIII — начале XIX веков Абхазия проводила самостоятельную политику, что стало возможным благодаря личности упомянутого нами выше владетельного князя Келешбея Чачба. Главная его цель — обретение Абхазией полной свободы и независимости, для достижения которой он использовал тактику постоянного лавирования между Россией и Османской империей, прибегая к разумным компромиссам, чередуя осторожные, взвешенные шаги во внешней политике и решительные действия, если они могли принести ощутимые плоды. Келешбей пытался наладить отношения с Францией, даже вел переписку с ее министром иностранных дел Талейраном; а с помощью России стремился избавиться от протектората Османской империи.

Однако развитие событий в Абхазии по такому сценарию не устраивало Петербург, где вынашивали идею превратить Абхазию в плацдарм для расширения владений на Западном Кавказе³⁰. Для решения этой задачи на место Келешбея необходимо было поставить более покладистого, прогнозируемого, но главное — не вполне легитимного правителя, чтобы его притязания на абхазский престол поддерживать русскими штыками. Старший сын Келешбея, Асланбей, на эту роль не подходил, так как был известен непримиримым отношением к России. Идеальным кандидатом был второй сын Келешбея — Сафарбей, который не мог претендовать на престол, будучи рожденным крестьянкой. При активном участии русской военной администрации (в лице генерала Рыкгофа) он организовал заговор против Келешбея, в результате которого тот погиб в Сухумской крепости (2 мая 1808 г.)³¹.

Политический кризис в Абхазии стал одним из первых опытов российского военного руководства на Кавказе в длинной цепи военно-политических переворотов. Впоследствии генерал Ермолов широко применит этот «абхазский» опыт в борьбе с дагестанскими ханами. Однако результаты окажутся прямо противоположными: подрыв власти ханов, естественных союзников монархической России, приведет к появлению более грозной силы — власти имамов³².

Физическое устранение Келешбея и фактическое превращение Абхазии в форпост России отзовутся в последующем на судьбах горцев Западного Кавказа. Учитывая авторитет Келешбея среди адыгов и абхазов, можно предположить, что он оказался бы той ключевой фигурой, вокруг которой добровольно объединились бы все горцы Западного Кавказа.

10 июля 1810 года русский военно-морской десант с помощью бомбардировки с моря и с суши захватил Сухумскую крепость. При прямом содействии русских штыков в Сухум-Кале утвердился нелегитимный ставленник России — Сафарбей. Законный правитель — Асланбей, два года руководивший страной, поддерживаемый всеми слоями населения и ближайшими родственниками, был вынужден бежать, а вместе с ним в Турцию переселилось более 5 тыс. абхазов³³. Это была первая волна махаджирства в XIX веке.

²⁹ РГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 870, д. 19, л. 9—11.

³⁰ Там же, л. 32—33.

³¹ См.: *Лакоба С.З.* Асланбей (К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия). Сухум, 1999. С. 13.

³² См.: *Гордиш Я.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 135.

³³ См.: *Дзидзария Г.А.* Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1940. С. 34.

На протяжении всего XIX века имели место циклические выселения населения из Абхазии в Турцию. «Махаджирскими» стали 1821, 1824, 1829, 1830, 1837, 1840—1841, 1853—1856, 1864, 1867, 1877 годы. Невозможно даже приблизительно определить количество людей, вынужденных эмигрировать; тем более — подсчитать насколько сократилось население Абхазии в это столетие в результате работоторговли, голода, эпидемий, военных действий российских войск во время Кавказской войны. Только в 1860—1870-х годах из Абхазии выселили около 80 тыс. чел. О махаджирстве 1877 года К.Д. Кудрявцев писал: «Лица, стоявшие близко к этому делу, считают, что в 1877—1878 годах из Абхазии выселилось до 60% всего населения»³⁴. Количество же всех махаджиров абхазо-абазинской этнической принадлежности составляло 135 тыс., а вместе с убыхами — около 180 тыс.³⁵ Согласно информации Султана Довлет-Гирея, добытой им в Константинополе, с 1816 по 1910 год в Турцию переселили 339 345 абхазцев и абазин, а считая вместе с убыхами — 384 284 чел.³⁶

О численности депортированных и местах их расселения в Турции

Количество выселенных адыгов колеблется от 500 тыс. до 1,750 млн чел.³⁷ А в целом, по разным данным, выселили от 1,8 млн до 3 097 949 кавказских горцев (адыгов, абхазов, абазин, убыхов, чеченцев, ингушей, ногайцев, карачаевцев, балкарцев, аварцев, лезгин и др.)³⁸. По сведению Султана Довлет-Гирея, к 1910 году на территории Турецкой империи только черкесов было свыше 2,750 млн³⁹.

Как писал генерал А.Л. Зиссерман, «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорья в горы, с гор к морскому берегу, полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу, должно было искать спасения в переселении в Турцию»⁴⁰. Но там, как отмечал А.И. Барятинский, они оказались брошенными «на произвол судьбы»⁴¹. Таков был печальный финал Кавказской войны. На восточном побережье Черного моря тогда появилась поговорка: «Теперь даже женщина может пройти от Сухум-Кале до Анапы, не опасаясь встретить ни одного мужчину».

По данным Элизе Реклю, «на огромном ныне пустом пространстве, занимающем 10 000 кв. км, насчитывалось лишь 15 000 жителей. Из их числа 4/5 составляют абхазцы... 600 черкесов, остальные переселенцы различного происхождения»⁴².

Полностью обезлюдела Малая Абхазия: исчезли горные и прибрежные абхазские общества, страна убыхов — Туахы, горные абазские общества. Исчезла абхазская этнографическая группа садзов, которые, как сообщали очевидцы, в жестоких схватках с царскими войсками, не желая сдаваться в плен, кончали жизнь самоубийством. Не осталось

³⁴ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1925. С. 184.

³⁵ См.: Берже А. Горные племена Кавказа. В кн.: Живописная Россия. Т. X. СПб. — М., 1883. С. 72; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 369.

³⁶ Цит. по: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 370.

³⁷ См.: Багов А.Н. Влияние махаджирства на численность и этнический состав адыгского населения. В кн.: Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993. С. 228—235.

³⁸ См.: Аболтин В. Национальный состав Турции // Новый Восток, 1925, № 1 (7). С. 21; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 413.

³⁹ См.: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 413.

⁴⁰ Русский архив. Кн. 2. М., 1889. С. 428.

⁴¹ Там же. С. 285.

⁴² Реклю Э. Человек и Земля. Т. V. СПб., 1908. С. 479.

ни одного абхазского села между реками Псырдзха и Кудры, опустело большинство бзыбских и абжуйских сел⁴³.

Не поддаются описанию страдания горцев во время переселения. «Никогда не забуду я того подавляющего впечатления, — писал А.П. Берже, — которое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собиралось около 17 000 чел. Позднее ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между ними эпидемия тифа и оспы делали их положение отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежавшей на сырой почве, под открытым небом с двумя малютками, один из которых в предсмертных судорогах боролся за жизнь, в то время как другой искал утешения голода у груди уже окоченевшего трупа матери»⁴⁴.

Во время переезда в Турцию огромное количество махаджиров погибло на море. Немало было случаев, когда турки умышленно топили суда с переселенцами⁴⁵. При обнаружении на корабле больных их немедленно выбрасывали в море. Вот что писал очевидец Н. Ладария: «Пароход был переполнен людьми, которые страдали от недостатка пищи, а больше — от недостатка воды... Взрослые пили соленую морскую воду... Все страдали от желудочных болезней, и всего более дети: они плакали, кричали, просили пить... Вода была кругом, дети видели ее и от этого еще больше кричали. Болезни делались смертельными; преимущественно гибли дети... Трупы малюток бросали в море, невзирая на отчаянное сопротивление матерей... Я помню, как одна мать ни за что не хотела, чтобы ее ребенка выбросили в море, и долго скрывала его смерть. Абхазцы знали об этом, но молчали. Она держала мертвого ребенка на руках, прижав его к груди, и когда кто-нибудь из турок проходил мимо, начинала разговаривать с ним, как с живым. Так скрывала она его до тех пор, пока на пароходе не стал распространяться трупный запах. Тогда сделали обыск и нашли мертвого ребенка; но мать и тут не хотела отдать его; и когда ребенка все-таки вырвали из ее рук и бросили в море, она сама пыталась броситься за ним. Ее с трудом удержали»⁴⁶.

Основная масса переселенцев направлялась в Трапезунд, Константинополь, Самсун, Варну и другие порты Турции. В расселении не было никакой организованности, все шло самотеком. Не получая должной информации, горцы становились лагерем там, где высаживались, превращая эти места в лагеря смерти. Таковыми стали Ачка-Кала, Синоп, Самсун, Варна и другие. Из 247 тыс. махаджиров, прибывших в Трапезунд, умерли 19 тыс., средняя смертность — 180—250 чел. в день; в Самсуне было сосредоточено до 110 тыс. махаджиров, из них ежедневно умирали свыше 200 чел. По сообщению Феликса Канитца, в начале сентября 1864 года в Самсуне одновременно насчитывалось 50 тыс. трупов и 60 тыс. живых переселенцев⁴⁷.

Османские власти опасались расселять махаджиров компактно. Первоначально организацию их расселения поручили генералу, черкесу Нусрет-паше. Махаджиров направляли в европейскую часть Турции (в Болгарию, Югославию, Албанию, между славянскими и греческими поселениями, вдоль больших дорог и важных горных перевалов), создавая непрерывную цепь, чтобы в случае восстаний силой блокировать их очаги. Но основную часть махаджиров разбросали по азиатским провинциям Турции⁴⁸.

⁴³ См.: Гожба Р. Указ. соч. С. 9.

⁴⁴ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. С. 362.

⁴⁵ См.: Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863—1864 гг. Краснодар, 1927. С. 37; Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 81.

⁴⁶ Ладария Н. На заре моей жизни // Исторический вестник, октябрь 1891, № 46. С. 113—114.

⁴⁷ См.: Канитц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. СПб., 1876. С. 332—333.

⁴⁸ См.: Гожба Р. Указ. соч. С. 11.

По проекту генерал-губернатора Дунайского вилайета Ахмеда Мидхат-паши «черкесами было заселено все пространство от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. В этих местах были созданы военные колонии, вроде казачьих станиц, из которых формировалась «черкесская милиция» для защиты пограничных линий»⁴⁹.

Поселения турецких абхазов были сосредоточены главным образом на черноморском побережье, между городами Стамбул и Болу, наиболее компактно — в вилайетах Сакарья (центр — г. Адапазара) и Дюздже. Остальные абхазские поселения разбросаны по вилайетам Бурса, Ескишехир, Самсун, Билечик⁵⁰. По свидетельству абхазского просветителя Омара Бейгуа, в 1970—1980-х годах в Турции было около 200 абхазских сел, а в общем проживали более 100 тыс. абхазов, в то время как официальная турецкая статистика занижала их количество до 10 тыс. чел. В 1926 году К.Д. Кудрявцев, ссылаясь на данные черкесского парламента, писал, что абхазов в Турции около 300 тыс. чел.⁵¹

На Ближнем Востоке турецкое правительство расселяло махаджиров таким образом, чтобы с их помощью защитить города от нападений кочевых племен, представлявших в то время серьезную опасность. Например, Амман был окружен черкесскими поселениями. То же самое имело место в Сирии. Из черкесов же сформировали конный отряд для охраны железной дороги между Амманом и Мединой (в Аравии). Кстати, между черкесами и кочевниками не раз происходили вооруженные столкновения, которые перерастали в настоящие войны (например, Балкавская война в 1910 г. с племенем Ал-Балкавийя)⁵².

Имеются отрывочные сведения о размещении этнических групп адыгов после их массового переселения. Абадзехи проживали в Самсуне, Токате, Синопе, Балыкесире; шапсуги — в Самсуне, Балыкесире, Болу, Айдине, Сакарии; бжедуги — в Чанак-кале и в Биге; хатукаевцы — в Кайсери; махоши — в Самсуне; кабардинцы — в Кайсери, Токате и Сивасе; бесленеевцы — в Керуме, Амасии. В Стамбуле селили представителей всех этнических групп адыгов⁵³.

Чеченцы были поселены на границах Курдистана и Месопотамии (в горной местности Сивасского пашалыка), часть чеченцев, осетин и лезгин — в долине реки Хнисчая и в районе Варто.

Убыхов определили на берегу Мраморного моря, где обосновался их предводитель Хаджи-Керантух-Берзек с принадлежавшими лично ему 350 семействами. Однако основную их часть поместили около Самсуна, а также в районе Дюздже, Адабазара, в местностях, населенных абхазами и черкесами; между озером Сапанджа, Измитом и Бандырой; в районе Мараша⁵⁴.

Трудности интеграции махаджиров в османо-турецкое общество

Первоначально, не имея средств к существованию, горцы вынуждены были отдавать молодых соплеменниц в гаремы турецкой знати и султана. «Посреди всего этого скопища человеческих бедствий и страданий, — писал Ф. Канитц, — выступала еще ярче, рядом с гордой осанкой и наружностью, с выражением сознания своего достоин-

⁴⁹ См.: *Гожба Р.* Указ. соч. С. 234.

⁵⁰ См.: *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 487.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: *Бадерхан Ф.* Махаджирское движение из Северного Кавказа в освещении арабских и турецких источников. В кн.: *Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения.* Черкесск, 1993. С. 318.

⁵³ См.: *Багов А.Н.* Указ. соч. С. 232.

⁵⁴ См.: *Гожба Р.* Указ. соч. С. 12.

ства мужчин, волшебная ослепительная красота черкесских женщин»⁵⁵. Благодаря господствующему положению горняков в гареме, дворец султана был наводнен выходцами с Кавказа.

С другой стороны, чтобы хоть как-то прокормить семьи и близких, доведенные до отчаяния махаджеры вынуждены были вступать в конфликты с местным населением. Столкновения (помимо прочего) обуславливались отсутствием законности и порядка в Османской империи, вследствие чего горцев поставили перед дилеммой: превратиться во второсортных членов общества, влачивших жалкое существование, или взяться за кинжалы, чтобы защитить свое человеческое достоинство. «Абазинские и черкесские поселения, — писал архимандрит Гарегин Срвандзтянц, — составляют тяжелое бремя для народа: не только на дорогах от них нет спокойствия, но и в самом городе воровство, грабежи, убийства стали обыкновенным делом. В окрестностях рассеяны черкесские селения... С большой опасностью проходят через них караваны»⁵⁶.

Турецкое правительство, стараясь выправить положение, стало привлекать горскую молодежь на военную службу, сформировав из их числа кавалерийский корпус. «Черкесские полки были повсюду на линии огня. Они мужественно сражались, но дорого заплатили за свою победу», — писал Ж. Дюмезиль⁵⁷.

В. Аболтин, в свое время работавший в Турции, сообщает интересные подробности жизни кавказских горцев: «Отличаясь предприимчивостью вообще, горцы не покидают и своих старых привычек: угон скота, воровство лошадей, грабеж при удобном случае практикуется и поныне. Горцы чрезвычайно храбры, их боятся даже дерзкие курды»⁵⁸.

Несмотря на устоявшееся в обществе предубеждение к горцам как людям, склонным лишь к разбою и грабежу, но не к созидательному труду, были и те, кто положительно оценивал роль махаджиров. Вот что писал консул Великобритании В. Пальгрев: «...усердно распространяемые отзывы о дурном поведении, беспокойной праздности и разбойничьих наклонностях черкесских и абхазских выселенцев по большей части ложны и, во всяком случае, сильно преувеличены. Этим переселенцев можно причислить к самой трудолюбивой и порядочной части всего населения; прибытие их принесло стране много пользы... земледелие увеличилось в размерах и даже местами улучшилось вследствие изменений, внесенных пришельцами в рутинные приемы туземцев»⁵⁹. Другой консул Великобритании, полковник Чарльз Уильсон, отмечал, что горцы — красивое племя; они сильнее, мужественнее, смысленнее местных крестьян и способны к образованию. Черкесы ввели в крае лучшие телеги, стали строить более удобные дома и лучше возделывать землю; они могли сделать много для развития края, если бы турецкое правительство более заботилось о них⁶⁰. Такую же лестную оценку дает русский консул К.Н. Смирнов, который в 1904 году писал: «Наиболее культурный элемент в крае — наши кавказские выходцы, известные под общим именем черкесов... Что касается турок, то они, видя во многом превосходство черкесов, подчас ненавидя их, все-таки уважают и стараются расположить в свою пользу»⁶¹.

⁵⁵ Канитц Ф. Указ. соч. С. 349—350.

⁵⁶ Торос Ахпар. Путеводитель по Армении. Путевые заметки Архимандрита Гарегина Срвандзтянца // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее — ИКОИРГО). Вып. II. Приложение. Тифлис, 1885. С. 8—10.

⁵⁷ Дюмезиль Ж. Кавказские этюды // Республика Абхазия, 24—25 апреля 1999.

⁵⁸ Аболтин В. Национальный состав Турции // Новый Восток, 1925, № 1 (17). С. 121—122.

⁵⁹ Отчет о провинциях Трапезунтской, Сивасской, Костамунийской и части Ангорской В. Джиффорда Пальгрева // ИКОИРГО. Т. XII. Приложение. Тифлис, 1882. С. 66—67.

⁶⁰ См.: ИКОИРГО. Т. VIII. № 2. Тифлис, 1885. С. 62—63.

⁶¹ Смирнов К.Н. Поездка в Северный Курдистан в 1904 году // ИКОИРГО. Т. XVII. № 4. Тифлис, 1904. С. 314, 316.

Таким образом, из отдельных отрывков и воспоминаний современников складывается цельный психологический портрет черкеса на чужбине: с одной стороны, это свободолюбивая, весьма энергичная, необузданная натура, не позволяющая насилия по отношению к себе ни со стороны государства, ни со стороны общества; горец способен пойти на любые крайности, воспринимаемые в обществе как противоправные. С другой стороны, горец, воспитанный в рыцарских традициях, являл собой образец преданного и бескорыстного служения своей новой родине, готов был на жертвы для ее защиты, что и произошло в годы греческой интервенции, когда Турция как государство оказалась на краю гибели.

«После переселения на чужбину черкесы стали ближе друг к другу, между ними были почти стерты все этнические, языковые, национальные различия, черкес на чужбине стал говорить на кабардинском, шапсугском, даже абазинском и других языках и диалектах», — писал Шавхат Ал-Муфти Хабажока⁶². Это было своеобразной защитной реакцией, так как только вместе, поддерживая друг друга, можно было выжить и противостоять грубой турецкой ассимиляции. Положение переселенцев было тяжелым не только в период правления Абдул-Хамида II, который уничтожил членов черкесского меджлиса, но и во времена сменивших его младотурков. Последние выдвинули великодержавную идеологию «османизма», в соответствии с которой все население страны, безотносительно к национальности и вероисповеданию, в силу якобы своего равноправия, составляет «единую османскую нацию»⁶³.

Несмотря на тяжелое социально-экономическое и политико-правовое положение переселенцев в Османской империи, многие из них внесли значительный вклад как в ее историю, так и историю ряда других стран Ближнего Востока. Можно привести много примеров того, как абхазы и адыги становились видными государственными и военными деятелями империи. Немало горцев примкнуло к младотурецкому движению, особенно ярко они были представлены среди военачальников-младотурков. По сообщению Султана Довлет-Гирея, в 1910 году 30% офицеров турецкой армии составляли черкесы⁶⁴. «Кто не знает, что лучшие и способнейшие военачальники исключительно черкесы», — тогда же констатировал Магомед Ечерух⁶⁵.

Кавказские горцы активно участвовали в национально-освободительном движении. Г. Астахов, находившийся в Турции в 1920-х годах на советской дипломатической службе, писал: «Первые патриотические отряды (четы), начавшие борьбу против греков, состояли из черкесов. Во главе этих партизанских отрядов стояли также черкесские беи»⁶⁶. Г. Астахов не понимал, что двигало горцами, когда они встали на защиту своей второй Родины, объясняя это тем, что «черкесы любят войну». Ближайшим сподвижником Кемалья Ататюрка был абхаз Рауф Орбай Ашхаруа. С июля 1922 года по август 1923-го он занимал пост главы правительства Турции, одновременно исполняя обязанности министра иностранных дел. Однако, несмотря на все эти факты, кавказские отряды расформировали — правительство относилось к ним крайне подозрительно. С политической арены сошли почти все те, кто играл видную роль в начале движения⁶⁷.

⁶² Цит. по: Бадерхан Ф. Указ. соч. С. 316.

⁶³ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 480; Новичев А.Д. Турция. Краткая история. М., 1965. С. 108—110; Алиев Г.З. Турция в период правления младотурков. М., 1972. С. 178—202.

⁶⁴ См.: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 478—489; Гожеба Р. Указ. соч. С. 10, 12; Бадерхан Ф. Указ. соч.; Басария С.П. Избранные сочинения. Сухум, 1967. С. 25—27.

⁶⁵ Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и социальной жизни Турции. В кн.: Мусульманин. Париж, 1910. С. 143.

⁶⁶ Астахов Г. От султаната к демократической Турции. Очерки из истории кемализма. М. — Л., 1926. С. 37.

⁶⁷ См.: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 486; Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. М., 1932. С. 42—43, 380.

Не все махаджире приняли кемалистскую революцию. Кавказская аристократия сохраняла приверженность монархическому режиму, что использовали Антанта и командование Греции. В результате весной 1920 года вспыхнул крупный мятеж, охвативший большую часть Турции. После его подавления часть абхазов и черкесов была вынуждена переселиться в Грецию. Турецкое правительство стало преследовать кавказских горцев, многих из них казнили, значительную часть арестовали, а тем, кого эти репрессии миновали, в городах запрещали говорить на родном языке. Был разработан проект выселения черкесов в Восточную Анатолию и их расселения по турецким деревням (по 2—3 семейства на один населенный пункт). Лишь вмешательство таких видных государственных деятелей, как Рауф Орбай, Хундж Али Саит-паша и Феткери Ашванба, спасло горцев от выселения. Тем не менее правительство стало активнее проводить политику отуречивания нацменьшинств⁶⁸.

З а к л ю ч е н и е

В настоящее время кавказские горцы, расселенные по всему миру, подвергаются быстрой ассимиляции. Основная часть диаспоры проживает в Турции, где нет условий для сохранения и развития национального самосознания, культуры и языка. «В Турции нет нетурок, а есть люди, которым внушена мысль, что они курды, черкесы, лазы и т.д.», — писал видный пантюркист, бывший Генеральный секретарь Народно-республиканской партии Турции Реджеб Пекер⁶⁹. Власти страны проводили (и проводят) политику ассимиляции. Статья 88-я Конституции 1924 года гласила: «Все граждане Турции, независимо от религиозной и расовой принадлежности, являются турками...». Даже в ныне действующем Основном законе (принят в 1982 г.) говорится, что никакой иной язык, кроме турецкого, не может изучаться и преподаваться в учебных заведениях в качестве родного (ст. 42), а при заявлении и публикации своих взглядов нельзя пользоваться каким-либо запрещенным законом языком (ст. 26). Турецкие власти пресекают любые попытки создания букварей, национальных школ, газет, журналов, театров и т.д.⁷⁰

Перед всеми кавказскими народами остро стоит проблема репатриации — возвращения потомков насильственно изгнанных на историческую родину. Началом же этого процесса должно стать принятие ООН резолюции о репатриантах, определяющей статус изгнанников.

Без решения этой проблемы, без воссоединения, нет перспектив ни у абхазской диаспоры (в силу быстрой ее ассимиляции), ни у абхазов на их исторической родине, сталкивающихся, по сути, с аналогичными проблемами.

---

⁶⁸ См.: *Гожба Р.* Указ. соч. С. 13.

⁶⁹ Цит. по: *Еремеев Д.Е.* Изучение этнографии в современной Турции // Советская этнография, 1960, № 2. С. 157.

⁷⁰ [http://constitution.garant.ru/DOC_4000.htm].

Айдын АСЛАНОВ

*Кандидат исторических наук,
преподаватель Бакинского института
повышения квалификации
педагогических кадров
(Баку, Азербайджан).*

КАВКАЗ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ (К 200-ЛЕТИЮ ЗАХВАТА БАКУ РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ)

Р е з ю м е

В наступившем третьем тысячелетии геополитическое соперничество за Кавказ не закончилось, наоборот, на «шахматной доске» появились новые фигуры. Наряду со «старыми» участниками (Турция, Иран и Россия) в борьбу за регион активно включились и новые «игроки»: государства Европы, США, Япония, Китай и страны Юго-Восточной Азии. В этом разворачивающемся соперничестве все

более и более возрастает значение Азербайджана в качестве доминантного элемента «геополитических игр» на Кавказе. Однако борьба за Баку, как главный ключ, открывающий доступ ко всем ресурсно-территориальным богатствам региона, началась не сегодня и не вдруг. Исторической ретроспективе соперничества за овладение бакинским «окном» на Кавказ и посвящена данная статья.

Прелюдия к игре. Натиск первый

Геополитическое положение Кавказа делает его важным звеном в отношениях между Востоком и Западом, Севером и Югом. С глубокой древности по его территории проходили важнейшие караванные пути, связывавшие регион со многими народами, странами и континентами.

Богатый и цветущий Кавказ, по праву считавшийся воротами Востока, привлекал взоры многих завоевателей, неоднократно становился местом скрещения копий. Здесь шествовали войска Александра Македонского, легионы Рима и воинов Парфии, войска Сасанидской и Византийской империй, Арабского халифата и могущественной державы Чингисхана.

В XVI—XIX веках Кавказ становится яблоком раздора Османской и Российской империй, а также Сефевидской державы.

В XVI веке он к тому же оказался ареной ожесточенной борьбы Сефевидского государства и Османской империи, многочисленные войны между последними завершились подписанием Амасийского мирного договора (1555 г.), согласно которому Восточная

Грузия и весь Азербайджан остались за Сефевидами. Ослабление Ирана, вызванное внутренними раздорами в последней четверти XVI века, османские султаны использовали для полного вытеснения соперника из региона. В соответствии с мирным договором (Стамбул, 1590 г.) Сефевиды были вынуждены признать свое поражение в войне с Османами и согласиться с потерей Центрального и (за малым исключением) Южного Кавказа.

Утверждение османского султана на дагестанском и азербайджанском побережьях Каспийского моря было крайне невыгодным и для России, и для Сефевидов, так как вследствие этого Волго-Каспийский путь оказался под контролем Порты. Общие интересы толкали Иран и Россию к сближению: шах Аббас I (1587—1629 гг.) даже был готов на совместные военные действия против Османской империи, обещая Москве Дербенд, Баку и прибрежную полосу между ними. Однако внутренний кризис, который переживало Российское государство, а также разорительная Ливонская война не позволили тогда Москве решиться на новую кампанию.

В начале XVII века борьба за Центральный Кавказ между Османской империей и Ираном возобновилась. Шах Аббас I, существенно реформировавший систему управления государством и реорганизовавший армию, начал новую войну с Османами (1602—1612 гг.). На сей раз Сефевиды сумели восстановить свои позиции в регионе и вновь стали доминировать в восточной части Центрального Кавказа и на всем Южном.

В первой трети XVIII века политическая карта мира кардинально изменилась. В 1721 году Российское государство стало империей, в его истории начался «державный» период: позиция этой прогрессирующей империи диктовалась стремлением обеспечить свои экономические интересы, в том числе на основе развития Волго-Каспийского торгового пути. Правящие круги империи пытались расширить ее границы — завоевать Черное и Каспийское моря, то есть выйти к теплым морям. Россия включилась в борьбу за Кавказ! «Интересы трех больших государств — России, Турции и Персии — сталкивались на перешейке между Черным и Каспийским морями»¹. Между этими державами началась упорная борьба за обладание Кавказом.

Важное место во внешнеполитических планах Российской империи занимал расположенный на пространствах от Дербенда до Зенджана Азербайджан, который в XVII веке и первой четверти XVIII оставался под властью Сефевидов, вместе с тем имея большое военно-стратегическое значение для Ирана. Русский ученый И. Березин писал, что Азербайджан является «мужественной областью... Лучшие войска вербуются в этой провинции»². В некоторые периоды своей (да и иранской) истории Азербайджан поставлял около 50% всего феодального войска Сефевидов, кроме того, был житницей Ирана, феодалы которого «выкачивали» из азербайджанского хозяйства огромные материальные ценности³.

Первая попытка Российской империи овладеть прикаспийскими областями Азербайджана относится к 1720-м годам. Петру I (1682—1725 гг.) были известны богатства этой страны, и он стремился превратить ее в богатейшую сырьевую базу, своего рода придаток российской мануфактурной промышленности. Из Азербайджана в Россию (через Астрахань) вывозили дешевое сырье: шелк, хлопок, нефть и др. В Санкт-Петербурге составляли проекты хозяйственно-экономической эксплуатации прикаспийских районов. В специальном указе царского правительства предписывалось следовать к Куре, основать в ее устье большой купеческий город, в котором происходила бы оживленная торговля и откуда продолжались бы связи до Астрахани⁴. В документе важное место отводи-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен в 15 книгах. Кн. IX. Т. XVIII. М., 1963. С. 365.

² Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. II. Казань, 1849. С. 90.

³ См.: Богданов А. Персия. М., 1909. С. 17.

⁴ См.: Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. 8. М., 1838. С. 263—264 (цит. по: Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С. 15).

лось Баку, так как через этот порт на Каспии путь в Индию был короче, нежели морской, вынуждавший огибать мыс Доброй Надежды.

«Кавказ представлял первую этапную станцию на этом великом пути развития русских интересов в азиатских странах»⁵, и у российского императора вскоре появился повод обратить на него серьезное внимание.

Идея о военном походе на юг возникла у Петра I в конце XVII века — еще в 1694 году он задумал организовать поход на Каспийское море, много лет интересовался положением дел в Азербайджане и в Иране. В 1715 году Петр I направил в Иран посольство Артемия Волинского, которому было поручено подробно изучить политическое и экономическое положение этого государства, а также состояние его вооруженных сил.

По замыслу Петра I захват российскими войсками Западного Прикаспия должен был стать началом реализации более масштабных планов; он стремился не только установить свою власть на всем Центральном Кавказе, но и проложить русским купцам дорогу в Индию, исследовать все торговые пути и рынки⁶. В 1716—1717 годах в Центральную Азию был направлен через Каспий шеститысячный отряд князя А. Бековича-Черкасского с целью склонить хивинского хана к российскому подданству и наметить дорогу в Индию. Поставленная задача — обеспечить вывоз в Европу через Россию восточных товаров (в том числе индийских) и при этом закрыть пути через владения османского султана — подтверждается рядом документов, в частности донесением французского посла в Санкт-Петербурге де Кампредона кардиналу Дюбуа от 20 марта 1722 года⁷.

В начале XVIII века обострился кризис Сефевидского государства, что незамедлительно использовала родовая верхушка афганских племен: в 1722 году они начали вооруженное вторжение в Иран и после многомесячной осады захватили столицу Сефевидов — Исфахан. Шах Султан Хусейн отрекся от престола, а глава афганцев Мир Махмуд объявил себя иранским властителем.

Сложившимся в Иране положением воспользовалась Османская империя. Весной 1723 года ее войска вторглись в Центральный Кавказ, заняли Тифлис, затем Шемаху, а вскоре захватили и всю северо-западную часть Ирана. Усиление проникновения Османской империи в прикаспийские области Кавказа ухудшило положение России, так как, с одной стороны, оно увеличило протяженность российско-османской границы, с другой — ударило по интересам Санкт-Петербурга в этом регионе. Поэтому в начале 1720-х годов активизация России обуславливалась в первую очередь стремлением не допустить захвата Османской империей всего Центрального Кавказа и ее выхода на берега Каспийского моря.

Столь деятельная политика России на восточном направлении стала возможной только после заключения Ништадского мира со шведами (1721 г). Петр I, стремясь к достижению своей великой цели — получение Россией выхода к Балтийскому морю, «не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницею в торговом отношении между Европою и Азиею»⁸.

Российская империя, учитывая неспособность Ирана защитить прикаспийские области от Порты, приняла неотложные меры. Петр I не раз отмечал: «...нам крайняя нужда будет берегами по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно»⁹ или «...паша идет к Шемахе, зело опасно, чтоб не захватили Баку»¹⁰.

⁵ Потто В.А. Кавказская война. В 5 томах. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. М., 2006. С. 19.

⁶ См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 350—351.

⁷ См.: Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 49. СПб., 1885. С. 77.

⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 345.

⁹ Очерки истории СССР. XVIII век. Первая четверть. М., 1954. С. 606.

¹⁰ Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 12.

Поводом для похода российских войск в прикаспийские земли Азербайджана и Ирана послужило ограбление русских купцов в Шемахе. Летом 1722 года русская флотилия, которой командовал сам Петр I, вышла из Астрахани и взяла курс на юг. Уже 23 августа русские войска без боя захватили Дербенд. Несмотря на то что по ряду обстоятельств русскому императору вскоре пришлось вернуться в Санкт-Петербург, его военачальники с успехом выполнили поставленные перед ними задачи. Так, 21 июля 1723 года генерал Матюшкин начал наступление на Баку. После мощного орудийного обстрела, который заставил замолчать бакинские пушки, а также четырехдневной блокады осажденные выбросили белый флаг. Город был взят без потерь. Таким образом, в самое короткое время русские войска заняли почти все западное и юго-западное побережье Каспийского моря, включая Баку, Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. Петр I был так обрадован этими успехами, что произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты и, поздравляя его с победами, писал, что более всего доволен приобретением Баку, «понеже она составляет всему нашему делу ключ», потребовав доставить оттуда тысячу пудов нефти — «если можно, то больше»¹¹. Однако продолжение наступления грозило новым вооруженным конфликтом с Османской империей, чего Россия всячески старалась избежать.

В то время европейская дипломатия настраивала османского султана против Санкт-Петербурга. Правящие круги Османской империи, желая обеспечить свое безраздельное господство над Центральным Кавказом, не могли мириться с российским присутствием в прикаспийских областях региона и пытались помешать осуществлению планов Петра I. А посол Англии в Стамбуле внушал султану, что «русский государь умен и турок обманывает миром; теперь возьмет персидские провинции, и если султан не воспрепятствует ему в этом оружием», то Россия нападет на Турцию¹². К тому же он обещал султану финансовую помощь в случае, если Порта начнет войну против России¹³.

Взаимоотношения Османской державы и России резко обострились, однако благодаря усилиям российской дипломатии до войны дело не дошло. 12 июня 1724 года в Стамбуле был заключен русско-османский договор, согласно которому Порта признала за Россией право на прикаспийские провинции. Санкт-Петербург, в свою очередь, обязался не противодействовать влиянию султана в остальной части Центрального Кавказа.

Прикаспийские области Азербайджана, включая Баку, находились в составе Российской империи почти 14 лет (1722—1735 гг.). По словам В.П. Лыцова, Петр I стремился принять здесь две взаимообусловленные меры: выселить из Прикаспия мусульман (единоверных с Портой суннитов) и расселить там христиан¹⁴. Эти замыслы держали в глубокой тайне, но не реализовали.

После смерти Петра I (1725 г.) в России произошли события, негативно сказавшиеся на ее внешней политике. Дворцовые перевороты свели на нет все успехи, достигнутые при Петре I, в то время как в Иране к власти пришел талантливый государственный деятель, видный полководец Надир-хан Афшар (с 1736 г. — шах Ирана). В сложившейся ситуации Россия была вынуждена подписать с Ираном два договора: Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.), по условиям которых она отказалась от прикаспийских территорий в пользу Ирана и вывела из региона свои войска.

Вторая половина XVIII века стала важным этапом в истории Азербайджана. Гибель Надир-шаха (1747 г.) привела к распаду империи Афшаридов, из осколков которой в Азербайджане возникло 20 независимых ханств и несколько султанатов. Одним из этих независимых государственных образований Азербайджана было Бакинское ханство.

¹¹ Потто В.А. Указ. соч. С. 30.

¹² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 392—393.

¹³ См.: Там же. С. 401.

¹⁴ См.: Лыцов В. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951. С. 150—151.

Тем временем длительная война в Иране (между Зендами и Каджарами) завершилась приходом к власти новой династии. Каджарам, возглавляемым Ага Мухаммед-ханом (1794—1797 гг.), удалось установить свое владычество почти над всей территорией Ирана. Как и Надир-шах, его новый повелитель считал своей задачей восстановить границы Сефевидской державы в том виде, в каком они были определены соответствующими соглашениями: упомянутым выше Гянджинским договором с Россией и соглашением с Османской империей (1746 г.). Согласно этим документам, восточная половина Центрального Кавказа и Дагестан (до р. Сулак) входили в иранскую сферу влияния, а западная — османского султана.

Ага Мухаммед-хан стремился проводить «реставраторскую» внешнюю политику. Как справедливо отмечает российский исследователь В. Дегоев, Ага Мухаммед-хан отчаялся вернуть «свое» силой под «давлением» ряда факторов: после полученного от султана обещания нейтралитета, а также неудачных попыток найти общий язык с русским правительством. Летом 1795 года иранские войска вторглись в пределы Центрального Кавказа. Гянджа и Иреван покорились без сопротивления, но четырехмесячная осада столицы Карабаха — крепости Шуша — успехом не увенчалась. Во время осады грузинский царь Ираклий II провел карательную экспедицию против гянджинцев, что, в свою очередь, вынудило Ага Мухаммед-хана предпринять ответные действия, в результате которых в сентябре 1795 года его войска захватили и разорили Тифлис, увели в плен более 10 тыс. жителей.

Второй натиск России на Кавказе

Походы Ага Мухаммед-хана (с 1796 г. шах Ирана) в Азербайджан и Восточную Грузию не могли оставить Россию безразличной к событиям, происходившим на Кавказе. По приказу императрицы Екатерины II (1762—1796 гг.) в апреле 1796 года началась Вторая каспийская кампания русских войск: в регион направили корпус под командованием генерал-поручика В. Зубова. Формальным мотивом этой военной экспедиции стало желание царской империи «наказать» Ага Мухаммед-хана за его действия по отношению к Грузии, однако на самом деле Санкт-Петербург стремился утвердить свое положение на севере Азербайджана, в первую очередь в Баку. Правительство Екатерины II хотело осуществить не завершенные в свое время планы Петра I, касавшиеся прикаспийских областей Кавказа.

Приближение российских войск вынудило иранские силы отступить за р. Араз. Русские войска быстро заняли Дербенд, Кубу, Шемаху и Гянджу. Почти одновременно со взятием Дербенда особый отряд генерал-майора Рахманова вошел в Баку, где разместился гарнизон русских войск. В 1796 — начале 1797 года комендантом Баку был назначен князь Цицианов¹⁵; здесь он сблизился с Гусейнгулу-ханом, даже подружился с ним. Судьба свела их через 10 лет, но уже при иных обстоятельствах.

Заняв Баку, важный торговый и морской центр на побережье Каспийского моря, правительство Екатерины II подготовило ряд проектов по укреплению Бакинской гавани, как главнейшей стоянки военной флотилии и порта, способного обеспечить развитие торговли на Каспийском море. На эти цели были выделены средства, а из столицы направили специалистов. Все работы планировали начать уже весной 1797 года¹⁶, однако и этим планам не было суждено претвориться в жизнь.

¹⁵ См.: Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI—XX века. М., 2005. С. 156.

¹⁶ См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб., 1869. С. 418—420.

Внезапная смерть Екатерины II (1796 г.) резко изменила политический курс державы. По приказу нового императора Павла I (1796—1801 гг.), который стремился во всем не походить на свою мать, русские войска оставили Кавказ: вывод сил из Азербайджана начался в декабре 1796 года, а последние воинские части покинули Баку в марте 1797-го¹⁷.

Так завершилась очередная попытка России захватить Баку и Бакинское ханство, однако вывод русских войск из Азербайджана вовсе не означал, что Санкт-Петербург отказался от своих экспансионистских планов в отношении Баку. В частности, в рескрипте императора Павла I министру Ковалевскому (16 апреля 1799 г.) говорилось: «Интересы наши в разсуждении края того суть, конечно, чтоб в оном н и к о г д а (разрядка наша. — А.А.) не могло установиться какое либо твердое владычествование под наименованием шаха или другим, дабы таким образом не иметь сильного соседа, который, ежели не самим нам может наносить безпокойство, то по крайней мере вредить будет владельцам, нам преданным»¹⁸. В другом документе той поры отмечается намерение Ирана «...овладеть Баку, ибо город сей, по мнению его (шаха. — А.А.), много бы доходов ему приносил как пошлинами, так и нефтью и солью...»¹⁹

Кавказский победный марш России

В 1801 году российский престол занял Александр I (1801—1825 гг.). С приходом к власти нового императора Санкт-Петербург стал проводить на Кавказе более активную и агрессивную политику, имевшую целью распространить свое политическое и экономическое влияние на другие страны, вплоть до насильственного их захвата. Так произошло с Восточно-Грузинским царством (Картли-Кахетия), которое ликвидировали. В «повестку дня» внесли и судьбу северо-азербайджанских ханств, в первую очередь Бакинского. В одном из документов той поры зафиксировано: «Вы знаете, сколь Бакинская гавань нужна для Российского купеческого мореходства; на оную больше нежели на город устремляются и теперь наши виды. Но по естественному положению города с гаванью, необходимо нужно будет при удобном случае занять Баку нашим войском, и поздно или рано сие должно быть неминуемо»²⁰.

В 1802 году главнокомандующим российскими войсками на Кавказе был назначен князь П.Д. Цицианов. В ходе Первой русско-иранской войны (1804—1813 гг.) его отряд нанес поражение (у Елизаветполя) многочисленной коннице иранского престолонаследника Аббас-Мирзы и вынудил его отступить. Многие ханства Азербайджана заявили, что принимают подданство России, и подписали соответствующие договоры. Однако генерал Цицианов понимал, что, не располагая ни одним опорным пунктом на Черном и Каспийском морях, почти невозможно удержаться в регионе, имевшем единственное сообщение с Россией через горы, к тому же доступные не во всякое время года.

Первоначально российское командование на Кавказе пыталось мирными средствами привлечь на свою сторону бакинского правителя Гусейнгулу-хана, и с этой целью князь Цицианов начал переговоры с ним через одного из его приближенных — Аллахверди-бека. Стороны даже смогли прийти к обоюдному согласию. В письме российского ге-

¹⁷ См.: Там же. С. 423.

¹⁸ Высочайший рескрипт с.с. и министру Ковалевскому, данный в С.-Петербурге, апреля 16-го дня 1799 года // Акты Кавказской археографической комиссии (далее — АКАК). Т. I. Тифлис, 1866, док. № 3.

¹⁹ Всеподданнейший рапорт генерал-лейтенанта Кнорринга, от 11-го апреля 1800 года // АКАК. Т. I, док. № 962.

²⁰ Предписание кн. Цицианова н.с. Скибиневскому (генеральный консул России в Иране. — А.А.), от 15 января 1803 года // АКАК. Т. II. Тифлис, 1868, док. № 1496.

нерала Гусейнгулу-хану отмечалось: «...имею честь усерднейше в. высокост. поздравить и пребывая в твердой надежде, что изъявленное вами желание вкусить покой под высоким и сильным покровительством все милостивейшего нашего Г.И. будет доказано вами на самом опыте. О войсках, имеющих занять Баку, я сделал нужное распоряжение и надеюсь, что сей же осени будете вы и светлейший дом ваш находиться под защитою непобедимого Российского оружия»²¹.

Однако князь явно поторопился. Уже 19 июля 1803 года в ставку российских войск пришло письмо бакинского хана. В нем отмечалось, что Аллахверди-бек «преступил в сем случае данные ему наставления и полномочия...»²² Русский генерал возмутился. В одном из его рапортов можно прочесть: «...если бы Каспийская флотилия была в состоянии действовать, я бы немедленно дал предписание бомбардировать Баку и привести силою оружия заключенные условия в надлежащее исполнение...»²³

Впрочем, российское правительство рекомендовало своему военачальнику не спешить и предварительно покорить Ширванское ханство. В этом плане определенный интерес представляет выдержка из отношения канцлера гр. Воронцова: «Сие происшествие есть из числа тех, кои никак предвидеть было не можно. ...Из всего этого открывается, что покорение Шемахинской провинции должно служить преддверием занятия Баку и для этого предоставляется вам стараться склонить Мустафа-хана к тому или силою или лестными обещаниями...»²⁴

Пользуясь началом войны с Ираном, генерал Цицианов задумал занять Баку и утвердиться на Каспии. В 1805 году российское командование подготовило специальный десант во главе с генерал-майором Завалишиным, который был переброшен под стены города при помощи Каспийской флотилии.

Между тем за три недели до появления русской эскадры бакинцы вывезли в горы имущество и свои семьи, начали ставить пушки, готовить заряды и запастись всем для отчаянной защиты. Гусейнгулу-хан готовился к обороне с твердой решимостью отстаивать город до последнего.

После захвата российскими войсками бакинского порта генерал Завалишин предъявил хану ультиматум о безоговорочной капитуляции. Несмотря на угрозы артобстрела Гусейнгулу-хан отказался сдать город и прервал переговоры. 15 августа 1805 года русские войска начали пальбу по Баку из орудий. Осажденные отвечали тем же, даже с большим успехом, так как качка мешала точному прицеливанию с российских судов, к тому же обе мортиры, бывшие на вооружении эскадры, вскоре разорвались. Видя, что одним орудийным обстрелом с моря ничего добиться невозможно, Завалишин решил обложить Баку с суши, однако осажденный город не прекращал сопротивления. Прав был консул Скибиневский, еще в феврале 1802 года доносивший генералу Кноррингу: «Бакинцы и Шемахинцы, получая способы к достаточному состоянию чрез торговлю и землепашество, чрез союзы ханов своих соседними, притом ласкаемы будучи умеренными управлением не хотят быть под российским руководством»²⁵.

Напротив, частые вылазки горожан свидетельствовали, что осажденные не потеряли бодрости и веры в успех обороны. Их стойкость поддерживала и надежда на близящуюся помощь соседних ханов. И действительно, вскоре в городе было получено сообщение, что Шейх-Али-хан Кубинский и Сурхай-хан Казикумухский идут на выручку, что еще более укрепило решимость горожан. Подоспевшее к осажденным многочисленное

²¹ Письмо кн. Цицианова к Хусейн-Кули-хану, от 27 июня 1803 года // АКАК. Т. II, док. № 1503.

²² Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 19 июля 1803 года, № 25 // АКАК. Т. II, док. № 1504.

²³ Там же.

²⁴ Отношение канцлера гр. Воронцова к кн. Цицианову от 23 сентября 1803 года // АКАК. Т. II, док. № 1506.

²⁵ Рапорт надв. сов. Скибиневского ген.-л. Кноррингу, от 26 февраля 1802 года, № 99 // АКАК. Т. I, док. № 887.

войско союзников вынудило непрошенных гостей отказаться от своих планов: 3 сентября генерал Завалишин отступил от крепости, а уже 5 сентября союзники появились под стенами Баку и с торжеством победителей вступили в него.

Таким образом, попытка захватить бакинскую крепость провалилась: горожане с честью выдержали тяжелое испытание. Будучи в затруднении, генерал Завалишин собрал военный совет, который постановил: оставить Бакинский рейд и следовать к острову Сара, расположенному близ Ленкорани.

Князь Цицианов был чрезвычайно огорчен поступком своего генерала. Он писал Завалишину: «За сим скажу в.пр., что если бы я не ходил по горнице на клюках от изнурившей меня болезни и если б 400 верст меня не разделяли с вами, ...то я бы полетел на вырубку славы Российской и скорей бы лег под стенами, нежели бы дал кичиться Хусейн-Кули-хану тем, что он отбил Российские войска и что они ничего ему не сделали»²⁶.

Российский военачальник пытался как-то оправдать перед императором Александром I поражение своих войск. Так, в одном своих из рапортов Цицианов сообщал: «...Но флотилия теперь уже отступила от Баку, не взяв оную к стыду России и высокославного ее оружия. Но я, к слабому утешению моему, по совете моей не признаю себя виновным и дерзаю изложить пред В.И.В. истинные причины оногo: на всей флотилии только 2 мортиры, да при десанте 2 полукартаульные единороги, коими одними только и можно бомбардировать, прочие же орудия, хотя их около 120, не способны к бомбардированию; да и что 3-х фунтовое ядро может сделать городу, который весь каменный и стены имеет в сажень толщины?»²⁷

В другом рапорте князь Цицианов более подробно приводит причины этой неудачи: «Под Баку, коей взятие было славнейшей целию всей морской экспедиции, всю неудачу по всей истине должен отнести морскому начальству: 1) по худому эскадры вооружению; 2) по худому приведению судов в движимое состояние и именно: на всех судах, назначенных бомбардировать крепость, было только две мортиры и четыре 12-ти фунтовых чугунных пушек, — первые, т.е. мортиры по 5-дневным бомбардированию разорвало обе...; а последними, т.е. 12-ти фунтовыми пушками ни в каком государстве и ни в какой армии 3-х аршинной городской стены не разбивают»²⁸.

Поражение под стенами Баку не давало покоя российскому генералу, привыкшему к победам и беспрекословному повиновению, и до того тревожило князя, что он в конце концов сам двинулся на штурм Баку с отрядом, в котором насчитывалось тысяча шестьсот штыков и десять орудий. В своем донесении императору Александру I русский генерал приводил доводы в пользу своего зимнего похода на Баку: «...я буду спешить под стены сей крепости. В оправдание же моего в настоящее время движения с войсками по сему предмету должен присовокупить: 1) что весною поход по разлитию малых рек и по худобе скота был бы неудобен, 2) потому, что ныне снег, выпавши на сажень от Тавриза до Карадага, отнял возможность у Персиян покуситься на помощь Баку, без коей Хусейн-Кулихан будет, как думаю, сговорчивее»²⁹.

Войска шли через Ширванское ханство, которое Цицианов «мимоходом» присоединил к российским владениям. 25 декабря 1805 года Мустафа-хан Ширванский подписал условия подданства, и теперь со стороны Каспийского моря оставалось покорить только Баку³⁰. Князь приказал известить Гусейнгулу-хана Бакинского, что идет с твердым наме-

²⁶ Предложение кн. Цицианова ген.-м. Завалишину, от 23 сентября 1805 года, № 681 // АКАК. Т. II, док. № 1511.

²⁷ Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 27 сентября 1805 года, № 42 // АКАК. Т. II, док. № 1512.

²⁸ Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 19 октября 1805 года, № 44 // АКАК. Т. II, док. № 1515.

²⁹ Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 27 ноября 1805 года, № 46 // АКАК. Т. II, док. № 1518.

³⁰ См.: Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 27 декабря 1805 г., № 51 // АКАК. Т. II, док. № 1366.

рением или взять город, или умереть под его стенами. Сохранилось письмо российского военачальника бакинскому хану. В нем говорится: «Не в виде Российского генерала к в. высокоств. пишу, но как человек, который имел честь быть с вами знаком, быв еще ген.-майором, 1796 года в Персидском походе и в Баку комендантом. ...пощадите себя и свое семейство, — прошу вас по прежнему знакомству, избежите жребия Джевад-хана, а после все дело исправиться может...»³¹

После трудного перехода русские войска под командованием генерала Цицианова вступили в пределы Бакинского ханства. Гусейнгулу-хан, лишившийся поддержки кубинского и шемахинского ханов, а также потерявший надежду на помощь иранских сил, был вынужден обратиться к Мустафе-хану Шемахинскому с просьбой о посредничестве. Однако российский военачальник отклонил предложение о мире³².

30 января 1806 года русские войска остановились близ урочища Нахар-Булаг, откуда князь Цицианов вновь потребовал сдать город. В его письме говорилось: «...я в последний раз требую в. высокоств. дать мне решительный ответ на главное мое требование: сдаете-ли вы город на совесть мою или нет? Впрочем, есть обычай естественный, буде на что несогласны, то делать свои предложения, но в сем случае должен я вас предупредить, во первых, что так как Баку есть портовый город, то нельзя быть ей без Российского гарнизона; во вторых, невозможно оставить в руках ваших таможенных доходов, так как город сей есть портовый; в третьих, притеснение купечества не может быть Россиею терпимо, и наконец, так как для большей верности нужен быть от вас аманатом старший ваш сын, то без сего нельзя обойтись. Вот четыре главнейшие пункта, на кои буде вы согласиться не можете, то лучше всего прекратить переписку и положиться на вашу храбрость и ваших подданных при обороне города, а я буду делать что мне должно и тогда увидим, как Богу распорядить угодно будет. ...жду ответа завтрашний день по утру»³³.

Присутствие русских войск у стен Баку и явное неравенство сил вынудили Гусейнгулу-хана капитулировать, что вызвало в душе Цицианова ликование. Весьма примечательно, что его новое письмо бакинскому хану резко отличается от всех предыдущих по духу и содержанию: «Любезный Хусейн-Кули-хан! Написав к вам письмо в лице Российского генерала, долгом считаю по старому знакомству писать сие, как к брату и другу. ...Все старое забудем и останемся на вечные времена друзьями, с каковым расположением остаюсь душою и сердцем вам доброжелательным»³⁴.

Утром 8 февраля главнокомандующий российскими войсками на Кавказе князь Цицианов в полной парадной форме и в сопровождении лишь небольшого караула, назначенного для занятия крепости, приблизился к колодцу, стоявшему в полуверсте от города. Здесь генерала ожидали бакинские старшины, которые преподнесли ему ключи от городских ворот, однако князь отказался их принять, требуя, чтобы Гусейнгулу-хан вручил ему ключи лично. Бакинский хан не замедлил выехать из крепости; Цицианов, оставив свою свиту, отправился ему навстречу, сопровождаемый только своим адъютантом (подполковником Эрнстовым) и одним казаком. Но едва он приблизился к хану, как раздались выстрелы — российский военачальник упал, сраженный наповал из пистолета; та же участь постигла и Эрнстова. Осажденные приветствовали с крепостной стены убийство генерала залпом из всех орудий по отряду, стоявшему у колодца. Вос-

³¹ Письмо кн. Цицианова к Хусейн-Кули-хану, от 23 ноября 1805 года, № 856 // АКАК. Т. II, док. № 1516 (см. также письма кн. Цицианову от 31 января, 1 февраля 1806 года, а также ответы Хусейн-Кули-хана // АКАК. Т. II, док. № 1522, 1523, 1524).

³² См.: Предписание кн. Цицианова ген.-м. Завалишину, от 29 декабря 1805 года, № 987 // АКАК. Т. II, док. № 1520.

³³ Письмо кн. Цицианова к Хусейн-Кули-хану, от 2 февраля 1806 года, № 67 // АКАК. Т. II, док. № 1525.

³⁴ Письмо кн. Цицианова к Хусейн-Кули-хану, от 6 февраля 1806 года, № 71 // АКАК. Т. II, док. № 1527.

пользовавшись растерянностью противника, ханские нукеры подхватили тела и умчали их с собой.

Военный историк Потто писал: «Наступила критическая минута, в которую решался вопрос о достоинстве, чести и славе русского имени. К сожалению, оставшийся старшим в отряде генерал-майор Завалишин оказался ниже своей задачи и малодушно, под предлогом недостатка провианта и большого числа больных... поспешно отступил от крепости... Он посадил войска на суда и, бросив Закавказье, отплыл с ними в Дагестан, в шамхальские владения, откуда с трудом пробрался на линию»³⁵.

Гибель генерала Цицианова под стенами Баку не изменила планы царского правительства. Уже через несколько месяцев, летом того же года, русские войска под командованием генерала Глазенапа двинулись с Северного Кавказа вдоль побережья Каспийского моря в сторону Баку, 22 июня они взяли Дербенд, а 3 октября под командованием генерала Булгакова, сменившего Глазенапа, заняли Бакинское ханство и его столицу, одновременно покорив и Кубинское ханство. Правителей низложили, а их владения были включены в состав Российской империи.

Почему же российские власти так упорно стремились захватить небольшое азербайджанское ханство — Бакинское, чем привлекал их внимание и интерес Баку? Ответы на эти вопросы мы найдем в одном из документов того времени: «Ханство сие с его селениями, составляющее малое пространство приносит однако-же по первой справке дохода в казну Е.В. более 100 000 р.; может однако-же оно приносит доходу еще несравненно более, так как город сей довольно многолюден и имеет на Каспийском море лучшую гавань»³⁶.

Захватив Баку и Бакинское ханство, российское командование в первую очередь издало приказ о массовом разоружении населения; ведь не следовало забывать, что Первая русско-иранская война еще не закончилась. В одном из распоряжений (1807 г.) нового главнокомандующего российскими войсками на Кавказе И.В. Гудовича говорилось: «Соблюдая всю осторожность и порядок в Бакинской крепости, имейте всегда на главной гоубтвахте 1 или 2 орудия. Особливо поручаю вам смотреть затем, чтобы жители Бакинские не имели у себя оружия, которое еще подтверждаю вам непременно отобрать от жителей, оставя оное у одних только важных чиновников и то у таких, которые совершенно надежны и о преданности коих, равно и об усердии вы совершенно уверены...»³⁷

Новые власти не забывали и об интересах фиска. Российские офицеры, назначенные комендантами Баку, строго следили за взиманием налогов, стараясь, чтобы собранные суммы не уступали тем, которые обычно оседали в ханской казне. Деньги брали за все — за добычу нефти и соли, продажу непищевых товаров и продовольствия, причем в некоторых случаях комендант города повышал их стоимость и соответственно объем пошлин.

З а к л ю ч е н и е

Захват русскими войсками Баку (1806 г.) привел к ликвидации Бакинского ханства. На более чем столетний период Баку превратился из столицы независимого ханства в один из обычных периферийных городов Российской империи. В основе административно-судебной реформы, проведенной на Кавказе в 1840 году, Бакинское ханство вошло в

³⁵ Потто В.А. Указ. соч. С. 257—258 (на линию — имеются в виду Кавказские линии — система укреплений, сооруженных русскими войсками в ходе Кавказских войн. В 1860 году были упразднены).

³⁶ Отношение гр. Гудовича барону Будбергу, от 22 октября 1806 года, № 66 // АКАК, Т. III. Тифлис, 1869, док. № 642.

³⁷ Предложение гр. Гудовича ген.-м. Гурьеву, от 16 марта 1807 года, № 186 // АКАК, Т. III, док. № 657.

состав Каспийской области в качестве Бакинского уезда. В 1846 году в результате нового административно-территориального деления Бакинский уезд вошел в состав Шемахинской губернии, однако после разрушительного землетрясения в Шемахе (1859 г.) центр перевели в Баку, а губернию переименовали в Бакинскую.

Только после Февральской революции в России (1917 г.), которая привела к распаду империи и образованию Азербайджанской Республики (1918 г.), Баку вернул свое былое величие, став столицей независимого Азербайджана. Однако в апреле 1920 года Баку и весь Северный Азербайджан были оккупированы 11-й Красной армией и на долгие 70 лет их включили в состав Советской империи. Лишь в октябре 1991 года Азербайджан смог отделиться от нее и провозгласить суверенную республику.

Ныне, в начале XXI века, Баку, как и весь Азербайджан, вновь занимает существенное место в мировой политике. Транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия сохраняет исключительное значение в отношениях между Западом и Востоком. Баку принадлежит решающая роль в добыче и транспортировке углеводородных ресурсов Каспийского моря. Таким образом, здесь по-прежнему пересекаются интересы и устремления великих держав, а также «ключевых» государств региона, продолжающего оставаться «золотым яблоком», которым хочет завладеть каждый участник «битвы за Кавказ».
